

ПСИХОЛОГИЯ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

22 ОКТЯБРЯ 2019 ГОДА

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г.Чернышевского
(Россия, Саратов)

Саратовское региональное отделение Российского психологического
общества (Россия, Саратов)

**ПСИХОЛОГИЯ ИНТЕГРАЛЬНОЙ
ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ
ОБЩЕСТВЕ**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

22 ОКТЯБРЯ 2019 ГОДА

Саратов
ИЦ «Наука»
2019

УДК [15:004.7](082)

ББК 88.3.43

П86

Редакционная коллегия:

д. псих. н. Т.В. Белых, д. псих. н. Г.В. Грачев

*Авторская позиция и стилистические особенности публикаций
полностью сохранены.*

Психология интегральной индивидуальности в информационном обществе: сборник материалов международной научно-практической конференции [электронное издание] / под ред. Т.В. Белых, Г.В. Грачева – Саратов: ИЦ «Наука», 2019. – 250 с.

В сборнике представлены материалы международной научно-практической конференции «Психология интегральной индивидуальности в информационном обществе». В сборнике представлены статьи, посвященные изучению таких проблем как: особенности формирования и развития интегральной индивидуальности человека в современном обществе, ее субъектности; обеспечение информационно-психологической безопасности личности в современном обществе и способам противодействия информационным угрозам и процессу деиндивидуализации человека; физиологические и психофизиологические аспекты адаптации человека к условиям инфокоммуникации; социально-психологические условия оптимального взаимодействия субъектов инфокоммуникации.

Среди авторов представленных статей – преподаватели вузов, психологи, педагоги, исследователи и практикующие психотерапевты. Сборник материалов будет интересен практикующим психологам, социальным работникам, педагогам и широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-9999-3193-1

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Психология интегральной индивидуальности в современном обществе: прикладные аспекты

Авдеева Ксения Васильевна (г. Саратов)

Формирование коллективной ответственности как условие обеспечения психологической безопасности личности дошкольника в современном цифровом мире.....7

Белкин Антон Игоревич (г. Тель-Авив, Израиль)

Флуктуация сознания и интегральной индивидуальности в условиях тотальной знаковой среды постиндустриального общества.....11

Бразуль-Брушковский Евгений Георгиевич (г. Москва)

Десубстантивизация индивидуальности в условиях формирования информационного общества.....20

Белых Татьяна Викторовна, Белых Виктор Владимирович (г. Саратов)

Модель адаптивного/деадаптивного межличностного взаимодействия в структуре интегральной индивидуальности у студентов с разной гендерной идентичностью.....26

Белых Татьяна Викторовна (г. Саратов)

Структурно-функциональная модель обеспечения психологической безопасности личности в современном информационном обществе.....37

Белых Татьяна Викторовна, Ботвиненко Екатерина Владимировна
(г. Саратов)

Отчуждение моральной ответственности в структуре интегральной индивидуальности.....46

Белых Татьяна Викторовна, Буданова Айжан Турсенгалиевна (г. Саратов)

Социальные представления личности у лиц с нарушениями пищевого поведения.....51

Гусейнов Али Зульфигарович (г. Саратов)

Формирование креативных способностей личности в системе образования как фактор развития интегральной индивидуальности.....57

Карелин Андрей Александрович (г. Саратов)

Связь отношений в семье с особенностями интегральной индивидуальности ребенка.....63

Князев Евгений Борисович (г. Саратов)

Деструктивная подчиняемость личности в условиях инфокоммуникации: психологические условия профилактики.....68

Козловская Наталья Владимировна (г. Ставрополь)

<i>Представление об агрессии как условие возникновения и проявления деструктивных тенденций в поведении подростков</i>	75
Колосова Екатерина Викторовна (г.Саратов)	
<i>Использование интеллект-карт в преподавании иностранных языков как проблема педагогической психологии</i>	80
Колиниченко Ирина Александровна (г. Пятигорск)	
<i>Представления об идентичности педагогов как субъектов информационного пространства педагогического общения</i>	88
Кондратьева Мария Владимировна, Орлова Мария Михайловна (г. Саратов)	
<i>Личностные психологические предикторы социальной компетентности студентов</i>	95
Константинова Елена Николаевна (г. Саратов)	
<i>Субъектность interoцепции</i>	98
Крикун София Дмитриевна (г. Саратов)	
<i>Наставничество в сказках как архетипический инструмент развития индивидуальности</i>	102
Лебедева Валерия Евгеньевна, Белых Татьяна Викторовна (г. Саратов)	
<i>Взаимосвязь ранних дезадаптивных схем, типа и стратегии самоповреждающего поведения</i>	106
Лобова Людмила Геннадьевна (г. Воронеж)	
<i>Некоторые аспекты и принципы обмена информации в самоорганизующихся системах</i>	114
Орлова Мария Михайловна (г. Саратов)	
<i>Оценка качества жизни и адаптационные стратегии в ситуациях экономической, физической и социальной депривации</i>	122
Пяткина Екатерина Сергеевна, Шипова Лариса Валентиновна (г. Саратов)	
<i>Танцевальная терапия в системе реабилитации инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата</i>	129
Романова Наталья Михайловна (г. Саратов)	
<i>Особенности мотивационной сферы и направленности личности подростка-правонарушителя</i>	134
Стрельчук Юрий Сергеевич, Пантелеев Александр Федорович (г. Саратов)	
<i>Субъективация клипового мышления у студентов</i>	138
Шипова Лариса Валентиновна, Набиева Регсана Махир кзы (г. Саратов)	
<i>Изучение видов агрессии у подростков с легкой умственной отсталостью</i>	143
Юрьева Валентина Олеговна (г. Саратов)	
<i>Эмпирическое исследование особенностей восприятия рекламного текста в зависимости от личностных диспозиций у студентов</i>	147
Юрьева Валентина Олеговна (г. Саратов)	
<i>Особенности эксплицитного восприятия рекламных текстов в зависимости от доверительного к ним отношения</i>	153
Юмаева Марина Васильевна (г. Саратов)	

<i>Формирование состояния психологической безопасности студента-музыканта</i>	158
---	-----

Часть 2. Информационно-психологическая безопасность личности в современных условиях

Алиева Наталья Сабировна, Рутчик Екатерина Андреевна, Фролова Светлана Владимировна (г. Саратов)	
<i>Зависть и обида как предикторы агрессивного поведения в социальных сетях</i>	169
Батеева Анастасия Андреевна (г. Саратов)	
<i>Кибербуллинг как вид деструктивного поведения в сети Интернет</i>	174
Волковская Виктория Михайловна (г. Ставрополь)	
<i>Психологические способы и методы защиты от информационного стресса работников в современной организации</i>	178
Грачев Георгий Васильевич (г. Саратов)	
<i>Информационно-психологическая безопасность личности: проблема и перспективы формирования информационно-психологической компетентности личности в образовательном процессе вуза</i>	182
Грачев Георгий Васильевич, Белых Татьяна Викторовна (г. Саратов)	
<i>Информационно-психологическая безопасность личности в цифровом мире: новое направление магистерской подготовки в образовательном процессе вуза</i>	190
Ивановский Александр Владимирович (г. Минск, Республика Беларусь)	
<i>Противодействие «распаду истины» в виртуальном пространстве: методология и механизмы</i>	194
Емельянова Анна Олеговна (г. Саратов)	
<i>Антропоморфизация гаджетов</i>	203
Корчагина Анастасия Дмитриевна, Фролова Светлана Владимировна (г. Саратов)	
<i>Психологические особенности активных интернет-зрителей онлайн-трансляций с демонстрацией девиантного поведения</i>	209
Петренко Анатолий Иванович (г. Москва)	
<i>Психологические операции, направленные на эрозию сознания подрастающего поколения</i>	215
Ракитянский Николай Митрофанович (г. Москва)	
<i>Психологические качества субъекта принятия политических решений</i>	222
Свидченко Анастасия Ивановна (г. Саратов)	
<i>Особенности психологических манипуляций детьми в интернете</i>	225
Суздальцев Никита Владимирович (г. Саратов)	
<i>Дискурс в украинских СМИ в отношении России в период президентской предвыборной кампании и после неё</i>	231

Чарикова Виктория Олеговна (г. Саратов)	
<i>Формирование личности в цифровом пространстве</i>	240
Ярошенко Елена Игоревна, Рафикова Виктория Сергеевна (г. Саратов)	
<i>Особенности проявления аддиктивных форм поведения в среде военнослужащих (на примере исследования игровой зависимости)</i>	244

Часть 1. Психология интегральной индивидуальности в современном обществе: прикладные аспекты

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ ДОШКОЛЬНИКА В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ МИРЕ

Авдеева К.В.

Заведующий МАДОУ «Светлячок», педагог-психолог г. Хвалынский
Саратовская область
mi20082009@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема психологической безопасности развития личности ребенка дошкольного возраста в современных условиях. Определяются признаки угрозы психологическому здоровью дошкольника. Обосновывается необходимость формирования коллективной ответственности как условия психологической безопасности.

Ключевые слова: коллективная ответственность, коллектив, психологическая безопасность дошкольника.

FORMATION OF COLLECTIVE RESPONSIBILITY AS A CONDITION FOR ENSURING PSYCHOLOGICAL SECURITY OF A PRESCHOOLER'S PERSONALITY IN THE MODERN DIGITAL WORLD

Avdeeva K. V.

Manager, educational psychologist MADOU kindergarten "Svetlyachok" of the city of Khvalynsk, Saratov region

The problem of psychological safety of development of personality of the child of preschool age. Signs of threat to psychological health of the preschooler are defined. The necessity of formation of collective responsibility as a condition of psychological safety is proved.

Key words: collective responsibility, collective, psychological safety of the preschooler.

Обеспечение психологической безопасности в современном цифровом мире чаще обсуждается применительно к подросткам. Но в настоящее время защита психологического здоровья от угрозы потоков информации и коммуникации в онлайн-среде необходима уже в дошкольном возрасте. Определения И.А.Баевой подтверждают, что психологическая безопасность направлена на сохранение системы, обеспечение ее нормального функционирования [1]. Угрозофакторами

психологической безопасности развития личности ребенка, по мнению Л.М.Костиной, являются как внутренние, так и внешние деструктивные воздействия [2].

В совокупности такие факторы, как влияние внешней среды, социального окружения и семейной ситуации развития детей, оказывают непосредственное влияние на их психологическую безопасность.

Известно, что большую часть дня ребенок проводит в образовательной организации. Следовательно, к осуществлению мер психологической безопасности активно привлекаются педагоги, так как эффективность работы напрямую зависит от консолидации усилий всех участников образовательной среды.

Хотя, существует немало факторов, доказывающих, что, в основном, дети из неблагополучных семей, страдающие от недостатка внимания, испытывающие чувство одиночества, более подвержены влиянию цифрового мира на развивающуюся личность.

Каким образом может происходить взаимодействие сетей интернет и ребенка-дошкольника? У дошкольника принятие решения обратиться к интернет ресурсам приходится на родителей, которые, в свою очередь, являются кибер-молодёжью современного цифрового мира. Такие родители не видят опасности в столь глубоком погружении в виртуальную реальность своего ребенка с еще неокрепшей психикой. Они сами до сих пор предпочитают скрываться от проблем реальности в интернет-пространстве, чураются любого общения, в особенности посещения родительского собрания. Запросы на психологическое обследование таких детей от родителей отсутствуют. Такое расположение составляет угрозу психологической безопасности развития личности ребенка.

Родителям проще занять внимание ребенка гаджетом, чтобы иметь возможность самому заниматься тем же. У дошкольника возникает зависимость в виртуальном общении. Её можно заметить в таких проявлениях как резкое изменение фона настроения и поведения, преобладание подавленного настроения. Попытки лишить ребенка такого общения могут вызвать эмоциональный срыв: нарушение сна, истерику, плачь, крик, ругательства.

У таких детей отсутствует стремление к налаживанию и установлению контакта со сверстниками, у них даже нет потребности в этом. Самооценка такого ребенка является неадекватной: либо она завышена – и тогда никто не достоин его общения, либо она занижена так, что ребенок при любой своей ошибке бьёт себя по голове, называя себя «дебиллом» (скорее так же, как его называют дома). Естественно, в

группе детского сада свидетелями такого поведения становятся дети-сверстники. Положительной оценки такое поведение не вызывает, а отрицательная оценка проявляется в формировании презрительного отношения коллектива к данной личности дошкольника. Поэтому основной задачей педагогов дошкольного образования является не только развить индивидуальность, но и сформировать детский коллектив. В детском саду коллектив формируется с 1,5-2 лет. Под влиянием педагога детский коллектив обретает свой качественный характер: умение прощать, оказывать помощь, быть милосердным, толерантным [3]. В процессе развития коллектива формируются отношения взаимной ответственности личности перед коллективом и коллектива перед каждым членом. Формирование коллективной ответственности в детском коллективе является, таким образом, условием психологической безопасности развития личности дошкольника. Данное предположение доказывает исследование групп детского сада «Светлячок» г. Хвалынска, целью которого было изучить зависимость эффективности совместной деятельности детей от представлений участников группы об ее успешности. Методология исследования была представлена сложным комплексом методов. В частности, опросом, беседой, стандартизированным наблюдением. Конкретные социометрические методики позволили увидеть процентное соотношение участников, подверженных психологической угрозе от интернет-ресурсов, и детей, находящихся в состоянии психологической безопасности. По результатам опроса 42% членов детского коллектива (12 человек из 28) являются активными интернет-пользователями, при этом посещение виртуального пространства несет развлекательный характер. В данной группе (группа 6-7 лет) просматривался фактор неуверенности участников в эффективности совместной деятельности. Неуверенность в своих силах и силах сверстников проявляли дети, увлеченные гаджетами. Статус этих детей в группе по результатам методики «Секрет» Т.А.Репиной оказался не на низком уровне. Результаты же методики «Диагностики самооценки» Т.В.Дембо показали низкий уровень и неадекватную самооценку. При исследовании было выявлено, что основная масса кибер-детей начала посещать детский сад после 3-4 лет, и часть детей посещали детский сад нерегулярно, что не сформировало представление системы ни у ребенка, ни у родителя. Каждый приход малыша в детский сад после длительного отсутствия переживался им так же эмоционально, как первый раз. Конечно, для построения межличностных отношений в детском коллективе необходима система посещений. Но, как правило, дети, проводящие основное время у

экранов компьютеров, болезненны, по причине чего посещение детского сада не является регулярным. Ряд заданий этой группы успехом не увенчался, но принес некоторые результаты важные для формирования личностных качеств участников исследования и для формирования детского коллектива. Участие в коллективной деятельности повысило самооценку у 18% «интернетных» детей, чем снизили угрозу психологической безопасности развития личности дошкольников. Так же было замечено, что дети, посещающие регулярно группу детского сада, более коммуникабельны, чувствуют собственную ответственность за общее дело, более милосердны, имеют интересы, способствующие успеху группы, имеют потребность в общении со сверстниками, адекватно воспринимают оценку своих поступков другими, имеют адекватную самооценку [4].

Группы таких детей были успешными в совместной деятельности. Данная закономерность позволила предположить еще одно условие формирования представления об успешности совместной деятельности дошкольника – это формирование коллективной ответственности. «Коллектив формирует целостную, нравственную личность, превращается в инструмент индивидуального развития каждого из его членов» - А.С.Макаренко [5].

Психологическая безопасность развития личности ребенка дошкольного возраста – условие жизненной успешности и гарантия благополучия человека в жизни [6]. Очевидна зависимость психологической безопасности дошкольника от личной и коллективной ответственности, формирование которой является важной задачей образовательных дошкольных учреждений и родителей.

Список литературы:

1. Баева И. А., Петросянц В. Р. Психологическая безопасность и проблема насилия в образовании [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://nrcnn.ru/lang/activity.html?id=150>
2. Костина Л. М. Стратегические направления формирования психологической безопасности личности дошкольника // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. – 2013. - 155. – с. 66-71
3. Новикова, Л.И. Педагогика детского коллектива. Вопросы теории [Текст] /Л.И. Новикова. – М.: Педагогика, 1978. – 144 с. – с.13
4. Немов Р. С. Путь к коллективу / Р. С. Немов. - М: Просвещение, 1988. - 59 с.
5. Макаренко А.С. Коллектив и воспитание личности. - М.: Педагогика, 1972. – 334с. - с.136
6. Трофимова К. А. Проблема психолого-педагогической коррекции поведения детского коллектива / К. А. Трофимова. - М: «Эксмо», 2002. 15 с.

ФЛУКТУАЦИЯ СОЗНАНИЯ И ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТОТАЛЬНОЙ ЗНАКОВОЙ СРЕДЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА¹

Белкин А.И.

доктор психологических наук, профессор, координатор Израильского общества кросс-культурной психологии г. Тель-Авив, Израиль

belkin@pgsga.ru

Аннотация. Статья посвящена изменениям психологии человека, его сознания в условиях постинформационного общества. Рассматриваются психологические концепции, близкие по описанию к новой информационной действительности. В статье поставлен вопрос о том, насколько нужна индивидуальность в новых условиях существования человека или его сознание представляет собой плоскость, на которую информационная среда оказывает непосредственное воздействие. Показано, что методы классической психологии не в полной мере описывают новую информационную среду существования человека.

Ключевые слова сознание, индивидуальность, постиндустриальное общество, социальное влияние, символическая идентичность.

FLUCTUATION OF CONSCIOUSNESS AND INTEGRAL INDIVIDUALITY IN CONDITIONS OF TOTAL LANDMARK ENVIRONMENT OF POST-INDUSTRIAL SOCIETY

Belkin A.I.

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Coordinator, Israel Society of Cross-Cultural Psychology, Tel Aviv, Israel

belkin@pgsga.ru

The article is devoted to changes in the psychology of a person, his consciousness in the conditions of a post-information society. Psychological concepts close in description to the new information reality are considered. The article raises the question of how much individuality is needed in the new conditions of human existence or their consciousness is a plane on which the information environment has a direct impact. It has been shown

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 19-013-00816 / А по теме «Многомерность сознания как проблема современной психологии: типологизация подходов и конструирование системы категориальных пространств».

that the methods of classical psychology do not fully describe the new information environment of human existence.

Key words: consciousness, individuality, post-industrial society, social influence, symbolic identity.

Основным средством достижения идентичности и обретения смысла жизни личности как в традиционном, так и в индустриальном обществах служило приобщение к традиционным ценностям. Однако в современном мире происходят процессы “технологической экспансии”, влекущие за собой переоценку ценностей и идеалов, принятых в традиционном обществе. На смену традиционализму приходит постсовременная эпоха, которая диктует новые векторы развития человечества [1].

Возникает новый тип общества – постиндустриальный, в котором господствующее положение занимает информационная культура, по своим характеристикам принципиально отличающаяся от смеховой и официальной типов культур. Для нее характерен английский язык, который служит прообразом единого мирового языка, а также различные нарративы, которые в информационной среде заменяют традиционно выделяемые субъект–объектные отношения. Информационная культура предполагает существование иной, не «объективной», а виртуальной реальности. В отличие от прошлых культур, построенных на прочной материальной или духовной почве, информационная культура основывается на всеобщей текстуализации и нарративизации как мира, так и отдельного персонажа. Сейчас информационная культура стремится занять доминирующие позиции в мировом культурном пространстве.

В настоящее время можно говорить о возникновении особого «киберпространства», которое организовано в виде гипертекста: информационных массивов, игр и развлечений, людских претензий. Индустрия культуры приводит к тому, что конформизм заменяет сознание, а ее главными признаками являются обесценивание человека, воспроизводство заданных алгоритмов отношений. Общеизвестно, что сознание масс в современном мире во многом формируется в большей степени радио, кино и телевидением – «индустрией сознания», чем идеологической продукцией «аппарата культуры». Глобальная информационная революция приводит к тому, что владение и пользование знаниями перестает быть привилегией избранных и профессионалы утрачивают свое доминирующее положение, что в большей степени характерно для представителей традиционного и индустриального типов общества. Информационные

технологии и информационные процессы принимают все более виртуальный характер, то есть замыкаются на интересах самовоспроизводства, все в большей степени теряя связь с реальной действительностью.

В настоящее время происходят процессы экспансии со стороны развитых стран, которые призваны разрушить традиционную культуру, лежащую в основе национально-государственного самоопределения народов развивающихся государств. Считается, что сами культуры подвергаются фундаментальному преобразованию [2].

Информационная культура отличается от других типов культур онтологически: она представлена в виде определенного текста – информации, которая постоянно превращается в знание, имеющий субъективный характер. В ней происходит взаимопроникновение и слияние «высокой» и «низкой» культуры, размываются традиционные ценности возникает новая информационная реальность, виртуальная по своему характеру, которая оказывает влияние на психику и формирует сознание индивидуумов и социальных групп. Информационная культура предъявляет новые требования к психике индивидуумов. Прежде всего, информационная культура требует от человека владения рядом навыков и умений, которые можно разделить на ряд основных составляющих или компонентов:

1) техническая составляющая охватывает собой навыки использования технических устройств, компьютерных технологий и программных продуктов;

2) другая часть тесно связана с социально-интеллектуальными способностями человека, то есть умением извлекать информацию из различных источников и эффективно ее использовать, владением аналитической переработкой информации, знанием особенностей информационных потоков в своей области деятельности [1].

В целом, информационная среда предъявляет особые требования к психике и главным становится не только и даже не столько степень владения информацией, сколько умение извлекать нужную информацию, связывать вместе информационные массивы в единое целое для своевременного принятия решения. Вместе с тем изменяется характер реальности, она виртуализируется.

В постсовременном мире переживания виртуальной реальности и действительной реальности в ситуации неопределенности утрачивают четкую границу, а это чревато непредсказуемыми негативными последствиями, связанными с

неверными оценками ситуации и наличных возможностей. Существование человека в новой информационной среде связано с информационными перегрузками. Между тем, при чрезмерной сенсорной стимуляции возникает искажение восприятия реальности, а при информационной перегрузке ослабляется способность «думать». На наш взгляд, в этих взглядах отражены специфика влияния информационной среды, которая обладает множественным референциальным характером означающих, предъявляет повышенные требования к обработке, осмыслению и практическому использованию информации.

Другой центральной психологической проблематикой становится достижение личностной целостности, что подразумевает усложнение процесса конституирования психосоциальной идентичности. В настоящее время проблематика психосоциальной идентичности приобретает особую остроту. Это связано с размыванием традиционных ценностей и норм, ценностно-нормативным вакуумом, возрастанием степени социальной энтропии и ускорением жизненных циклов, связанных с восприятием социального времени.

Глобальный характер информационного воздействия позволяет ученым оворить о наличии информационных войн, изменяющих когнитивные картины мира и поведенческие установки членов того или иного общества.

Постсовременное общество зависимо от информационных систем, а наиболее современный способ воздействия на противника – воздействие на его граждан, представляющее собой манипуляцию сознанием с помощью Интернета и СМИ. В современной ситуации «культурной эрозии» есть возможность – часто принудительная – для индивидуума выбрать свою веру, идеал, образ и одновременно свою идентичность. Результатом является сверхконцентрация на себе.

Современная молодежь развивает «нарциссическую структуру потребностей». Современное личностное пространство становится все более глобальным, основанным на формировании индивидуального пространства жизненных ценностей и поведенческих паттернов в противоположность прошлым гегемоническим системам регуляции социального поведения. Вместе с тем, в целом массовый характер информационного влияния способствует формированию потребительского отношения к жизни и развивает эгоистическую ориентацию личности в межличностных отношениях. Переход к эпохе постмодерна сопровождается глубокими ценностными изменениями:

происходит «сдвиг в преобладающих нормах и мотивациях, лежащих в основе поведения людей». Уменьшается роль власти и авторитетов, понижается значение политических, религиозных, социальных и сексуальных норм. Происходит сдвиг от материальных к постматериальным ценностям постмодерна. Данные социальные изменения связаны не просто с изменением содержания традиционных социально-психологических феноменов, а с изменением их характера. В связи с этим в зарубежной психологической науке возникает ряд понятий, фиксирующих энтропийный характер психологических процессов, изменения сознания человека.

В.А. Шкуратов пишет, что человеку в постиндустриальную эпоху предстоит симбиоз с электронными устройствами: «Общением с ними преимущественно охвачены процессы психики, до сих пор слабо "технизированные", - интеллект в фазе решения и воображение...» [3. С. 186].

В постсовременном мире возникает новый тип коммуникации – коммуникация посредством образов. Главные черты постсовременной коммуникации – образность и рефлексивность. Общение посредством имиджей начинает господствовать над письменной коммуникацией и логическими суждениями. Информационная культура является преимущественно постписьменной и визуальной. Вместе с тем, информационная культура предъявляет особые требования к психике человека: владения компьютерными технологиями и навыков работы с разного рода информацией. Она дает огромные возможности конструирования идентичности, что одновременно может порождать ряд психологических проблем. Сложность конструирования идентичности связана с размыванием традиционных ценностей и границ социальных групп, что затрудняет процесс социальной категоризации.

Информационное пространство также может оказывать негативное влияние, связанное с возможными психическими нарушениями из-за информационной перегрузки, с возрастанием стереотипизации в межличностном и межгрупповом общении, а также с увеличением влияния СМИ и Интернета на сознание индивидов и групп.

Информационная культура представляет собой семиотическую систему, которая «кодирует» все явления в определенную смысловую систему. Исторически выделяют три типа культур: народную смеховую культуру, связанную с телесным низом и стиранием границ между человеком и реальностью, официальную

культуру, основанную на социальной нормативности и информационную культуру. Смеховая, официальная и информационная культуры различаются: а) исторически; б) структурно (по своим знаковым носителям и их организации), но сохраняют преемственность по своим социокультурным функциям. Исторически народная культура – самая древняя, преимущественно телесная и мифологическая. Соприкасаясь с письменной культурой, она становится альтернативной, протестной, делая и свое содержание эпатазирующим, протестным по функции. Письменность же становится общей официальной и культурно приемлемой высокой формой выражения – значительная часть идентификационных, прагматических задач переходит к ней. Этот культурно-исторический статус сохраняется за ней в известной степени до сих пор. В то же время четкое противопоставление народной (карнавально-площадной, устной) и официальной (письменной) культур весьма относительно и принадлежит доиндустриальной и отчасти индустриальной культурам. В постиндустриальную эпоху новый культурный носитель – массовая коммуникация становится институциализированным средством организации общества. Современная постиндустриальная культура разделяется на два слоя: собственно информационная (управляющая подсистема общества, информационное обеспечение власти, экономики, науки) и видеонарративный ряд массовой культуры, который серьезную культуру пародирует, критикует, отчасти отрицает с позиции человека массового общества (особенно молодежи), чье сознание не вполне ассимилировано шаблонами. Андеграунд информационной культуры представляет ее официальный слой в шаржированном, нарочито разорванном и фрагментарном виде информационной антисистемы. Причем, протестный андеграунд информационной культуры может усваивать и темы старого карнавального андеграунда (сексуальные, антисоциальные) и даже письменной культуры, которая оттесняется в постиндустриальном обществе на вторые роли. Информационный низ – это слияние элементов старой карнавальности с новыми техниками информационного опосредования и идентификации [5].

Тема индивидуальности в современном постинформационном обществе представляется крайне актуальной. Возможно это даже самая актуальная психологическая тема на данный момент. Интенсивные изменения психики, сознания человека в условиях новой информационной тотальной знаковой среды не вполне изучены на данный момент времени. Психологическая наука не всегда успевает за происходящими изменениями. Можно ли говорить о существовании

индивидуальности в условиях постинформационного общества или она растворяется в сильном информационном пространстве, проникнутом разнообразными воздействиями.

Тема интегральной индивидуальности, о чем свидетельствует и тема настоящей конференции, близка до настоящего времени нашему сознанию. Вместе с тем, как говорил еще В.П. Зинченко, для любого человека, особенно личности тема индивидуальности приобретает особое значение, так как именно индивидуальность производит новый продукт, совершенствует общество, причем зачастую такое совершенствование инициализируется первоначально не в рамках группы, а отдельной индивидуальностью. В русле классической психологии, формирование и развитие индивидуальности происходит в рамках опосредованного воздействия - общество влияет на индивидуальность не прямо, а косвенно, через ценностно-нормативные системы больших и малых социальных групп. Социальное воздействие первоначально реализуется социальной группой и лишь затем – социумом. В настоящее же время постсовременный человек существует совершенно в других условиях – в условиях непосредственного информационного воздействия, что открывает широкие возможности социального манипулирования и "зомбирования" сознания постсовременного человека. Мы уже существуем в условиях информационных войн. Интересно, что для сознания человека, для его индивидуальности происходящие изменения могут быть не столь заметны и осознаваться только через длительное время, что чаще всего происходит в реальной социальной практике. В этой связи возникает вопрос о необходимости индивидуальности или даже ее отсутствия.

По мнению авторитетных представителей постструктурализма и постмодернизма, а также представителей постмодернистской психологии – Ж. Деррида, Ж. Делеза, М.П. Фуко, Ж. Лакана, Р.Барта, К. Джерджена, Р. Харре, К. Мюррея и др. – концепции которых очень сильно соответствуют новым реалиям, так как показывают текстуальность и нарративный характер сознания постсовременного человека. Так, впервые в истории философии и психологии, Ж. Лакан заявил о смерти "дивида" или индивида, а по сути – индивидуальности, сознание которого формируется существующими на данный момент общественными социально-дискурсивными практиками [6].

В этом аспекте индивидуальность лишается свободы выбора в полном его понимании, он ограничен существующими социально-дискурсивными практиками, существует только иллюзия выбора,

истинный выбор подменен ложным. С этой точки зрения существование индивидуальности может быть иллюзией сознания, стремлением западного сознания к выделению отдельных объектов, навязыванию смысла и упорядоченности всему. В этой связи Ж. Деррида говорит о фоно-лого-центризме – стремлении западного сознания навязывать смысл и упорядоченность всему, в том числе и тому, что не несет такой порядок [1].

Нет "вещи в себе", зачастую события непредсказуемы, что характеризует, например, политическую жизнь общества. Западное сознание находит больше различий там, где на самом деле может быть больше сходства. Если в классической картине общества были представлены достаточно ограниченные определенные условия жизни и предполагалось небольшое число возможных стилей жизни, то на выходе общество получало желаемые для него социальные типы индивидуальности. При этом, конечно, существовало и талантливое меньшинство.

В настоящее же время человек существует в информационном пространстве, где между людьми существует новый тип взаимодействия. Л.С. Выготский и постмодерн-психологи считают интерперсональные отношения более значимыми для формирования индивидуальности по сравнению с интраперсональными. В этом контексте основатель социального конструкционизма и видный представитель постмодернистской психологии К. Джерджен считает, что объективность суждений связана не с определенным психологическим состоянием индивидуального Я, а "достижение объективности текстуально по своей природе, оно проистекает из исторически и культурно обусловленной практики письма и речи" [4].

Под этим углом зрения традиционное психологическое понятие Я может быть рассмотрено как процесс и результат самоповествования в рамках социальных взаимоотношений.

Общение все более становится космополитическим, однако зачастую его широта связана с отсутствием глубины, с квазикоммуникацией, с утратой глубинного общения, крайне значимого для формирования индивидуальности. Когда общение происходит на конвенциональном уровне, сложно говорить о формировании индивидуальности или личности, это касается социальной адаптации и усвоению конвенциональных норм. На формирование сознания во все времена сильное влияние оказывала информация и собственно знание – это интериоризованная информация. Вместе с тем в условиях тотальной знаковой

информационной среды утрачивается приватность знания, оно перестает быть достоянием узких профессиональных групп и становится потенциально доступным каждому индивидууму. В силу избыточности информации, за исключением специализированных социальных групп, таких как группа ученых, взаимодействие с информацией часто носит поверхностный, обрывочный, развлекательный характер. Это, в первую очередь, связано с избыточностью информацией, невозможностью сознания человека охватить весь информационный массив. В этой связи интересна связка интегральная индивидуальность – информационная среда. С одной стороны, информационная среда формирует сознание, которое деиндивидуализируется, утрачивает черты индивидуальности, становится более типичным, поверхностным, в целом происходит стирание индивидуальности. С другой стороны, в информационной реальности отдельные сегменты связаны с формированием, так называемых локальных пространств, то есть индивидуальных пространств верований, предпочтений, стиля жизни, необычных увлечений и в данном контексте, индивидуальность – это стремление к привлечению внимания, к так называемому информационному сигналу. С этой точки зрения, значение индивидуальности возрастает, сама индивидуальность становится инструментом информационного воздействия, которое имеет место быть в информационном пространстве. Здесь возникает интересный вопрос о необходимости индивидуальности. С одной стороны, классическое понимание индивидуальности предполагает рассмотрение ее как незыблемого, фундаментального фактора, обуславливающего различия между людьми. С другой стороны, важен уровень рассмотрения. Если мы рассматриваем на конкретном уровне, то всегда можно найти много различий, о чем свидетельствуют и эксперименты с монозиготными близнецами. Однако, абстрагируясь, мы можем обнаружить гораздо большее число сходств, особенно в условиях определенной среды. В условиях тотальной знаковой среды утрачивается значение индивидуальности, а большую роль начинают играть социально-коммуникативные навыки или потенциал – умение себя преподнести, конструировать нарративы (истории), писательский талант, то есть все то, что формирует приватную индивидуальность – виртуальный образ человека, связанный с его символической идентичностью, представленный в новом информационном пространстве. Одновременно коммуникационно-нарративный потенциал оказывается магистральным инструментом формирования идентичности различного вида, в том числе символической.

Список литературы:

1. Белкин А.И. Настенные надписи Самары. – Самара: Издательство СНЦ РАН, 2008. – 432 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. – 518 с.
3. Шкуратов В.А. Историческая психология. Ростов-на-Дону: Город N, 1994. – 288 с.
4. Gergen K.J. Realities and relationships. Cambridge (Mass); L., 1994.
5. Khayrutdinov R.R., Mukhametzyanova F.G., Sigacheva N.A., A.I. Belkin. , PHENOMENON OF GRAFFITI: PSYCHOLOGICAL ASPECTS // Man in India. 2017. T.97. №8. С.135-141.
6. Lacan J. Ecrits. A selection. L, 1977. – 338 p.

**ДЕСУБСТАНТИВИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В
УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЩЕСТВА**

Бразуль-Брушковский Е.Г.

кандидат философских наук, преподаватель Колледжа
Российского государственного социального университета
brazul.bruszkowski@gmail.com

Десубстантивация индивидуальности в информационном обществе отражает постепенные изменения в философском и психологическом понимании индивида как пучка взаимодействий, в то время как как сознание рассматривается как динамический сетевой процесс.

Ключевые слова: субстанция, десубстантивация, индивидуальность, информационное общество, сознание.

**DESUBSTANTIVATION OF INDIVIDUALITY IN THE SHAPING OF
INFORMATION SOCIETY**

Brazul-Bruszkowski Y.G.

Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), lecturer at the College
of Russian State Social University
brazul.bruszkowski@gmail.com

Desubstantivation of individuality in information society resembles gradual shifts in philosophical and psychological concepts of an individual as a bundle of interactions, while consciousness is viewed as a dynamic networked process.

Key words: substance, desubstantivation, individuality, information society, consciousness.

Понятие индивидуальности относится к числу наиболее употребительных в научной литературе, хотя при этом интерпретации его представляют собой спектр всех возможных вариантов. В философской литературе, как и в литературе психологической и педагогической, существует традиция разделять упомянутое понятие с такими близкими терминами, как «личность», «индивид», «персона». Однако толкования этих понятий очень часто противоречат друг другу; тогда разгораются жаркие споры о том, какое определение соответствует какому понятию, и каждая сторона упорно доказывает свою собственную правоту – что, конечно же, не должно вызывать удивления.

В рамках данной короткой работы нас интересует не выяснение того, какая из возможных интерпретаций понятия «индивидуальность» более «верна» – тем более, что определить это возможно только в пределах определенного концептуального каркаса. Выход за пределы одного такого каркаса не означает, что мы пришли к некоему «объективному» пониманию или толкованию вопроса: невозможность такого «объективного» знания и бессмысленность его как идеала убедительно была продемонстрирована еще в середине XX в. философами и методологами науки – постпозитивистами (М.Полани, Т.Кун, И.Лакатош, Л.Лаудан). Скорее, предметом обсуждения для нас является сам концепт, идея человеческой индивидуальности как обладающей отдельной, самостоятельной, в этом смысле – субстанциальной, природой, а также метафилософские следствия такой предпосылки.

Человеческая индивидуальность на протяжении почти двух тысяч лет истории Западной цивилизации понималась как основа нашего понимания человека вообще. Иначе выражаясь, индивидуальность – это и есть человек, как существо, отдельное от других, в том числе других человеческих, существ. Ощущение, а затем и осознание себя таким отдельным существом являлось доказательством «взрослости», «зрелости» индивида. Впрочем, ценностная окраска понятия «индивидуальность» несколько менялась – от позитивного выражения «подчеркивает вашу индивидуальность» до вполне негативного «выпячивает свою индивидуальность», синонимом чего является популярная в советское время поговорка «я – последняя буква алфавита». Словом, в любой из этих интерпретаций индивидуальность воспринимается как атрибут человеческого существа и, казалось бы, иначе быть просто не может.

Однако, на наш взгляд, подобная аксиоматика может оказаться весьма сомнительной в свете последних тенденций развития

нейробиологии. На протяжении нескольких столетий существовало представление о том, что человеческий мозг представляет собой неизменяемую структуру, на которую накладываются данные социального окружения, воспитания, образования, личного опыта и прочее. Соответственно такому взгляду формировались представления о том, что взрослый человек не только создает личностные границы, он определяется ими, если только он хочет считаться самостоятельным, самодостаточным индивидуумом. Личностные границы понимаются почти буквально как границы физические, как ограда, забор, который мы строим вокруг своего воображаемого «я», чтобы не допускать в него никого другого, не позволять другим людям влиять на нас.

Изучение формирования и функционирования головного мозга, напротив, позволяет понять, что мозг по своей природе пластичен, что люди развиваются во взаимоотношениях (см.: [1]). Это также помогает заново оценить прозрения философов-экзистенциалистов (равно как и представителей гуманистической психологии) о том, что другие люди являются условием моей собственной самореализации. Умение создавать и поддерживать гармоничные отношения с другими людьми (т.н. «коммуникативный интеллект») является умением ничуть не менее важным, чем чисто калькулятивные способности, развитие которых до сих пор считалось главной задачей образования. Мы не собираемся оспаривать тот очевидный факт, что человек *формируется* как индивидуальность – вне зависимости от наших концепций относительно этого – однако предположение, согласно которому *поддержание* такой отдельной, отделенной от других индивидуальности является целью и смыслом человеческого существования, еще требуется доказать. Если же вопрос об индивидуальности рассматривать в контексте философии сознания, то сама возможность существования такого индивидуального, сепаратного сознания, вызывает серьезные сомнения.

Что самое интересное, альтернативная точка зрения на необходимость и неизбежность индивидуализации человеческого сознания высказывалась неоднократно в человеческой истории. Еще более интересно то, что такая точка зрения была популярной до распространения христианства и основанной на нем социальной и политической идеологии идентичности – о чем мы уже писали в свое время [2]. Так, против концепции субстантивности сознания и видимой естественности индивидуальности высказывается буддизм, а до него – ведическая литература, с ее тезисом о том, что единственным действительно существующим «я» является мировое «я»;

индивидуальное же «я» преодолевается, перерастается как детская болезнь по мере развития духовности. В европейской традиции такую точку зрения высказывали неоплатоники, для которых восхождение к подлинному, совершенному бытию – Единому – возможно на пути *экстасиса* – т.е., в буквальном смысле слова, выхождения из себя, преодоления *статиса* индивидуальности [3]. В этом смысле позиция неоплатоников оказывается более сложной, чем христианские представления о душе: для последних лишь тело является ограничивающим фактором («темницей души»), в то время как для первых *любая* индивидуальность является искажением подлинного единства мира.

В определенном смысле, попыткой преодоления ловушки индивидуальности можно считать и теорию коллективного бессознательного, поскольку, апеллируя к универсальным психическим структурам, юнгианский и лакановский психоанализ стремятся к удовлетворительному объяснению, интерсубъективных, по сути, структур человеческой психики. В случае же, если бы человеческая душа (индивидуальность) были исключительно уникальными (единичными) порождениями, психология как наука вообще была бы невозможна.

Достижение психического здоровья и устойчивого развития личности невозможно без осознания самих себя, своих мыслей, чувств, желаний, поступков. Цель – в «собрании я», в понимании того, что сознание – это всегда «сетевой», коммуникативный процесс. Точно так же, как конкретные люди становятся все более зрелыми, формируя все более сложные отношения с другими людьми, а не замыкаясь в себе, общество в целом становится все более зрелым, переходя от принципов конкуренции и контроля к принципам взаимодействия и развития человеческих качеств.

Сложно сказать, откуда появляется идея о субстантивности индивидуальности и личности. Вполне возможно, что на современные научные дебаты на эту тему решающее влияние оказало картезианство и его «мыслю, следовательно, существую» – но вот можно ли считать мышление единственным атрибутом субстанции – вопрос, ответ на который зависит от того, чьих взглядов мы станем придерживаться – Декарта или Спинозы. Сегодняшнее понимание субстанции вовсе не является таким прямолинейным. Например, мы можем считать, что субстанции являются не более, чем пучком свойств (*bundles of properties*), воспринимаемых как индивидуации; но с равным успехом мы можем считать, что субстанции являются не более, чем пучком свойств, воспринимаемых как универсалии [4].

Таким образом, субстантивация духовного (психического, ментального) означает, что сознание существует как вещь, как объект. В данном случае различие между идеалистами и материалистами (пусть даже в сегодняшнем философском бомонде они известны под множеством других имен) не так уж важно: в первом случае считается, что сознание воплощается (экземплифицируется) в ментальной реальности, несводимой к физической; во втором – что сознание воплощается в физической реальности (человеческом мозге). И в том, и в другом случае имеем дело с сознанием как предметом, обладающим той или иной степенью самостоятельного существования. Интересно, что даже если мы считаем сознание функцией головного мозга (функционализм), избежать соблазна думать о нем как о более или менее определенном предмете не получается, даже если в качестве возможных носителей сознания мы рассматриваем компьютер, зомби, киборга или пришельца из космоса (см.: [5, С.148]).

Вопрос о субстантивности сознания, на наш взгляд, проще, чем вопрос о субстантивности индивидуальности, поскольку интуицией психологии является представление о личности как о чем-то более широком и, главное, качественно ином, чем сознание. Очевидно, интуиция эта может проистекать из психоанализа, рассматривающего в качестве базовой категории не сознание, а *психическое* с его трехчастной структурой Id, Ego, Super-Ego. Личность понимается не только как совокупность актуальных свойств индивида (как в случае с сознанием), но и потенциальных: потенциальная универсальность, потенциальная бесконечность, взаимосвязанность с другими людьми – но все эти характеристики, к сожалению, тут же объявляются сущностными свойствами человека (см.: [6, С.21-22]) – и, т.о., если мы примем этот подход, то будем вынуждены обращаться к новой субстанции – человеку, а значит, придется проделывать всю работу сначала. Правда, в этом случае положение наше еще усугубится, поскольку есть опасность провалить субстанциальное определение человека по отношению к животному, и тогда либо мы вернемся к постулированию духа как отличительного свойства человека (образовав порочный круг в доказательстве), либо потеряем предмет своего обсуждения.

Дебаты вокруг проблемы тождества личности в современной аналитической философии основываются как раз на субстантивизме и индивидуальности сознания. Попытка выхода за рамки этого мейнстрима была осуществлена сначала М.Мински в работе «The Societies of Mind» (1989), а спустя 10 лет – Д.Чалмерсом и Э.Кларком в

статье «The Extended Mind». Излагаемая ими концепция «расширенного сознания» и «активного экстернализма», кстати, хорошо согласуется с аргументом Витгенштейна против существования «частного языка» и об общественной (коммуникативной) природе языка.

Представление о том, что современное общество является сетевым, не является совершенно новым, хотя впервые его четко выразил М.Кастельс [7]. По сути, человеческое общество *всегда* было сетевым, но только информационное глобализирующееся человечество смогло осознать факт своей взаимосвязанности, скрытый до поры мифологемами «наций-государств» и инструментальными, маскулинными, сепаративистскими эпистемологиями. Потребовались существенные преобразования в структуре общества, прежде чем игнорируемый до сих пор когнитивный опыт маргинализованных групп начал включаться в когнитивную, операциональную и ценностную ткань мейнстримного большинства.

Если мы считаем, что индивидуальность является лишь набором характеристик (чем они определяются, в данном случае, это отдельный вопрос), то нет ничего удивительного, что в информационном обществе происходит растворение понятия индивидуальности как объекта, как вещи-в-себе, и ему на смену приходит понятие индивидуальности как процесса, потока, пучка взаимодействий (bundle of interactions), как конструкта, наконец, который собирается и пересобирается в различных контекстах. Идентичности, перестав быть непоколебимыми основами и скрепами оказываются индивидуациями нарративов. В этом смысле информационное общество оказалось лишь удачной моделью, на примере которой можно интерпретировать природу сознания и индивидуальности как сетевого динамического процесса.

Список литературы:

1. Бэнкс Э., Хиршман Л. На одной волне. Нейробиология гармоничных отношений / Пер. с англ. Н.Яцок. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 304 с.
2. Бразуль-Брушковский Е.Г. Конец политик идентичности и вопрос о пределах конструирования // Людина – Соціум – Історія: Складності сучасних взаємин (Тези Міжнародної наукової конференції "XXVIII-мі Читання, присвячені пам'яті засновника Львівсько-Варшавської філософської школи Казимира Твардовського", 11-12 лютого 2016 року) / Відп. ред. В.Л.Петрушенко. Львів: Видавництво "Ліга-Прес", 2016. С.141-145.
3. Виноградов Є. Verklärte Nacht: Спроба інтерпретації гносеології Плотіна // Філософська думка. 1999. №1-2. С.205-212.

4. Robinson H. Substance // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Spring 2014 Edition / ed. by Edward N. Zalta. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/substance/>. (Дата обращения: 08.04.2019).
5. Левин С.М. Коллективное сознание и десубстантивация ментального // Мысль. Вып. 18 (2015). С.142-156.
6. Непомнящая Н.И. Психодиагностика личности: Теория и практика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2001. 192 с.
7. Castells M. Informationalism, networks, and the network society: a theoretical blueprint // The Network Society. A Cross-cultural Perspective / Ed. by M.Castells. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2004. P.3-45.

**МОДЕЛЬ АДАПТИВНОГО/ДЕЗАДАПТИВНОГО
МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СТРУКТУРЕ
ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ С
РАЗНОЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ**

Белых Т.В., Белых В.В.

Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой
консультативной психологии, СГУ им. Н.Г. Чернышевского;
магистрант факультета психологии СГУ им. Н.Г. Чернышевского
tvbelih@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена представлениям личности о собственных коммуникативных способностях, умениях и навыках, которые, являясь структурными компонентами образа «Я» существенно отличаются у юношей и девушек с разной гендерной идентичностью и взаимосвязаны с актуализацией адаптивного или дезадаптивного типа межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: структура интегральной индивидуальности, гендерная идентичность, самооценка, конформность/нонконформизм, стиль межличностного взаимодействия, способ реагирования в конфликте, уровень конфликтности.

**MODEL OF ADAPTIVE / DEZADAPTIVE INTERPERSONAL
INTERACTION IN THE STRUCTURE OF INTEGRAL
INDIVIDUALITY IN STUDENTS WITH DIFFERENT GENDER
IDENTITY**

Belykh T.V., Belykh V.V.

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of
Advisory Psychology, SSU named after N.G. Chernyshevsky;
Master student of the faculty of psychology of SSU named after
N.G. Chernyshevsky

The article is devoted to the ideas of the person about their own communicative abilities, abilities and skills, which, being structural components of the image of the "I", differ significantly among boys and girls with different gender identities and are interconnected with the actualization of the adaptive or maladaptive type of interpersonal interaction.

Key words: structure of integral individuality, gender identity, self-esteem, conformity / non-conformism, style of interpersonal interaction, way of reacting in a conflict, level of conflict.

В современном информационном обществе меняется характер межличностного взаимодействия. Взаимодействие между людьми становится все более опосредованным, меняется значимость контактного взаимодействия. При этом уровень конфликтности общения не снижается. Согласно взглядам В.С. Мерлина, конфликтность личности обусловлена в первую очередь ее психологической дезинтеграцией и дезадаптацией.

В связи с этим особое значение приобретает проблема исследования конфликтных личностей, изучение их психологических характеристик в структуре интегральной индивидуальности, образа «Я», специфики поведения в условиях общения и деятельности. В нашем исследовании нас интересовали составляющие образа «Я», раскрывающие представления личности о собственных способах разрешения конфликта, уровне конфликтности и конформности в структуре интегральной индивидуальности, которые, по нашему мнению могут существенно отличаться у юношей и девушек с разной гендерной идентичностью.

Гендерные особенности, определяющие неповторимость личности и ее поведения закреплены в понятии «гендерная идентичность». Гендерная идентичность - это аспект самосознания, описывающий переживание человеком себя как представителя определенного пола (И.С. Клёцина, 1998) [1].

Гендерная идентичность - осознание личностью своей связи с культурными определениями мужественности и женственности [2]; принадлежности к той или иной социальной группе на основе полового признака [3]. Наиболее общее определение гендерной идентичности связано с тем, что ее понимают как результат отождествления личностью себя с определенным полом, отношение к себе как к представителю определенного пола, освоение соответствующих ему форм поведения и формирование личностных характеристик [4]. При всем многообразии компонентов, которые могут быть включены в структуру гендерной идентичности, наиболее

часто повторяющимися являются два компонента: биологический пол (мужчина/женщина) и маскулинность/феминность как конструкты культуры и интериоризированные психологические черты (О. А. Воронина, Д.В.Воронцов, Е. Здравомыслова, В.В.Знаков, В.А.Лабунская, Н.И. Ловцова, Л.Н.Ожигова, Н.Пушкарева, Дж. Скот, А.Темкина, Р. Хоф), отмечает в своей работе Рымарев Н. Ю. (2006) [5].

Осуществляя анализ понятия «гендерная идентичность», Дубовская Е.М. и Кочеткова А.А. пишут, что «в психологии гендерная идентичность, ее формирование, структура и содержание представлено в различных теоретических подходах» [6]. Это: психоаналитический подход (З. Фрейд, Р. Столлер, Р. Тайсон, Ф. Тайсон), аналитическая психология (К.Г. Юнг и его последователи А.Г. Крейг, Дж. Уайли, Э. Самюэльс, Ю. Моник, О.В. Лаврова и др.), теория социального научения (А. Бандура), когнитивное направление (Л. Колберг), теория половых схем (С. Бем) и социально-психологический подход (И.С. Кон, И.С. Клецина, Е.Р. Ярская-Смирнова и др.). Первые два подхода являются эссенциалистскими, подразумевающими, что важнейшие свойства, отличающие мужчин от женщин, являются объективной данностью, а культура только оформляет и регулирует их проявления. Остальные подходы – конструктивистские: они считают гендерную идентичность продуктом культуры и общественных отношений, которые навязывают индивидам соответствующие представления и стереотипы поведения. Гендерная идентичность наряду с этнической, возрастной, профессиональной, национальной идентичностью является компонентом социальной идентичности личности.

В работах Иорданова А. Ф., 2003[7], Костиниковой О. А., 1996 [8] было обнаружено, что гендерные особенности существенным образом влияют на специфику осуществления как совместной, так и индивидуальной деятельности, а также, что «пологендерный конструкт является детерминирующим фактором, определяющим уникальность структур интегральной индивидуальности юношей и девушек в студенческом возрасте» [9].

В нашем исследовании нас интересовала проблема обнаружения сходств и различий во взаимосвязи представлений юношей и девушек с разной гендерной идентичностью о собственных стилевых характеристиках межличностного взаимодействия и способах реагирования на конфликтную ситуацию во взаимосвязи с самооценкой и уровнем конформизма/нонконформизма. Мы предполагали, что в зависимости от типа гендерной идентичности у девушек, как и у юношей, будут выявлены существенные различия в социально-когнитивные оценки собственных, выработанных в ходе

социализации стилевых особенностях межличностного взаимодействия и способах реагирования на конфликтную ситуацию, самооценки и склонности к конформизму/нонконформизму. При этом представления о себе как субъекте общения будут иметь сходства и различия, как между девушками и юношами с одинаковой гендерной идентичностью, так и с разной гендерной идентичностью.

Для осуществления статистического констатирующего исследования выраженности гендерной идентичности и представлений личности о собственных стилевых особенностях межличностного взаимодействия и способах реагирования в ситуации конфликта, у юношей и девушек в студенческом возрасте были использованы апробированные и стандартизированные методы психодиагностического исследования: методика диагностики межличностных отношений Т. Лири в модификации Л.Н. Собчик, методика диагностики способов поведения в конфликтной ситуации К. Томаса, 16-ти факторный опросник Р. Кэттелла, тест В.Ф. Ряховского «Самооценка конфликтности», методика «Маскулинность-фемининность С.Бэм, корреляционный анализ Ч. Спирмена.

В ходе исследования были опрошены 220 студентов Саратовского национального исследовательского государственного университета

Имени Н.Г. Чернышевского, возраст 18-21 год. Из них в статистическом эксперименте участвовали 180 человек: 90 девушек – по 30 человек с разной гендерной идентичностью (маскулинных, фемининных, андрогинных) и 90 юношей в сравниваемых группах, также по 30 человек в зависимости от гендерной идентичности. Из статистического эксперимента были исключены 40 студентов в связи с высоким уровнем социальной желательности ответов.

На основе полученных данных, была разработана модель адаптивного/дезадаптивного межличностного взаимодействия, которая отражает взаимовлияние показателей адаптации/дезадаптации личности с разной гендерной идентичностью.

Показателями, отражающим адаптивность/дезадаптивность межличностного взаимодействия нами были выбраны следующие:

- Самооценка (адекватность/неадекватность),
- Конформность/нонконформизм,
- Стиль межличностного взаимодействия,
- Способ реагирования в конфликте,
- Уровень конфликтности.

Прежде, чем представить эту модель опишем в виде таблицы обобщенные данные эмпирического исследования.

Таблица 1. Обобщенные данные эмпирического исследования

Показатели адаптивности/дезадаптивности	Адаптивное поведение	Деадаптивное поведение
<i>Маскулинные девушки</i>		
Самооценка	адекватная	неадекватная
Конформность	конформизм/нонконформизм	конформизм/нонконформизм
Стиль межличностного взаимодействия	независимо-доминантный	прямолинейный-агрессивный
Способ реагирования в конфликте	компромисс	избегание
Уровень конфликтности	низкий	высокий
<i>Андрогинные девушки</i>		
Самооценка	адекватная	неадекватная
Конформность	нонконформизм+социальная смелость	конформизм
Стиль межличностного взаимодействия	независимо-доминантный	Властно-лидирующий Покорно-застенчивый
Способ реагирования в конфликте	приспособление компромисс	соперничество избегание
Уровень конфликтности	низкий	высокий
<i>Фемининные девушки</i>		
Самооценка	адекватная	неадекватная
Конформность	конформизм/нонконформизм	конформизм/нонконформизм
Стиль межличностного взаимодействия	независимо-доминантный недоверчивый-скептический	Покорно-застенчивый
Способ реагирования в конфликте	соперничество	компромисс
Уровень конфликтности	низкий	высокий
<i>Маскулинные юноши</i>		
Самооценка	адекватная	неадекватная
Конформность	низкая	высокая
Стиль межличностного взаимодействия	доминантный властно-лидирующий сотрудничающий-конвенциональный	недоверчивый-скептический покорно-застенчивый
Способ реагирования в конфликте	вариативные способы	избегание
Уровень конфликтности	низкий	высокий
<i>Андрогинные юноши</i>		

Самооценка	адекватная	неадекватная
Конформность	низкая	высокая
Стиль межличностного взаимодействия	независимый-доминирующий	покорно-застенчивый
Способ реагирования в конфликте	соперничество сотрудничество	сотрудничество
Уровень конфликтности	низкий	высокий
<i>Фемининные юноши</i>		
Самооценка	адекватная	неадекватная
Конформность	низкая	высокая
Стиль межличностного взаимодействия	независимый-доминирующий сотрудничающий-конвенциональный недоверчивый-скептический	покорно-застенчивый зависимый-послушный
Способ реагирования в конфликте	сотрудничество	компромисс
Уровень конфликтности	низкий	высокий

Обобщенные данные, представленные в таблице, позволяют выявить сходства и различия в выделенных показателях адаптивного/дезадаптивного межличностного взаимодействия у девушек и юношей с разной гендерной идентичностью. Сходства между сравниваемыми группами по гендерному признаку, как у девушек, так и у юношей обнаружены при адаптивном поведении: в наличии адекватной самооценки и низком уровне конфликтности. При дезадаптивном поведении вне зависимости от гендерных и половых особенностей, респонденты отличались неадекватной самооценкой и высоким уровнем конфликтности. Различия проявляются в уровне конформности, стилях межличностного взаимодействия и способах реагирования на конфликтную ситуацию.

Выявленные особенности реализации межличностного взаимодействия и специфика образа «Я» у девушек и юношей с разной гендерной идентичностью, позволили создать две модели адаптивного и дезадаптивного поведения, представленные на рисунках 1 и 2.

Рис. 1. Модель адаптивного/дезадаптивного межличностного взаимодействия у девушек с разной гендерной идентичностью в структуре интегральной индивидуальности

На представленной модели отражены обобщенные данные, которые позволяют определить особенности проявления коммуникативного «Я» у девушек, имеющих разную гендерную идентичность. Вне зависимости от гендера, девушки могут проявлять как адаптивное поведение, характеризующееся наличием адекватной самооценки и низким уровнем конфликтности в ситуации межличностного взаимодействия, так и дезадаптивное (наличие не адекватной самооценки и высокого уровня конфликтности). Девушки, имеющие не адекватную самооценку, как правило, имеют и высокий уровень конфликтности (по их собственной оценке).

Гендерная принадлежность раскрывает особенности проявления как адаптивного, так и дезадаптивного поведения. Так, девушки, демонстрирующие наличие адаптивного поведения в проявлении стилевых особенностей, имеют больше сходств, нежели различий, для них характерно преобладание независимого-доминантного стиля, при этом способы реагирования в конфликтной ситуации могут существенно различаться. У маскулинных девушек это

склонность к компромиссу, у андрогинных к приспособлению, компромиссу, у фемининных – к соперничеству.

При неадаптивном поведении обнаруживается напротив, больше различий, нежели сходств в актуализации и стилевых особенностей и способов реагирования в конфликтной ситуации у девушек. Так, маскулинные девушки используют прямолинейно-агрессивный стиль межличностного взаимодействия и избегание как способ реагирования в конфликте; андрогинные властный-лидирующий, покорный-застенчивый стили и соперничество, избегание как способы реагирования в конфликте. Фемининные девушки склонны к покорно-застенчивому стилю и использованию компромисса при возникновении конфликта.

Конформизм у маскулинных и фемининных девушек с адаптивным и дезадаптивным поведением может быть как высоким, так и низким. Андрогинные девушки с адаптивным поведением склонны к проявлению неконформизма и социальной смелости.

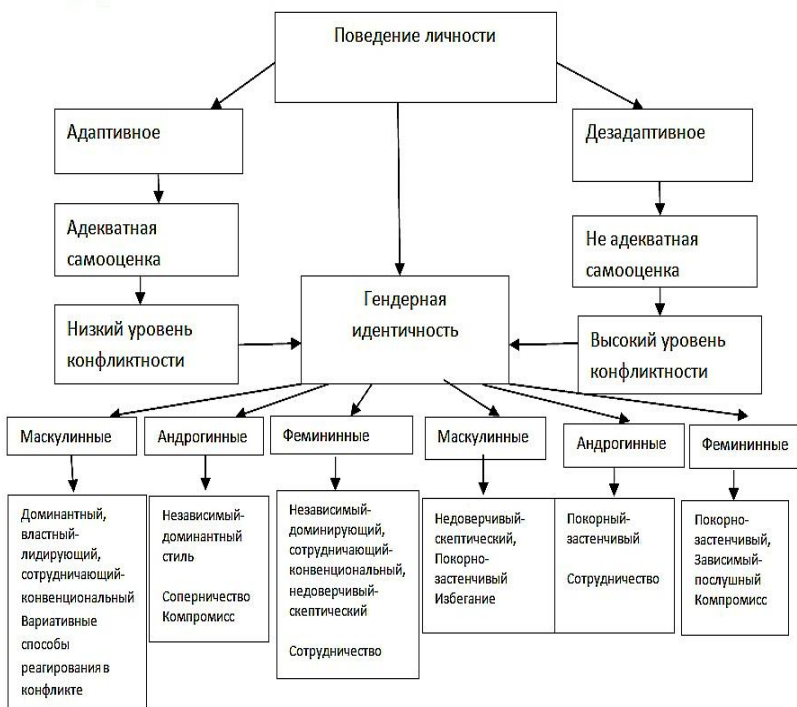

Рис.2 Модель адаптивного/дезадаптивного межличностного взаимодействия у юношей с разной гендерной идентичностью в структуре интегральной индивидуальности

На представленной модели отражены обобщенные данные, которые позволяют определить особенности проявления коммуникативного «Я» у юношей, имеющих разную гендерную идентичность. Вне зависимости от гендера, юноши, также как и девушки могут проявлять как адаптивное поведение, характеризующееся наличием адекватной самооценки и низким уровнем конфликтности в ситуации межличностного взаимодействия, так и дезадаптивное (наличие не адекватной самооценки и высокого уровня конфликтности). Юноши, также как и девушки, имеющие не адекватную самооценку, как правило, имеют и высокий уровень конфликтности (по их собственной оценке).

В отличие от девушек, юноши с разной гендерной идентичностью, проявляющие адаптивное поведение характеризуются наличием большего репертуара стилей межличностного взаимодействия. Так, маскулинные юноши в условиях межличностного взаимодействия проявляют доминантный, властный-лидирующий, сотрудничающий-конвенциональный стили межличностного взаимодействия и многовариативные способы реагирования в конфликте. Андрогиные юноши склонны к использованию независимого-доминантного стиля и соперничества, компромисса как способов реагирования на конфликтную ситуацию. Фемининные юноши используют независимый-доминирующий, сотрудничающий-конвенциональный, недоврчивый-скептический стили и способны к сотрудничеству в ситуации конфликта.

Юноши с дезадаптивным поведением используют похожие стили межличностного взаимодействия, но различаются в способах реагирования на конфликт. Маскулинные юноши используют недoverчивый-скептический и покорно-застенчивый стили, а также избегание как способ реагирования в конфликте. Андрогиные юноши покорно-застенчивый стиль и способны к сотрудничеству в ситуации конфликта. Фемининные характеризуются наличием покорно-застенчивого и зависимого-послушного стилей межличностного взаимодействия и демонстрируют способность к компромиссу в ситуации конфликта.

Юноши с адаптивным поведением склонны воспринимать себя в отличие от девушек как самодостаточных, с высоким уровнем нонконформизма. Юноши с дезадаптивным способом общения, напротив склонны воспринимать себя как конформных.

Таким образом, в ходе проведения эмпирического исследования с применением корреляционного анализа и моделирования, как способа обобщения, анализа и интерпретации данных были выявлены сходства и различия во взаимосвязи структурных компонентов самосознания, отражающих представления о коммуникативном «Я» и особенностях межличностного взаимодействия у студентов с разной гендерной идентичностью.

Выводы:

1. адекватность/неадекватность самооценки как у юношей, так и у девушек с разной гендерной идентичностью определяет больше различий в структуре интегральной индивидуальности и ее коммуникативного «Я», чем гендерная принадлежность;
2. девушки, демонстрирующие наличие адаптивного поведения, имеют больше сходств, нежели различий в восприятии собственных стилевых особенностей, для них характерно восприятие себя как имеющих независимый-доминантный стиль межличностного взаимодействия и многовариативные способы разрешения конфликта, они могут проявлять как высокий, так и низкий уровень конформизма;
3. девушки с неадаптивным поведением обнаруживают напротив, больше различий, нежели сходств в структуре интегральной индивидуальности и восприятии ее коммуникативного «Я», они могут воспринимать себя и как прямолинейно-агрессивных, и как покорно-застенчивых, в зависимости от гендерной принадлежности, уровень конформности может быть, как высоким, так и низким;
4. юноши с разной гендерной идентичностью, воспринимающие себя как адаптивных, характеризуются наличием большего, чем у адаптивных девушек репертуаром стилевых особенностей межличностного взаимодействия, при этом они имеют между собой больше различий, нежели сходств;
5. юноши с дезадаптивным поведением склонны использовать похожие стили межличностного взаимодействия (чаще это покорно-застенчивый стиль), но различаются в способах реагирования на конфликт, в зависимости от гендерной идентичности это могут быть – соперничество, избегание, компромисс.
6. адаптивные юноши воспринимают себя только как склонных к неконформизму, дезадаптивные юноши, напротив склонны воспринимать себя как конформных;
7. полученные данные об особенностях сформированности коммуникативного «Я» в структуре интегральной индивидуальности у юношей и девушек с разной гендерной идентичностью, позволили выявить, на основе выделенных критериев (адекватность/не

адекватность самооценки, уровень конфликтности, конформизм/нонконформизм) адаптивный и дезадаптивный способ межличностного взаимодействия, что может быть основой для понимания причин затруднений, испытывающих личность в общении; основой для создания просветительских и психопрофилактических программ, направленных на оптимизацию процесса межличностного взаимодействия у студентов, имеющих разный адаптационный потенциал и проявляющих разную гендерную идентичность.

Список литературы:

1. Клецина, И.С. Гендерная социализация: Учебное пособие/И.С. Клецина. Спб.: Издательство РТПУ им. А.И. Герцина, 1998. - 92 с.
2. Воронина О.А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований //Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О.А. Ворониной. – М.:МЦГИ – МВШСЭНМФФ, 2001. – С.13-106.
3. Радина Н.К.; Терешенкова Е.Ю. Возрастные и социокультурные аспекты гендерной социализации подростков// Вопросы психологии, 2006. - N 5. - С. 49-59
4. Бендас Т.В. Гендерная психология: Учебное пособие. СПб.: ПИТЕР, 2005. - 430с.; Здравомыслова, А.А. Темкина Социальная конструкция гендера и гендерная система в России//Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сборник научных статей. Под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А. Санкт-Петербург, 1996. - 96 с.)
5. Рымарев Н. Ю. Личностные особенности подростков с различной гендерной идентичностью: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. КГУ. - Краснодар, - 2006 - 31 с.
6. Дубовская Екатерина Михайловна, Кочеткова Александра Андреевна Гендерные особенности межличностного общения в юношеском возрасте // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2017. №3 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-osobennosti-mezhlichnostnogo-obshcheniya-v-yunosheskom-voznraste> (дата обращения: 19.05.2019
7. Иорданов А. Ф. Особенности развития гендерных структур интегральной индивидуальности у студентов гуманитарного вуза. Автореф. Канд. Дис. Ставрополь, 2003, 16с.
8. Костиниковой О. А. Влияние пола и типа темперамента на продуктивность совместной познавательной деятельности старших дошкольников. Автореф. Канд. Дис. Ставрополь, 1996, 18с.
9. Белоус В. В. Введение в психологию полиморфной индивидуальности / В.В. Белоус. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2000. – 136 с.

МНОГОУРОВНЕВАЯ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Белых Т.В.

Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой
консультативной психологии, СГУ им. Н.Г. Чернышевского;
tvbelih@mail.ru

Аннотация. В статье описана модель многоуровневых структурно-функциональных характеристик интегральной индивидуальности человека, раскрывающих факторы обеспечения психологической безопасности личности в условиях информационного общества. Угрозы нарушения психологической безопасности в информационном пространстве социального и межличностного взаимодействия в современном обществе диктуют необходимость создания психопрофилактических, развивающих и психокоррекционных средств, способствующих сохранению целостности личности, интеграции ее разноуровневых свойств, определяющих способность к успешной адаптации и оптимальной, созидательной самореализации.

Ключевые слова: психологическая безопасность личности, интегральная индивидуальность, созидательная самореализация, информационное общество

MULTILEVEL STRUCTURAL AND FUNCTIONAL MODEL OF PROVIDING PSYCHOLOGICAL SECURITY OF THE PERSON IN THE INFORMATION SOCIETY

Belykh T.V.

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of
Advisory Psychology, SSU named after N.G. Chernyshevsky

Annotation. The article describes a model of multilevel structural and functional characteristics of the integral individuality of a person, revealing the factors of ensuring the psychological safety of a person in an information society. Threats of violation of psychological safety in the information space of social and interpersonal interaction in modern society dictate the need to create psycho-prophylactic, developmental and psychocorrectional means that help preserve the integrity of the individual, integrate its multilevel properties, which determine the ability to successfully adapt and optimal, creative self-realization.

Keywords: psychological safety of an individual, integral individuality, creative self-realization, information society.

Психология интегральной индивидуальности имеет сложную, но очень значимую для отечественной науки историю.

Впервые идея об интегральном исследовании индивидуальности человека прозвучала в 1975 г. на симпозиуме, посвященном дифференциальной психофизиологии и ее генетическим аспектам.

«Имеющиеся данные, – писал В.С. Мерлин, – позволяют рассматривать совокупность изучавшихся индивидуальных свойств человека как большую иерархическую саморегулируемую систему, которую мы обозначили как интегральную индивидуальность. Биохимические свойства, свойства нервной системы, темперамента, свойства личности и личностные статусы представляют собой разные иерархические уровни этой системы» [1]. К таким выводам В.С. Мерлин пришел на основе открытия между перечисленными блоками человеческой индивидуальности много-многозначной (стохастической, равновероятной) зависимости, свидетельствующей о том, что разные явления действительности не подчиняются общей для них закономерности. У каждого иерархического уровня специфические функциональные инварианты, собственный пакет закономерностей, позволяющий отстаивать свою автономность и относительную независимость.

«Именно интегральная индивидуальность, – подчеркивал В.С. Мерлин, – а не отдельные ее уровни определяют успешность человека в той или иной специальной деятельности. Все практические проблемы оптимизации деятельности человека в обучении, труде, спорте, организации коллектива наиболее успешно разрешаются тогда, когда в качестве субъекта активности рассматривается вся интегральная индивидуальность, а не отдельные ее уровни, и когда должным образом учитывается много-многозначность разноуровневых связей индивидуальных свойств» [1. С.56].

Идея наличия многозначной связи между свойствами разноуровневых подсистем в структуре индивидуальности возникла у В.С. Мерлина в Саратовский период его научной деятельности.

В 1931 г. В. С. Мерлин переехал из Ленинграда в Саратов, где с 1932 по 1938 г. работал в Саратовском педагогическом институте, а в 1938 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Волевая деятельность и условный рефлекс». Эта работа отразила новый взгляд на проблему детерминации индивидуальных особенностей человека, который впоследствии будет реализован В. С. Мерлиным и его учениками, а именно, экспериментальное изучение стилевых особенностей деятельности как системообразующего

фактора, системы отношений личности и их связи со свойствами нервной системы и темперамента.

Как указывает профессор Белоус В. В. один из выдающихся учеников В.С. Мерлина (создатель инвариантной теории темперамента) его последователями и единомышленниками стали: Евгений Александрович Климов (основатель теории индивидуального стиля деятельности), Бронислав Александрович Вяткин (руководитель Пермской школы интегральной индивидуальности), Леонид Яковлевич Дорфман (разработчик проблемы исследования метаиндивидуальности); Александр Иванович Щебетенко разработчик функционально-генетического подхода к системному исследованию индивидуальности.

В настоящее время эти идеи находят дальнейшее свое развитие и приобретают как никогда актуальное значение, акцентируя внимание психологов, педагогов не только на проблеме изучения индивидуальности человека, но и на тех условиях и факторах, которые способствуют формированию и развитию интегральной индивидуальности, способной осуществлять на основе волевой регуляции, рефлексии и созидательной субъектности управление собственным развитием в быстро меняющихся условиях социальной реальности.

Исследования, направленные на изучение условий развития интегральной индивидуальности, позволяют говорить о том, что оптимальным для психологического исследования динамики субъектных свойств в структуре индивидуальности является системно-процессуальный подход, позволяющий проанализировать позитивную или негативную динамику субъектности от диапазона психологической нормы-акцентуации до диапазона аномальной личностной и поведенческой изменчивости [Белых Т.В., 2003]. Установлено, что динамика субъектных свойств в процессе онтогенеза индивидуальности может происходить в направлении становления созидательной или деструктивной субъектности, определяющей характер и вектор саморазвития личности. Позитивное развитие индивидуальности происходит за счет усиления субъектности и преодоления «объектности», то есть тотальной зависимости человека от внешней среды обитания, когда процессы осознания личностью собственного «Я», самоуправления и саморегуляции поведения достигают уровня интегральной индивидуальности соответствующего уровню высокой рефлексии, проявляющейся в инициировании деятельности и принятии ответственности за ее осуществление, что характерно для диапазона психологической нормы-акцентуации, при

условии интеграции «актуального Я» с эталонной системой нравственных значений. Преобладание объектности над субъектностью личности может определять негативное (деструктивное) развитие индивидуальности, направленное в сторону диапазона аномальной личностной и поведенческой изменчивости, сопровождающееся отсутствием или сужением эталонной нравственной системы индивидуальных значений, регулирующих деятельность и образ жизни личности. Субъектные свойства, выполняя системообразующую функцию в структуре индивидуальности, изменяют характер межуровневых связей и факторную структуру интегральной индивидуальности. Становление субъектных свойств сопровождается увеличением количества межуровневых (стохастических) связей в структуре индивидуальности, определяющих ее большую или меньшую целостность, особенно заметную по факторной достоверности превалирования облических зависимостей на «высших» (социально детерминированных) уровнях индивидуальности, что сопровождается повышением адекватности самосознания, саморегуляции поведения, рефлексии [2].

Продолжается исследование взаимосвязи социально-когнитивных характеристик личности с разноуровневыми свойствами индивидуальности, показана их роль в формировании субъектности, а именно, выявлены условия и факторы посттравматического роста личности в зависимости от системы представлений личности о себе и окружающем мире (Белых Т.В., Толкачева О.Н., 2018), выявлены особенности поведения и система личностных и социально-психологических факторов определяющих проявление адаптивного и дезадаптивного подчинения личности авторитету (Белых Т.В., Князев Е.Б., 2018), исследована взаимосвязь самооэффективности личности и типа ситуативного межличностного взаимодействия, отражающих проявление меры субъектности личности в условиях межличностного общения (Белых Т.В., Майрамян А.М., 2016).

Основываясь на полученных данных и базовых положениях теории интегральной индивидуальности, представляется возможным создать многоуровневую структурно-функциональную модель обеспечения психологической безопасности личности в современном информационном социуме.

Психологическая безопасность личности включает в свою структуру информационно-психологическую безопасность и понимается как состояние психологической защищенности, обеспечивающее не только успешную адаптацию личности к стрессогенным факторам и информационно-психологическому воздействию, но и оптимальное

развитие личности на основе адекватности самосознания, рефлексии и созидательной субъектности.

Психологическая безопасность личности в структуре интегральной индивидуальности может быть изучена при анализе взаимодействия разноуровневых свойств:

1. Индивидуального уровня (свойства, обеспечивающие индивидуальный ресурс адаптивности, стрессоустойчивость).
2. Личностного уровня (свойства, обеспечивающие успешную адаптацию и саморегуляцию).
3. Социально-когнитивного уровня (свойства, обеспечивающие сохранение автономии личности, противодействие деиндивидуализации)
4. Метакогнитивного уровня (свойства, обеспечивающие созидательное саморазвитие).

Каждый из этих уровней вносит собственный вклад в формирование психологической безопасности личности, определяя уровень психологической защищенности личности в условиях инфокоммуникации и самореализации в информационном обществе.

В таблице № 1, представлены выделенные уровни анализа психологической безопасности личности в структуре интегральной индивидуальности и ее связь с информационно-психологической безопасностью.

Таблица 1. Уровни анализа психологической безопасности личности в информационном обществе

Психологическая безопасность личности в структуре интегральной индивидуальности			
Информационно-психологическая безопасность личности			
Индивидуальный уровень	Личностный уровень	Социально-когнитивный уровень	Метакогнитивный уровень

Рассмотрим структурные компоненты каждого выделенного уровня интегральной индивидуальности для анализа психологической безопасности личности в информационном обществе и их функциональную роль.

В таблице № 2 представлены структурно-функциональные характеристики индивидуального уровня.

Таблица 2. Структурно-функциональная характеристика индивидуального уровня обеспечения психологической безопасности личности в информационном обществе

Индивидуальный уровень в структуре интегральной индивидуальности				
Структурные компоненты	Нейродинамический потенциал	Психодинамический потенциал	Общие способности	Нервно-психическая устойчивость
Функциональная роль	Обеспечение общей адаптивности			

Изучая взаимодействие биологически-детерминированных свойств в структуре интегральной индивидуальности и их влияние на сопротивляемость, и адаптацию к стрессу [6,7], нами были получены данные о том, что риск дезадаптации в стрессе определяется низкой биологически детерминированной ресурсностью личности, проявляющейся в слабой эргичности (выносливости), низкой пластичности и высоких показателях проявления эмоциональности в процессе социального взаимодействия и практической деятельности. Это создает условия для актуализации компенсации ресурсной недостаточности за счет проявления таких личностных особенностей, как невротичность, депрессивность и спонтанная агрессивность. Способность успешной адаптации к стрессу, напротив, обеспечивается нейро- и психодинамической ресурсностью, но при повышении уровня эмоциональной лабильности усиливается склонность к использованию компенсаторных реакций в стрессовой ситуации. При усилении способности к контролю за эмоциональной сферой повышается способность использовать оптимальные для конкретной ситуации способы совладания со стрессом.

В таблице № 3 представлены структурно-функциональные характеристики личностного уровня.

Таблица 3. Структурно-функциональная характеристика личностного уровня обеспечения психологической безопасности в информационном обществе

Личностный уровень в структуре интегральной индивидуальности				
Структурные компоненты	Психологическое здоровье	Оптимальный уровень волевой регуляции поведения	Внутренний локус контроля	Адаптивный уровень подчиняемости

Функциональная роль	Успешная адаптация личности к социальным условиям и проявление созидательной субъектности
---------------------	---

Выделение данных структурных компонентов обусловлено тем, что, как было показано выше, нарушение психологического здоровья (аномальная и поведенческая личностная изменчивость) приводит к более высокому уровню зависимости личности от социальных условий, большей его «объектности», снижающей способность, как к волевой регуляции поведения, так и к проявлению интернальности личности [2]. Проведенные под нашим руководством сравнительные исследования особенностей взаимосвязи разноуровневых свойств в структуре индивидуальности у лиц с разным уровнем подчиняемости, позволяют говорить о возможности формирования у человека дезадаптивной подчиняемости, для которой характерны - высокий или экстремальный уровень подчиняемости, неспособность к саморегуляции своих эмоций при оказании влияния авторитета и безусловное доверие к нему [8]. Эти данные говорят о том, что в условиях целенаправленного или стихийного деструктивного информационно-психологического воздействия может возрастать угроза психологической безопасности личности и повышаться ее психологическая уязвимость.

В структуре индивидуальности при анализе проблемы обеспечения психологической безопасности возможно выделение такого уровня как – социально-когнитивный. Это обусловлено тем, что защищенность личности в информационном пространстве самореализации во многом зависит с одной стороны от сформированных представлений о себе как: самоэффективной личности [5]; представление о себе как о личности способной к доминированию, обладающей самоконтролем и социальной установкой на альтруизм. При этом индикаторами психологической защищенности от манипулятивного и деструктивного информационно-психологического воздействия являются - низкий и умеренный уровень подчиняемости, способность к рефлексии собственных действий при оказании влияния авторитета, способность к самоконтролю эмоций [8]. Установленные взаимосвязи позволяют говорить о том, что система представлений о себе, социальные установки, характеристики эмоционального интеллекта вносят существенный вклад в сохранение автономии личности и способны оказывать противодействие деиндивидуализации в условиях информационно-психологического воздействия.

В таблице №4 представлены структурно-функциональные характеристики социально-когнитивного уровня.

Таблица 4. Структурно-функциональная характеристика социально-когнитивного уровня обеспечения психологической безопасности личности в информационном обществе

Социально-когнитивный уровень в структуре интегральной индивидуальности				
Структурные компоненты	Флексибельность	Критическое мышление	Самоэффективность в значимых видах деятельности	Спротивляемость манипулятивному информационно-психологическому воздействию
Функциональная роль	Сохранение автономии личности, противодействие деиндивидуализации			

Метакогнитивный уровень в структуре интегральной индивидуальности связан с функционированием таких значимых для обеспечения психологической безопасности способностей как: способность к метакогнитивному анализу информации и целенаправленной смыслопоисковой активности, призванных обеспечить осознание имплицитных мотивов собственного поведения и поведения партнеров по общению, адекватность самосознания, тем самым повышающих не только уровень собственной психологической защищенности, но и возможность созидательного саморазвития в условиях высокой неопределенности условий и результата деятельности [9].

В таблице №5 представлены структурно-функциональные характеристики метакогнитивного уровня.

Таблица 5. Структурно-функциональная характеристика метакогнитивного уровня обеспечения психологической безопасности личности в информационном обществе

Метакогнитивный уровень в структуре интегральной индивидуальности			
Структурные компоненты	Способность к метакогнитивному анализу информации	Способность к целенаправленной смыслопоисковой активности	Адекватность самосознания
Функциональная роль	Созидательное нормотворчество и саморазвитие		

Представленная многоуровневая структурно-функциональная модель обеспечения психологической безопасности личности в информационном обществе нуждается в дальнейшей верификации. Но, на сегодняшний день, очевидно, что интегративный, системно-процессуальный и структурно-функциональный подходы, являются наиболее продуктивной методологической основой для планирования и осуществления дальнейших исследований, направленных на анализ как одноуровневых связей в выделенной структуре интегральной индивидуальности, так и межуровневых, позволяющих осуществлять моделирование и прогноз равновероятных, но значимых взаимосвязей для анализа и последующего обеспечения психологической защищенности личности в условиях самореализации в современном социуме.

Список литературы:

1. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. – М., 1986. – 253 с.
2. Психологические закономерности динамики субъектных свойств в структуре индивидуальности. - М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003. -328с.
3. Белых Т.В., Толкачева О.Н. Социализация и ресоциализация личности после психической травмы//Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2018. № 32 (51). С. 102-111. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35344224>
4. Белых Т.В., Князев Е.Б. Вариабельность социально-когнитивных предикторов подчиняемости авторитету в зависимости от степени её выраженности//Человек. Сообщество. Управление. 2018. Т. 19. № 1. С. 91-101. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35425670>
5. Белых Т.В., Майрамян А.М. (Титкова А.М.). Структурно-функциональные характеристики субъекта межличностного ситуативного взаимодействия [Текст] / Т.В. Белых, А.М. Майрамян // Гуманизация образования. -2016 – № 2. – С. 73-82.
6. Белых Т.В. Психодинамическая коммуникативная пластичность в структуре интегральной индивидуальности субъекта общения// Научный журнал. Известия Саратовского университета. Новая серия. 2016. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1. С. 59-67.
7. Специфика межуровневых связей в структуре интегральной индивидуальности у студентов с разным уровнем адаптации в стрессовой ситуации// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19. Вып.3. № 3. – С. 298-303.
8. Князев Е.Б. Взаимосвязь социально-психологических характеристик личности и подчиняемости авторитету у субъектов межличностного взаимодействия. Автореф. канд. дисс. Саратов, 2018. -25с.

9. Белых Т.В. Возрастная динамика разноуровневых свойств индивидуальности и личностная толерантность к неопределенности и двусмысленности// Известия Саратовского университета, Серия Акмеология образования. Психология развития, 2017, выпуск 2(22), том 6, С.153-157.

ОТЧУЖДЕНИЕ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Белых Т.В., Ботвиненко Е.В.

доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
tvbelih@mail.ru

студент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
ktrstrzh@gmail.com

Аннотация: В данной статье проведен теоретический анализ роли отчуждения моральной ответственности, как целостного психологического образования в структуре интегральной индивидуальности. Дано описание механизмов отчуждения моральной ответственности в соответствии с представлениями А. Бандуры и их влияние и на формирование индивидуального стиля деятельности.

Ключевые слова: индивидуальность; отчуждение моральной ответственности; нравственная деятельность; индивидуальный стиль деятельности; моральная саморегуляция.

MORAL DISENGAGEMENT IN THE STRUCTURE OF INTEGRAL INDIVIDUALITY

Belykh T.V.¹, Botvinenko E.V.²

¹Psy. D., Associate Professor, Head of the Department of Consultative Psychology, Saratov State University
tvbelih@mail.ru

²Student, Saratov State University
ktrstrzh@gmail.com

Abstract: The author of this paper provides a theoretical analysis of the role of the moral disengagement as a holistic psychological education in the structure of an integral individuality. The description of the mechanisms of the moral disengagement in accordance with the notions of A. Bandura and their influence on the formation of an individual style of activity is given.

Keywords: individuality; moral disengagement; moral agency; individual style of activity; moral self-regulation.

Не так давно, все пространство науки можно было разделить на ряд фундаментальных дисциплин, каждая из которых имела свою отдельную область исследований. Открытие все новых граней устройства мира, в том числе и мира социального, необратимо ведет к усложнению научной мысли, вследствие чего возникают отрасли, находящиеся стыке различных дисциплин. При этом, многие из них служат изучению человека во всем его многообразии: начиная с биохимических особенностей (синтетическая биология, нутригеномика и др.) и доходя до социального статуса личности в обществе и ее когнитивных особенностей (например, нейроэкономика, сеттлеретика). Психология же, с одной стороны, оперируя специфическими функциональными инвариантами, исполняет роль интегратора этих многочисленных дисциплин о человеке [0]; с другой стороны, сама проявляет тенденцию к построению универсальной и ограниченной системы познания человека в целом, его индивидуальности в частности.

Однако, на данный момент нельзя сказать, что проблема изучения индивидуальности находится в фокусе широкого научного исследования. Но неоспорим тот факт, что науке и практике необходимо всестороннее и углубленное изучение индивидуальности - разработка универсальной теории связей и отношений.

Множество конструктов в области психологии не поддаются трактовке, которая устроила бы всех авторов, из чего вытекает отсутствие единого определения для основополагающих терминов – «личность», «сознание» и в том числе «индивидуальность». Так, С.Л. Рубинштейн говорит об индивидуальности, как о совокупности психических свойств, через которые преломляются все внешние воздействия. Его ученик Б.Г. Ананьев – как о внутренней замкнутости свойств человека, их взаимосвязанности, не сводимой к отдельным свойствам персоны, а имеющей отношение к человеку в целом [2]. По Б.Ф. Ломову, индивидуальность – это своеобразие и уникальность индивида, похожие взгляды мы встречаем у Э.А. Голубевой – психическая неповторимость отдельного человека. Наконец, К.К. Платонов дает определение индивидуальности, как совокупности свойств человека, отличающей его от других людей.

Такой беглый обзор определений необходим для подтверждения тезиса о многообразии подходов к пониманию индивидуальности. Но можно с уверенностью сказать, что

интегративный подход к изучению личности позволяет нам рассматривать ее, как иерархически организованное многокомпонентное образование, которое с одной стороны в качестве детерминанты имеет факторы социализации, а с другой – систему свойств интегральной индивидуальности, подчиняемых разным закономерностям. Между разноуровневыми свойствами может существовать одно, либо несколько опосредующих звеньев, в установлении которых заключается цель интегрального исследования индивидуальности.

В.С. Мерлин, основным звеном, опосредующим связи между свойствами разного уровня, выделяет стиль деятельности. А его последователями было доказано, что такие связи могут меняться в зависимости от выбора личности определенной стратегии поведения и промежуточных целей для решения поставленной задачи. Основную роль в гармоничном развитии индивидуальности играет индивидуальный стиль деятельности – устойчивые системы целей, действий и операций в общении, либо в предметной деятельности.

В условиях быстрой смены политических, экономических и социальных ситуаций, особое внимание следует уделить изучению факторов, способствующих формированию дезадаптивных, а возможно и антисоциальных реакций на стрессовые ситуации. Это обусловлено тем, что уникальная для каждого человека система психологических средств, к которым он прибегает осознанно, а порой и стихийно с целью уравнивания своей индивидуальности с внешними условиями, представляет собой системообразующее звено личности. А значит, формирование у личности непродуктивного индивидуального стиля деятельности ведет к ее духовному угнетению и разладу, а формирование противообщественного – к таким же процессам, но уже на уровне общества.

При таком рассмотрении проблематики структуры интегральной индивидуальности, а в частности ее индивидуально-психологического уровня, возможна постановка вопроса о том, как правопослушные граждане могут совершать неблаговидные, а порой и негуманные поступки? Ответ на этот вопрос активно искали в последнее десятилетие на зарубежном научном пространстве, предпринимая попытки описания и изучения феномена отчуждения моральной ответственности. 2016 г. ознаменовался выходом в свет монографии, в которой А. Бандурой был обобщен его многолетний опыт и результаты исследований по данной тематике [3]. Им были описаны механизмы отчуждения моральной ответственности (*moral disengagement*), посредством которых на различных этапах процесса

саморегуляции моральные запреты личности активируются избирательно и не применяются им к себе, или иными словами – отчуждаются, в ответ на его вредоносное по отношению к окружающим поведение.

В фокусе внимания, большей части исследований нравственной сферы личности, находятся процессы усвоения норм морали, а также формирование моральных суждений, что зачастую рассматривается в отрыве от нравственной деятельности (moral agency). Однако, моральные регуляторы (self-regulatory), к которым можно отнести совесть или этические принципы, в процессе социальной деятельности не функционируют непрерывно: порой люди выбирают такие стратегии поведения, благодаря которым они с одной стороны достигают желаемой выгоды, а с другой стороны нарушают свои же убеждения. Отказ от самосанкций за нарушение собственных принципов в таких ситуациях позволяет личности и найти компромисс со своей совестью и сохранить чувство моральной целостности.

Такое избирательное отключение регуляторов нравственной деятельности делает возможным разнообразие индивидуальных стилей деятельности у лиц с одинаково усвоенными нормами морали. В вышеупомянутой монографии А. Бандура описывает пример, как человек может быть одновременно безжалостными и гуманными в отношении разных людей, в зависимости от того, кого он включает, а кого исключает из своей «категории гуманности»: Амон Гет – печально известный нацистский комендант концлагеря, диктуя письмо, полное сочувствия и сострадания к своему больному отцу, увидев заключенного, который, по его мнению, недостаточно усердно работал, выхватил револьвер и хладнокровно выстрелил в пленника [4]. Таким образом, комендант был охвачен одновременно состраданием и жестокостью.

Все восемь механизмов морального отчуждения, в зависимости от того, на каком этапе моральной саморегуляции происходит активизация, можно разделить на три группы. Первая – локус поведения (behavior locus) – включает механизмы, связанные с репрезентацией «вредных действий» (detrimental practices).

1. Моральное оправдание. Люди реконструируют аморальные поступки, оправдывая их благовидными социальными целями.

2. Выгодное сравнение. Наносщее вред поведение становится безобидным или даже альтруистичным за счет веры в то,

что вредные действия предотвращают больше человеческих страданий, чем причиняют.

3. Эвфемистический ярлык. Действие данного механизма заключается в описании своих действий в запутанных словесных формах, либо так, будто оно не несет опасности. Это связано с лингвистической относительностью – язык во многом определяет то, как человек мыслит, из чего вытекает, что одни и те же действия могут восприниматься позитивно, либо негативно в зависимости от того, как их назвать.

Данные механизмы выполняют двойную функции: с одной стороны, они придают нравственность неблаговидным поступкам, но с другой стороны, отчуждают мораль от выполнения ее функций.

Следующую группу механизмов объединяет фиксация на связи между осуществлением безнравственной деятельности и последствиями от ее осуществления для окружающих – *agency locus*. Люди избегают личной ответственности за свои поступки перекадывая ее на других – смещение ответственности, либо распределяя ее так, чтобы в итоге никто не был в ответе за совершенные действия – рассеивание ответственности.

Непосредственно в локусе последствий процесса нравственной деятельности (*outcome locus*), человек может игнорировать, минимизировать, обесценивать или даже оспаривать пагубные последствия своих поступков – механизм искажения последствий. Так, пока вредоносные результаты действий не очевидны – нет и нравственной дилеммы, которую нужно решать.

В локусе жертвы (*victim locus*) человек исключает из своей категории гуманности объект своего пагубного воздействия, лишая его человеческих качеств, например, путем приписывания анималистических качеств – дегуманизация. И последний, восьмой механизм отчуждения моральной ответственности – атрибуция вины. Субъект безнравственного действия обвиняет жертву своего поступка в том, что она сама навлекла на себя жестокое обращение. Также человек, который повел себя аморально, может искренне считать жертвой себя самого, так как в силу независящих от него обстоятельств он был вынужден так поступить. Вышеперечисленные механизмы либо ослабляют, либо вовсе устраняют регулирующую функцию морали в отношении пагубного поведения.

В заключении необходимо подчеркнуть, что отчуждение моральной ответственности не ведет к изменению нравственных принципов и убеждений, сформировавшихся у человека ранее. Включение вышеописанных механизмов означает потребность

личности в обходе моральных устоев при определенных обстоятельствах. Однако, во всех остальных ситуациях продолжается соблюдение тех же самых стандартов. Таким образом, активизация избирательной приостановки моральной саморегуляции позволяет людям сохранять позитивное отношение к себе, избежать самосанкций даже, несмотря на совершение действий, выходящих за рамки их нравственных отношений.

При этом, ущерб, ответственность за который человек отчуждает, может быть разного масштаба, что подтверждает необходимость более углубленного изучения данного конструкта в контексте интегрального подхода. Поиск взаимосвязей между механизмами отчуждения моральной ответственности и другими разноуровневыми свойствами личности открывает возможность и для практической работы: психологи, педагоги, путем создания опосредующего звена между свойствами, смогут целенаправленно влиять на развитие индивидуальности человека, избегая противоречий между ними, тем самым содействуя гармонизации всей системы в целом.

Список литературы:

1. Тарасьян Н. А. Интегральная индивидуальность, ее место и роль в системе наук о человеке // Вестник Московского университета МВД России. 2012. №3.
2. Ахвердова О. А., Волоскова Н. Н., Белых Т. В. Дифференциальная психология: теоретические и прикладные аспекты исследования интегральной индивидуальности / Учеб. пособие. — СПб.: Речь, 2004. — 168 с
3. Bandura A. Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliff, NJ: Prentice-Hall Inc., 1985. — 544 p.
4. Bandura A. Moral Disengagement: How People Do Harm and Live With Themselves. New York, NY: Worth Publishers, 2016. — 446 p.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ У ЛИЦ С НАРУШЕНИЕМ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Белых Т.В., Буданова А.Т.

Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой консультативной психологии, СГУ им. Н.Г. Чернышевского;
Студентка 2 курса магистратуры факультета психологии СГУ им. Н.Г.

Чернышевского

tvbelih@mail.ru;

A.Budanova97@yandex.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются социальные представления личности с нарушением пищевого поведения. Отдельный акцент работы сосредоточен на анализе лиц, страдающих от переедания и лишнего веса. В исследовании представлен как сравнительный анализ испытуемых, находящихся в лишнем и нормальном весе, так и специфические особенности социальных представлений при экстернальном, ограничительном и эмоциогенном нарушениях пищевого поведения.

Ключевые слова: Социальные представления, нарушения пищевого поведения, ранние дезадаптивные схемы, установки, эмоциогенное переедание.

SOCIAL REPRESENTATIONS OF PERSONALITY IN PERSONS WITH VIOLATION OF FOOD BEHAVIOR

Belykh T.V., Budanova A.T.

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Advisory Psychology, SSU named after N.G.

Chernyshevsky;

2nd year student of the Faculty of Psychology of SSU named after N.G. Chernyshevsky

tvbelih@mail.ru;

A.Budanova97@yandex.ru

Resume: This article discusses the social representations of a person with a violation of eating behavior. A separate focus of the work is focused on the analysis of people suffering from overeating and overweight. The study presents both a comparative analysis of subjects who are overweight and normal weight, as well as specific features of social representations with external, restrictive and emotiogenic eating disorders.

Keywords: social representations, eating disorders, early maladaptive schemes, attitudes, emotiogenic overeating.

Проблема изучения социальных представлений личности во взаимосвязи с различными формами аддикции остается, на сегодняшний день актуальной.

Социально-когнитивные характеристик, к которым относятся социальные представления, являются одной из важных составляющих «картины мира», которая приобретает специфические особенности у лиц, склонных к разным формам зависимого поведения.

С. Московичи подчеркивает, что социальные представления возникают в процессе повседневной жизни, включают в себя высказывания, понятия и объяснения реальности, соответствующие здравому смыслу. Социальные представления вырабатываются в

процессе обмена и взаимодействия между людьми [1;2]. В данной работе рассматриваются представления, касающиеся восприятия человеком самого себя, своих мыслительных процессов, а также восприятия окружающего мира. В связи с интересубъективным характером социальных представлений и большой значимостью во взрослой жизни взаимодействия с родителями в детстве, мы решили акцентировать внимание, в том числе и на ранних схемах восприятия испытуемых. Понятие о ранних дезадаптивных схемах было введено Дж. Янгом и представляет собой модель восприятия действительности, которая была сформирована в детстве под воздействием травматических событий или плохого обращения и применяющаяся на протяжении всей жизни при некоторой схожести обстоятельств с событиями в детстве [3;4].

Дезадаптивные схемы восприятия, негативное самоотношение и убеждения способствуют фрустрации потребностей, накоплению подавленных эмоций и напряжения. Одним из наиболее социально приемлемых способов неадаптивного совладания с подобными образованиями является эмоциогенное заедание. В нашей выборке в качестве респондентов принимали участие женщины. Наряду с эмоциогенным пищевым поведением в данном исследовании рассматривается ограничительное и экстернальное пищевое поведение.

Цель исследования: выявить специфические особенности социальных представлений у лиц с нарушением пищевого поведения (эмоциогенное, ограничительное и экстернальное пищевое поведение).

Гипотеза исследования: социальные представления личности с нарушением пищевого поведения (лишний вес), характеризуются наличием большего количества дезадаптивных схем восприятия действительности и негативным самоотношением в сравнении с лицами, остающимися в нормальном весе.

Объект: личность с нарушением пищевого поведения.

Предмет: социальные представления личности с нарушением пищевого поведения.

Были использованы следующие методики:

1. Диагностика ранних дезадаптивных схем Дж. Янга
2. Опросник мета-когнитивных убеждений о тревоге и беспокойстве
3. Шкала базовых убеждений Р. Янов-Бульман
4. Тест-опросник самоотношения В.В. Столина
5. Голландский опросник пищевого поведения

Методы статистической обработки: критерий Колмогорова-Смирнова (для проверки нормальности распределения),

корреляционный анализ Пирсона. Для обработки полученных данных был проведен статистический анализ с помощью программы SPSS Statistics.

Выборку составили 52 человека, в возрасте от 18 до 40 лет. Преобладающее количество человек занимали женщины. Выборка была разделена на испытуемых с нормальным весом (32 человека) и с лишним весом (20 человек).

Результаты исследования и обсуждение.

Проведенный корреляционный анализ, а также использование критерия Манна-Уитни позволяют судить о значимости различий между двумя группами испытуемых. Так для испытуемых, находящихся в лишнем весе характерны большие значения по шкалам «Ограничительное пищевое поведение» (-,410**) и «Эмоциогенное пищевое поведение» (-,335*). Следует отметить, что шкала «Экстернальное пищевое поведение» по среднему значению выше в группе с лишним весом, но различия не являются статистически значимыми.

Относительно различий в социальных представлениях можно указать на взаимосвязи ранних дезадаптивных схем восприятия и отнесенности испытуемых к двум рассматриваемым группам. Для первой группы, испытуемых с лишним весом, характерны более сильные проявления следующих схем «Покинутость/Нестабильность» (-,279*), «Недостаточность самоконтроля» (-,383**), «Негативизм/Пессимизм» (-,312*).

Полученные результаты дают возможность судить о том, что испытуемые испытывают тревогу и боятся оказаться брошенными, в связи с этим они могут становиться навязчивыми, чтобы удержать близких рядом с собой, вызывая тем самым отторжение со стороны значимых людей. Другой способ совладания со схемой «Покинутость/Нестабильность» - это избегание близких контактов, что на самом деле не избавляет от переживаний и страха одиночества. С данной схемой согласуется и тенденция к негативизму. Люди, имеющую подобную схему восприятия, склонны постоянно ожидать неприятностей, они фокусируются на негативных ситуациях и не обращают внимание на хорошие и удачные события. Все это сопровождается сверхбдительностью и тревожностью, что само по себе может приводить к неудачам. В таком случае человек снова подтвердит свою гипотезу о том, что «все плохо». В виде гиперкомпенсации возможен чрезмерный оптимизм, уклонение от каких-либо негативных характеристик людей и событий. Это не означает, что человек не будет с ними сталкиваться, а подобная

«слепота» приведет к накоплению подавленной злости и неумению выражать свою агрессию, ведь ей не будет места в позитивной картине восприятия действительности. Шкала «Недостаточность самоконтроля» может оказывать влияние на личность в виде отказа от своих желаний, а не только при трудностях выполнения обязательств. Если человек скорее откажется от начатого дела при столкновении с трудностями и ошибками, то через какое-то время начнет ограничивать себя, избегать ответственности и целей. В ином случае все начинания будут сопровождаться сильным контролем деятельности, требовательностью и излишним вниманием к мелочам, что приведет к постоянному напряжению, накопленной усталости и невозможности получения удовлетворения от достижений в полной мере.

Рассматривая выборку в целом было выявлено множество корреляционных взаимосвязей со шкалой «Эмоциогенное пищевое поведение»: «Дефективность/Стыдливость» ($,278^*$), «Неуспешность» ($,378^{**}$), «Запутанность/Неразвитая идентичность» ($,326^*$), «Покорность» ($,405^{**}$), «Поиск одобрения» ($,370^{**}$), «Контролируемость мира» ($-,475^*$), а также ранее обозначенные шкалы: «Покинутость/Нестабильность» ($,354^{**}$), «Недостаточность самоконтроля» ($,443^{**}$), «Негативизм/Пессимизм» ($,365^{**}$).

Результаты расчета корреляции Пирсона по всей выборке отличаются широкой представленностью взаимовлияния эмоциогенного заедания и ранних дезадаптивных схем. Получение удовольствия и определенной эмоциональной разрядки помогает испытуемым справиться с результатами их взаимодействия с миром, при котором они руководствуются дезадаптивными представлениями. Наиболее тесная взаимосвязь со схемой «Покорность» указывает на то, что испытуемые задвигают свои потребности и предпочтения на второй план, склонны подстраивать свое поведение под нужды и мнение окружающих. Подобное отношение к своим потребностям обеспечивает как определенный уровень аутоагрессии, так и подавляемую обиду/злость на окружающих. С описанной тенденцией согласуется и схема «Поиск одобрения». Испытуемые с выраженным эмоциогенным заеданием нуждаются в получении положительной обратной связи от окружающих, чтобы поддерживать положительное отношение к себе. Такого внешнего принятия никогда не будет достаточно, если нет внутренней удовлетворенностью своей личностью. «Дефективность/Стыдливость» имеет не столь тесную связь с эмоциогенным заеданием, но является весьма важным показателем при рассмотрении лиц с нарушением пищевого

поведения. Для поведенческих проявлений данной схемы восприятия характерна сильная критика, уничижительное отношение к себе, «токсичный» круг общения, высокий уровень аутоагрессии.

У респондентов выявлена также схема «Неуспешность», согласно которой человек считает, что он не способен на достижение успеха, обесценивает свои возможности. В виде гиперкомпенсации возможна заикленность на достижениях, которые затмевают близкие отношения, а постоянное повышение планки делает эту гонку бессмысленной и травмирующей. О размытости личностных границ у лиц с нарушением пищевого поведения указывает схема «Запутанность/Неразвитая идентичность». Испытуемые могут стараться выстроить симбиотические, зависимые отношения с близкими, проявлять гиперконтроль как способы соучастия и заботы. Необходимость тесной связи чаще всего невозможна или является недостаточной, а также есть страх разрыва отношений, что сказывается в проявлении эмоциогенного заедания. Убеждение о том, что мир слабо поддается контролю со стороны испытуемых также создает напряжение и повышает тревожность. Отметим, что взаимосвязь эмоциогенного заедания и шкалы «Контролируемость мира» достаточно тесная.

Шкала «Экстернальное пищевое поведение» взаимосвязано со схемой «Поиск одобрения» ($,296^*$), а «Ограничительное пищевое поведение» имеет корреляцию с показателем «Шкала аутосимпатии» ($-,289^*$). Относительно экстернального пищевого поведения стоит отметить влияние пищевых традиций и привычек на особенности приема пищи. Испытуемым, нуждающимся в одобрении, может быть сложно отказаться от угощения и проявить неуважение к своему собеседнику на какой-либо встрече или в гостях. Недовольство своим телом приводит испытуемых к ограничениям в еде и строгим диетам, что зачастую не меняет реального положения дел, так как при негативном отношении к себе и накладываемых ограничениях велика вероятность срывов и последующего самонаказания. Человек будет испытывать сложности с преодолением этого замкнутого круга, если продолжит опираться на привычные представления и схемы поведения.

Заключение:

Проведенное нами исследование по-отдельности рассматривает взаимосвязи видов нарушений пищевого поведения с социальными представлениями испытуемых. Результаты работы позволили выявить широкую представленность влияния ранних дезадаптивных схем на проявления нарушений пищевого поведения.

Также были выявлены значимые различия в выраженности дезадаптивных представлений и нарушений пищевого поведения у лиц, отличающихся наличием лишнего веса.

В дальнейшем мы планируем представить описание клинических случаев по исследуемой проблематике. Будут отобраны испытуемые, проходящие курс психотерапии, а также те испытуемые, которые уже прекратили участвовать в психотерапевтической работе. Такой подход позволит проанализировать, как различные виды нарушений пищевого поведения согласуются друг с другом и с социальными представлениями у конкретных людей.

Список литературы:

1. Moscovici S. On Social Representations // Social Cognition: Perspectives on Everyday Understanding / Ed. by J. Forgas. L.: Academic Press, 1981. P. 181.
2. Московичи С. От коллективных представлений — к социальным [1989] // Вопросы социологии. 1992. No 2. С. 91.
3. Young J. E., Klosko J. S., Weishaar M. E. Schema therapy: A practitioner's guide. — New York: Guilford Press, 2003. — 436 p.
4. Young, Jeffrey E., Schema therapy: a practitioner's guide // Counselling Psychology Quarterly. — 2014. — V. 17. — № 1. — P. 1–11.

**ФОРМИРОВАНИЕ
КРЕАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ
В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ**

Гусейнов А.З.

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент, СГУ

e-mail: guseynovaz@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования креативных способностей личности в образовательном процессе как фактора развития интегральной индивидуальности. Проведенный анализ исследований отечественных и зарубежных ученых позволил определить данный процесс как сложное, многоаспектное психолого-педагогическое явление, требующее целенаправленной деятельности педагога.

Ключевые слова: креативность, формирование способности, интегральная индивидуальность, креативные способности, образовательный процесс.

FORMATION
CREATIVE PERSONALITY

IN THE EDUCATION SYSTEM AS A FACTOR OF DEVELOPMENT INTEGRAL INDIVIDUALITY

Guseynov A.Z.

candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor,
SGU

e-mail: guseynovaz@mail.ru

Annotation. The article discusses the problem of the formation of creative abilities of an individual in the educational process as a factor in the development of an integral individuality. The analysis of research by domestic and foreign scientists allowed us to determine this process as a complex, multidimensional psychological and pedagogical phenomenon that requires the focused activity of a teacher.

Key words: creativity, ability formation, integral personality, creative abilities, educational process.

Важнейшей задачей современного образования является создание креативной образовательной среды, в которой наилучшим образом проявляются индивидуальные особенности обучающихся. Креативная образовательная среда призвана «разрушить преграды», мешающие саморазвитию и самореализации творческих способностей обучающихся, предоставлять возможность каждому из них развивать творческий потенциал и потребность в дальнейшем самопознании, творческом саморазвитии. Реализация данной задачи предполагает формирование креативных способностей обучающихся. Для этого необходимо создание психолого-педагогических условий для саморазвития личности обучающегося и подготовка её к продуктивной деятельности.

Креативные способности не обособлены от общего развития личности, а подвержены тем же закономерностям, что и процесс развития в целом[1]. Изучение креативных способностей обучающихся и динамики их развития показывает, что на формирование креативности большое влияние оказывают виды деятельности, осуществляемые в учебном процессе, опыт творческой деятельности, общение, социально-культурные условия.

Существенный вклад в исследования проблемы креативности личности внесли, как отечественные (Д.Б. Богоявленская, В.Н. Дружинин, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А.И. Савенков, Б.М. Теплов, Д.В. Ушаков, М.А. Холодная и др.) [2], так и зарубежные исследователи (Дж. Гилфорд, Х. Гарднер, Э.Де Боно, А. Маслоу, Дж. Рензулли, К. Роджерс, Р. Стернберг, П. Торренс, К. Хеллер и др.). В работах данных авторов раскрываются различные

аспекты психологической сущности креативности, особенности ее детерминации внешними и внутренними условиями[3]. С.Л. Лесникова, О.Г. Степанова, И.И. Томилова, Т.И. Торгашина, Л.Г. Устинова и др. выявили средства развития креативности в системе среднего и высшего образования; В.И. Андреев, Г.М. Коджаспирова, И.Я. Лернер, М.И. Махмутов, П.И. Пидкасистый, В.А. Сластенин и др. исследовали проблемы креативного саморазвития студентов педвуза, стимулирования их творческого мышления и стиля деятельности.

Анализ основных теоретических и практических подходов к проблеме формирования креативных способностей личности выявил противоречие между потребностью общества в креативных, способных вариативно действовать в различных ситуациях личностях и недостаточной разработанностью психолого-педагогического инструментария, обеспечивающих их формирование в системе образования. Исследование креативности как системообразующего фактора развития интегральной индивидуальности личности является весьма актуальной.

Как показали исследования указанных авторов[4], развитие творческих способностей может осуществляться только при включении обучающихся в активную творческую деятельность. Для формирования креативных способностей обучающихся учебный процесс следует организовывать так, чтобы обеспечить сочетание предметно-познавательной деятельности с креативной деятельностью[5]. Одним из методов активизации креативной деятельности может служить использование в процессе обучения системы многозначных задач. В их основе лежит многогранность подхода к явлению. В многозначных задачах отсутствует точность постановки условия, а существенность условий варьируется, и именно такие задачи преобладают в реальной практической деятельности. Многозначные задачи предполагают вариативность способов решения и возможность нескольких правильных ответов.

В процессе решения таких задач, обучающиеся должны разрешить ряд последовательных проблем: самостоятельно распознать и описать явление; определить все возможные его связи и отношения; на основе этого определить все возможные пути развития данного явления, оценить их и выбрать наиболее продуктивные для решения задачи. Решение многозначных задач развивает умение анализировать, видеть проблему со всех сторон, находить альтернативные способы решения, синтезировать ответ, в большой степени способствует развитию дивергентного мышления.

Возникновение в ходе решения многозначных задач креативного процесса вызывается несколькими факторами. Во-первых, для успешного решения задачи необходима мотивация обучающихся на начальном этапе. Педагогический опыт убеждает, что многозначные задачи уже своим содержанием вызывают интерес большинства обучающихся. Задача педагога - поощрять и развивать любые творческие высказывания, дать возможность удовлетворить познавательные, исследовательские потребности обучающихся, обеспечить возможность оценки, рецензии. Второй фактор, вызывающий креативный процесс – неопределенность и противоречивость условия задачи. Неопределенные и противоречивые данные предполагают проведение глубокого анализа условий задачи, позволяют выделять самые неожиданные связи и отношения данных, а также способствуют пересмотру имеющихся у обучающегося стандартных представлений. Третий фактор, вызывающий креативный процесс – сложность. Для развертывания креативного процесса необходим оптимальный уровень сложности задания. Как слишком простые, так и слишком сложные задачи способствуют быстрому снижению познавательной активности. Четвертый фактор - субъективно-личностный. Эффективный креативный процесс возможен при достаточном умственном развитии обучающихся. Пятый фактор - условия обучения, то есть морально-психологическая атмосфера в группе, уровень подготовленности группы, состав группы по его различным характеристикам, организационные формы обучения.

Для эффективного формирования креативных способностей обучающихся целесообразно использовать системы многозначных задач по каждому предмету. Еще большего эффекта можно добиться при использовании в процессе обучения не только систем предметных многозначных задач, но и межпредметных многозначных задач.

Как показывают исследования[6], важным условием формирования креативных способностей обучающихся является усвоение ими системы научных понятий. Оперирование понятиями является одним из важнейших приемов, которыми овладевают обучающиеся в учебном процессе. Умение выделять связи между понятиями, содержание понятий и их развитие, то есть рассматривать понятия в системе, способствует формированию способности творчески усваивать знания, дает навык креативного мышления.

Важным условием формирования креативных способностей является развитие как логико-понятийного, так и образного мышления[7]. Развитие креативных способностей обучающихся

зависит от формирования умений проводить анализ, синтез, обобщение. Согласно экспериментальным данным, высокий уровень развития креативных способностей показывают учащиеся, у которых эти умения развиты достаточно хорошо. Развитию умений обобщать, анализировать и сравнивать способствует обучение не просто понятиям и законам, а создание у обучающихся системы научных взглядов, формирование представлений о единой научной картине мира. В сегодняшнем педагогическом процессе препятствием для этого является большой объем учебного материала. Даже ученики с хорошей памятью, усвоившие весь учебный материал, часто не видят связей и отношений отдельных тем, не могут представить общую научную картину мира. Преодолению этого в значительной степени способствует использование в процессе обучения межпредметных многозначных заданий и задач[8].

Для развития креативного стиля мышления в процессе обучения следует использовать также метафоры, парадоксы и алогизмы. Рассмотрение физических парадоксов, например, способствует развитию умений проводить рассуждения, отличные от стандартных логических построений, и находить взаимосвязи между фактами и явлениями, для которых эти связи найти рациональным путем не удастся. Анализ результатов исследований показал, что развитие креативных способностей обучающихся происходит более эффективно, если оно опирается на саморазвитие личности. Это подтверждает закономерность, отмеченную Я. А. Пономаревым, что творчество невозможно без опоры на резервы самоуправления личности. Учитывая эту закономерность, обучающимся следует предоставлять как можно больше возможностей для самостоятельной работы. В процессе самостоятельной деятельности обучающиеся приобретают учебный опыт решения проблем, умение приобретать знания из различных источников и творчески использовать их на практике, что способствует развитию креативных способностей.

В развитии креативных способностей обучающихся велика роль педагогического воздействия. Опыт педагогической деятельности и результаты учебной деятельности показали, что авторитарный стиль обучения отрицательно сказывается на развитии креативных способностей обучающихся. Так, например, где педагоги придерживаются информативно - алгоритмизированных методов обучения, жестко регламентируют деятельность обучающихся, отмечаются низкие показатели креативности даже у высоко эрудированных обучающихся. Жесткий контроль над учебной деятельностью сковывает их инициативу, постоянная боязнь

ошибиться приводит к стереотипности поведения. Тормозит развитие креативных способностей обучающихся отрицательный опыт творческой деятельности. Многие обучающиеся с низким уровнем развития креативности не проявляют интереса к решению предложенных задач. Причиной является неверие в собственные силы, которое вызвано неудачами в предыдущей учебной деятельности, а иногда неверием педагога в успехи обучающихся.

Реализации цели развития креативных способностей обучающихся в значительной мере способствует создание на занятиях особой «творческой атмосферы», которая характеризуется следующими особенностями: демократический стиль общения педагога и обучающихся; доброжелательность при анализе ошибок обучающихся; совместный поиск педагога и обучающихся новых идей, обсуждение оригинальных методов решений творческих задач. Для актуализации креативных способностей способствуют следующие педагогические условия: использование в процессе обучения системы специальных заданий и задач; переход от традиционного пошагового, поэтапного обучения фактам и понятиям к представлению системы научных взглядов; нестандартные методы решения учебных задач; демократический стиль обучения; развитие умений самостоятельной творческой деятельности обучающихся; развитие фантазии, воображения в процессе обучения.

Таким образом, формирование креативных способностей личности в системе образования как важнейшего фактора развития интегральной индивидуальности является сложным, многоаспектным процессом, требующим организацию целенаправленной, поэтапной педагогической деятельности с использованием, адекватных целям, методов, средств и форм обучения.

Список литературы:

1. Савенков А. И. Психология детской одаренности. М.: Генезис, 2011. 440 с.
2. Теплов Б. М. Проблема одаренности // Советская педагогика. 1940. № 4–5.
3. Рубинштейн С. Л. Проблемы способностей и вопросы психологической теории // Вопросы психологии. 1960. № 3. С. 5–11.
4. Леонтьев А. Н. О формировании способностей // Вопросы психологии, 1960. № 1. С. 7-17.
5. Богоявленская Д. Б., Богоявленская М. Е. Психология одаренности: понятие, виды, проблемы. М., 2005. 176с.
6. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2009. 434 с.
7. Шадриков В. Д. Способности, одаренность, талант: Развитие и диагностика способностей. М., 1991. 177с.

8. Холодная М. А. Перспективы исследований в области психологии способностей // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 28–37.
9. Winner E. Gifted Children. NY. Basic Books. 1996. 449 p.
10. Renzulli J. S. The tree-ring conception of giftedness: A developmental model for creative productivity // R. I. Sternberg, J. E. Davidson (Eds.). Conceptions of giftedness. Cambridge. Cambridge University Press. 1986. P. 53–92.
11. Torrance E. P. Rewarding creative behavior. Prentice-Hall. 1965. P. 178– 182.

СВЯЗЬ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ С ОСОБЕННОСТЯМИ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ РЕБЁНКА

Карелин А.А.

Доцент кафедры консультативной психологии
Саратовского национального исследовательского
государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: karelinaa@mail.ru

В статье рассматриваются представления о множественности личности в контексте системной семейной терапии. Автор анализирует предложенную Ричардом Шварцем концепцию понимания и изменения интрапсихических систем человека. Автор предлагает использовать модели, разработанные в системной семейной терапии субличностей, при анализе особенностей интегральной индивидуальности ребёнка.

Ключевые слова: интегральная индивидуальность, субличности, множественная личность, семейная система, система отношений субличностей.

CORRELATION BETWEEN FAMILY RELATIONS AND CHILDREN'S INTEGRATED INDIVIDUALITY FEATURES

Karelin A. A.

Associate Professor of the Consulting Psychology Department
Saratov State University
karelinaa@mail.ru

This paper is devoted to the study of multiple personality in the context of the family systems therapy. The author represents an analysis of the concept of understanding and changing of human intrapsychic system proposed by Richard Schwartz. The author suggests using the models developed in the family systems therapy of subpersonalities when analyzing the children's integrated individuality features.

Key words: integrated individuality, subpersonalities, multiple personalities, family system, subpersonality relations system.

Интегральная индивидуальность является структурно дифференцированной, иерархически организованной целостностью, что позволяет рассматривать её с позиций системного подхода. Ребёнок формируется в рамках семейной системы. Его можно рассматривать как подсистему этой системы. Индивидуальность ребёнка складывается под влиянием всего многообразия отношений и взаимодействий в семье. Современная системная семейная психотерапия успешно применяет принципы системного подхода в анализе и объяснении динамики изменений в семье [1].

Наша работа посвящена анализу возможностей концепции множественной личности, предложенной в рамках системной семейной терапии субличностей, при исследовании и разработке теории интегральной индивидуальности.

Системный подход предполагает, что система является неким целостным образованием, состоящим из множества взаимосвязанных элементов. Элементы системы функционируют в соответствии с общей функцией системы и их свойства определяются этой функцией, а не являются следствием их собственной природы. Свойства элементов, связанные с реализацией функций системы, выступают как системные свойства и присущи им только, как следствие принадлежности к системе.

Ребёнок, выступая в роли подсистемы (элемента) семейной системы обретает индивидуальные особенности, отличающие его от других подсистем. Индивидуальные особенности ребёнка определяются функциями системы и присущи ему только, как элементу системы. Вне семейной системы эти особенности ребёнка не проявляются. Они становятся частью интегральной индивидуальности ребёнка благодаря отражению психикой ребёнка семейной системы и её функций в форме их воссоздания процессами самой психики, то есть в интропсихической форме.

В системной семейной психотерапии возникло и успешно развивается направление, которое опирается на представление о множественности личности [2]. В истории психологии множественность личности рассматривалась в рамках разных подходов и, связанных с ними, теорий. Карл Г. Юнг говорил о внутренних сущностях, которые он называл комплексами и архетипами [3]. В середине жизни он обратился к исследованию своего внутреннего мира и сумел вступить в контакт с частью этих сущностей. Подробное описание некоторых из них есть результат его личного опыта. Юнг заметил, что часть этих сущностей (комплексы)

оказывают на человека отрицательное воздействие, другие – положительное (архетипы). Однако за отрицательным воздействием всегда стоит позитивная сила. Он подчёркивал, что когда человек теряет свои комплексы, он утрачивает свои лучшие ресурсы.

Роберто Ассаджиоли, основатель психосинтеза, сумел описать личность как множество субличностей [4]. Последние рассматриваются им, как относительно самостоятельные внутренние психические образования, обладающие всеми характеристиками личности. Субличности формируются в процессе регуляции деятельности человека в рамках той или иной специфической социальной системы (семья, детский сад, школа, профессиональная деятельность и т. п.). Во всех этих случаях человек выступает как подсистема специфической социальной системы, имеющей свои функции и своё целевое назначение. В этих условиях всё многообразие психических процессов человека образует особую конфигурацию, которая представляет собой целостный механизм регуляции особенной деятельности. Другой генезис характерен для субличностей, которые формируются в условиях аффективно окрашенной ситуации. Эти ситуации воспринимаются субъектом как проявление жизненно важных потребностей, выходящее за рамки обычного их функционирования. Сильные эмоциональные переживания порождают специфическую деятельность, требующую специфического регулирования. В этих условиях возникают субличности, которые способны сохранять целостность субъекта деятельность, существенно трансформируя его внутреннюю психическую организацию в соответствии с задачами аффективно окрашенной ситуации. Можно говорить о существовании разных видов субличностей.

Эрик Берн предложил свою модель множественной личности [5]. Он выделил три состояния – родитель, ребёнок, взрослый. Попадая в каждое из этих состояний, человек воспринимает и ведёт себя по-разному в одних и тех же жизненных обстоятельствах. Берн уделил много внимания исследованию проявления внутренней динамики этих состояний в процессе межличностного взаимодействия. Сама идея возможности взаимодействия различных состояний открыла новую область психической реальности, изучение которой позволило описать целый ряд важных закономерностей функционирования психики и поведения человека.

В работах Ричарда Бендлера и Джона Гриндера было введено представление о частях личности [6]. Последние, существенно отличаются от сущностей Юнга, субличностей Ассаджиоли и

состояний Берна. Части личности относятся к другому уровню психической регуляции деятельности субъекта. Если выделение субличностей связано с ответом на вопрос: «Какой Я?», то выделение частей личности связано с вопросом: «Что я делаю?». Части различаются между собой по тому, направлены они на результат или на функционирование.

Многообразие выделяемых структур личности разными авторами, побуждает поставить проблему их иерархии и уровневой организации. Основания деления на уровни могут быть разные. Например, С.В. Ковалёв предлагает в качестве критерия разделения структур личности на уровни специфические особенности образной проекции структуры[7]. Он выделяет пять уровней:

- первое Я;
- идентичность;
- субличности;
- части;
- субчасти.

Описание структур каждого уровня можно получить, ответив на соответствующий вопрос: первое Я – «Я как целостность?»; идентичность – «Кто Я?»; субличности - «Какой Я?»; части – «Что Я делаю?»; субчасти – «Что Я чувствую, когда Я делаю?». Автор уровневой модели личности, пишет, что выделение уровней имеет под собой достаточно убедительную эмпирическую основу. Если предложить человеку представить своё «первое Я» (например, посадить его на свободный стул), то это, обычно, выглядит как обобщённый (абстрактный) образ себя. Если попросить посадить на стул проекцию своей идентичности, то это будет контекстный образ себя. Если человек представит одну из своих субличностей, то, как правило, видится человеческое существо, но не похожее на самого человека. Часть личности предстаёт в проекции как нечто живое, но не человекообразное. Наконец, субчасти проецируются как нечто вещественное, но не совсем живое, а, скорее, материально энергетическое.

Ричард Шварц, работая со своими клиентами в рамках системной семейной терапии, обратил внимание на сообщения людей об эмоциональных внутренних диалогах, всегда предшествующих началу проблемного поведения. Расспросы психолога позволили идентифицировать голоса участников этих диалогов. В этих диалогах принимали участие члены семьи клиента. Шварц пишет: «Получалось, что у каждой субличности (участника диалога К.А.) есть определенный характер, дополненный уникальными желаниями,

манерой общения и темпераментом. Кроме того, части взаимодействовали как конфликтующие члены семьи, попеременно защищая и отвлекая, создавая альянсы, и воюя друг с другом» [2, 42 с.]. У человека есть внутренняя субъективная модель своей семьи. Членами этой «внутренней семьи» являются субличности, формирующиеся на основе субъективного восприятия человеком реальных участников семейной системы.

Работа с клиентами на основе идеи множественности личности показала, что «люди очень легко осознают внутренние личности в себе, если их попросить на этом сосредоточиться» [2, 44 с.]. Шварц Р. в работе с зависимыми клиентами непосредственно взаимодействовал с субличностями, членами «внутренней семьи». Он применял к «внутренним семьям» те же принципы и техники, которые используются в системной семейной терапии. Это позволило осуществлять устойчивые позитивные изменения у клиентов, ведущие к преодолению зависимостей.

Шварц Р. создал типологию субличностей, на основании различия их функций, и описал динамику взаимодействий субличностей с учетом их функции и роли. Он показал разницу между сущностью субличности и её ролью во внутреннем взаимодействии. Сущность субличности всегда позитивна, а роль может порождать тяжёлые переживания и негативное поведение. Экстремальная роль принимается субличностью в результате взаимодействия с другими субличностями, которое основано на «недоверии» и «непонимании» ими друг друга [2].

Важным аспектом теории множественности личности явилось понимание «насколько сложна и многогранна наша жизнь, настолько же многое нам приходится думать и делать одновременно; идея нескольких специализированных «умов», обладающих определенной степенью самостоятельности и взаимосвязанных для того, чтобы обеспечить одновременную активность» [2, 44 с.]. Идея множественности личности, позволяет объяснить ряд хорошо известных психологических феноменов. Например, неожиданное вдохновение, когда идея или оригинальное решение приходят в голову по дороге в магазин и, как говорится, «из ниоткуда».

Ребёнок формируется в семейной системе, как её подсистема. Его индивидуальность определяется через отличие отведённой ему роли в реализации функций и достижении целей семьи. Интегральную индивидуальность ребёнка можно понимать и описывать через динамику взаимосвязей всей совокупности субличностей, которые

сформировались и формируются у него, вследствие развития в рамках семейной системы.

Список литературы:

1. Варга А. Я. Введение в системную семейную психотерапию. – М.: Когито-Центр, 2011. – 182 с. (Современная психотерапия)
2. Шварц Р. К. Системная семейная терапия субличностей. – М.: Научный мир, 2011. – 146 с.
3. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. – Львов: Инициатива, 1998. – 480 с.
4. Ассаджиоли Р. Психосинтез. – М.: Институт Психотерапии, 2008. – 384 с.
5. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М., 1988.
6. Бендлер Р., Гриндер Д. Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевых стратегий. Воронеж. 1995.
7. Ковалёв С. В. Нейротрансформинг. Команда нашего «Я». М.: Твои книги, 2016.

ДЕСТРУКТИВНАЯ ПОДЧИНЯЕМОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОКОММУНИКАЦИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРОФИЛАКТИКИ

Князев Е.Б.

Кандидат психологических наук, старший преподаватель, кафедра педагогики, образовательных технологий и профессиональной коммуникации, СГМУ имени В.И. Разумовского
eknyaze@gmail.com

Аннотация. В статье на основании ряда исследований деструктивного подчинения личности авторитету анализируются факторы подчинения и средства защиты, применительно к условиям инфокоммуникации. Высказывается мысль о том, что опосредованность социального влияния интернет-технологиями не изменяет основных теоретических принципов подчинения. В заключение приводятся рекомендации необходимые для создания психологических условий профилактики деструктивной подчиняемости.

Ключевые слова: Подчиняемость, факторы подчинения, авторитет, Интернет, инфокоммуникация.

DESTRUCTIVE OBEDIENCE OF PERSONALITY IN CONDITIONS OF INFOCOMMUNICATION: PSYCHOLOGICAL CONDITIONS OF PREVENTION

Knyazev E.B.

Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of Pedagogy, Educational Technologies and Professional Communication, SSMU named after V.I. Razumovsky

In this article analyzes the factors of obedience and means of protection, as applied to the conditions of infocommunication, based on a number of studies of the destructive obedience of personality to authority. The idea is expressed that the mediation of social influence by Internet technologies does not change the basic theoretical principles of obedience. In conclusion, recommendations are given that are necessary to create psychological conditions for the prevention of destructive obedience.

Key words: Obedience, factors of obedience, authority, Internet, infocommunication.

Период конца XX и начала XXI века ознаменовался резким скачком в развитии компьютерных технологий. Это предоставило людям возможность свободно получать и передавать огромное количество информации и заставило правительства развитых стран (в первую очередь США) предпринимать попытки осуществить контроль над различными информационными взаимодействиями. Ответом на эти попытки стал представленный в 1996 году программный документ – «Декларация независимости Киберпространства», сооснователя Фонда электронных рубежей (EFF) Джона Барлоу. В нем, кроме резких заявлений в адрес правительств, автор дает определение Киберпространству, представляя его как пространство, состоящее из взаимодействий, взаимоотношений и мысли как таковой, выстроенных подобно стоячей волне в сети наших коммуникаций. При этом Барлоу делает важное дополнение, касающееся расположения этого пространства: «наш мир – это везде и нигде, но не там, где живут тела» [1]. Из данного определения мы можем видеть, что, если такие категории как «взаимодействие», «взаимоотношение», «коммуникация» касаются сути Интернета, то в нем с необходимостью следует признать наличие такого фундаментального процесса, каким является социальное влияние.

Эта мысль подтверждается и такими исследователями как Ф. Зимбардо и М. Ляйппе, которые указывают на то, что социальное влияние осуществляется в обществе людей везде и всегда. При этом авторы подчеркивают, что под социальным влиянием ими понимается такое поведение одного человека, которое в конечном итоге ведет к изменению в поведении другого человека, а также того как он думает, чувствует, действует по отношению к определенному стимулу [2].

Роберт Чалдини указывает на несколько принципов социального влияния, своеобразных средств, благодаря которым оказываются возможными любые изменения в поведении людей. Одним из таких принципов он полагает авторитет. Ученый убежден, что в век средств информационных технологий, для обычного человека обработать колоссальные объемы информации оказывается невозможным. Вследствие этого люди привыкают реагировать на определенные стимулы социального влияния практически бессознательно и не размышляют о последствиях своих действий, так как такое механическое поведение сильно экономит им время и ресурсы. Как следствие, считает Р. Чалдини, принципы социального влияния будут играть все более важную роль в обществе, приводя, в том числе к деструктивным последствиям. Кроме этого, Р. Чалдини делает важное замечание о средствах защиты от деструктивного влияния. Он полагает, что нет нужды выяснять частные особенности реализации того или иного принципа социального влияния, а важно знать как они действуют и какие факторы могут привести их в действие [3].

В 1960-х годах Стенли Милгрэм занимаясь исследованием деструктивного подчинения личности авторитету, выявил и описал несколько ситуационных факторов, благодаря которым влияние авторитета приводит к формированию у реципиента влияния состояния, названного Милгрэмом агентным. Находясь в нем, человек оказывается готов к совершению таких действий, которые не свойственны ему и его характеру [4]. В 2014 году группа исследователей во главе с Ником Хасламом провела метаанализ, изучив 21 условие при которых исследовалось подчинение, и представила уточненный список из восьми факторов. 1) директивность, 2) правомочность и 3) последовательность авторитета, 4) групповое давление на реципиента влияния, чтобы он не подчинялся авторитету, 5) не директивность, 6) близость и 7) доверительность отношений между реципиентом влияния и субъектом, против которого направлены приказы авторитета, как агента влияния, 8) дистанция между агентом влияния и реципиентом влияния [5].

В целом, если следовать мысли Р. Чалдини, приведенные факторы подчинения могут быть релевантными и для участников инфокоммуникаций. Эту мысль поддерживает и ряд исследователей во главе с Ирен Конноли, в опубликованной в 2016 году книге «Введение в Киберпсихологию» [6].

Однако при всем этом, следует учесть, что фактор, касающийся физического расстояния между реципиентом влияния и авторитетом, будет не актуальным. Вероятно, в этом случае, «расстояние» будет касаться их когнитивной сферы: общности знаний, идей, ценностей, поскольку это следует из определения Киберпространства по Дж. Барлоу. Таким образом, принцип авторитета будет преобладать, прежде всего, среди участников виртуальных сообществ, где собираются люди, которые разделяют сходные идеи, ценности, знания.

Касаемо индивидуальных факторов подчинения отметим, что ряд исследователей считает, что они существуют, однако единого согласия по данному вопросу нет. Предполагалось влияние на подчинение личности уровня ее социального интеллекта [7], интернальности [8], правоавторитарных установок [9], эмпатии [10], экстраверсии и нейротизма [11]. В связи с последним, можно было бы предположить, что подчинение авторитету осуществляемое посредством инфокоммуникации косвенно зависит от вовлеченности участников виртуальных сообществ в инфокоммуникацию. Однако, исследование Т.В. Белых и Л.Ю. Костановой [12] демонстрирует, что невротичность старших школьников, никак не зависит от степени их включенности в общение посредством интернет-технологий.

Таким образом, в настоящее время не найден индивидуальный фактор, способствующий или препятствующий влиянию авторитета на личность. А опубликованное нами в 2018 году диссертационное исследование указывает, на сложно устроенную структуру подчиняемости личности авторитету, включающей в себя 12 индивидуальных факторов связанных с процессом социального познания личности [13].

Несмотря на продолжающиеся исследования индивидуальных факторов подчинения, ученые отмечают, что деструктивному влиянию авторитета можно и нужно противостоять.

С. Милгрэм указывал, что неподчинение начинается с внутреннего сомнения и человек проходит довольно сложный путь. При этом ученый подчеркивал, что цена неподчинения состоит в развитии у человека чувства, будто он не оправдал доверия авторитета, однако в этом и проявляется ответственность оберегающая личность от деструктивного «слепого» подчинения [4, с. 216-217].

Согласно Р. Чалдини, главной формой защиты от деструктивного подчинения авторитету должно стать осознание человеком самого факта возможного влияния на него со стороны авторитета. При этом Р. Чалдини подчеркивает, что противостояние

авторитету не самая лучшая тактика защиты, поскольку авторитетная личность – есть компетентное лицо, и в большинстве ситуаций прекрасно разбирается в «своей» области. Однако в этом случае важным элементом защиты оказывается способность человека ставить перед собой вопросы касающиеся, во-первых, компетентности авторитета в определенной области и, во-вторых, выгоды, которую авторитет сможет извлечь из подчинения ему окружающих людей [3, с. 323-325].

Ф. Зимбардо прежде чем перечислять конкретные средства защиты от влияния указал, что те, кто считает себя не уязвимым для влияния более всего уязвимы, ибо подвластны иллюзии собственной неуязвимости. В качестве средств защиты Зимбардо предлагает программу из 10 пунктов. Первые три пункта посвящены, во-первых, развитию умения человека признавать свои ошибки, поскольку всем свойственно ошибаться, во-вторых, умению задавать себе вопросы и быть бдительным, то есть критичным и, в-третьих, умению брать и нести ответственность за свои решения и действия [14, с. 634]. В целом на наш взгляд, программа достаточно интересна, однако трудна в реализации, поскольку содержит 10 пунктов, каждый из которых требует значительных временных затрат, что в ситуации подчинения можно считать роскошью. Гораздо проще и эффективнее в плане защиты от влияния авторитета, может быть применение на практике двух пунктов взятых из рассказа К. Маслач, о том, почему она раскритиковала и тем самым остановила эксперимент Ф. Зимбардо, который по его же словам сам подвергся «очарованию» деструктивной ситуации подчинения. К. Маслач указала, что раскритиковала эксперимент, поскольку была посторонним наблюдателем, случайно оказавшейся на месте проведения эксперимента, а потому, не зная правил которые там действовали, взбунтовалась против самой ситуации подчинения, а не против конкретных людей [14, с. 644].

Таким образом, на наш взгляд, человеку, оказавшемуся в ситуации подчинения следует, во-первых, постараться взглянуть на сложившуюся ситуацию как бы со стороны, определив свое место и роль. Во-вторых, критиковать не авторитет или иных участников, противодействовать им, а саму сложившуюся ситуацию в целом, стараясь донести до других свои мысли и идеи, обретая, таким образом, поддержку со стороны остальных участников. Это, согласно 4 пункту вышеприведенного исследования Н. Хаслама, также будет ослаблять влияние авторитета.

Наконец, следует обратить внимание, что общение в виртуальных сообществах может быть анонимным и происходить с

затруднением в плане передачи эмоций от одного участника к другому [15]. В этом смысле общение посредством интернет-технологий может быть более предрасположенным к формированию ситуаций подчинения авторитету. Так как по мысли Ф. Зимбардо процесс деиндивидуации (анонимности) следует вместе с дегуманизацией (представление людей как объектов) и предрасполагает к деструктивному подчинению личности авторитету [14].

Таким образом, для создания психологических условий профилактики деструктивной подчиняемости личности авторитету, необходимо:

Во-первых, формирование знаний у участников инфокоммуникаций о том, что в сети, как и в реальном мире возможны ситуации подчинения личности авторитету и, что любой человек, в этой ситуации может подчиниться власти авторитета.

Во-вторых, развитие критического мышления у участников инфокоммуникаций по отношению к собственным действиям в сети и действиям других участников, особенно, если мнения некоторые из них признаны виртуальным сообществом авторитетными.

В-третьих, информирование участников инфокоммуникаций о том, какие могут быть ситуативные и индивидуальные факторы подчинения личности авторитету и какое действие оказывают на общение в ситуации подчинения такие процессы как деиндивидуация и дегуманизация.

В-четвертых, проведение теоретических, эмпирических и экспериментальных исследований в виртуальных сообществах, с целью изучения причинно-следственных связей и определения теоретических принципов подчинения личности авторитету в условиях опосредованного взаимодействия субъектов при помощи сети Интернет.

Список литературы:

1. Barlow, J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace [Электронный ресурс] / J.P. Barlow // Electronic Frontier Foundation. 1996. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 01.10.2019).
2. Зимбардо, Ф., Ляйппе, М. Социальное влияние [Текст] / Ф. Зимбардо, М. Ляйппе; пер. с англ. Н. Мальгиной, А. Федорова; под ред. А. Свенцицкого. – СПб.: Питер, 2011. – 448 с.
3. Чалдини, Р. Психология социального влияния: Внушай, управляй, защищайся [Текст] / Р. Чалдини; пер. с англ. О.С. Епимахова – М.: Э, 2018. – 416 с.

4. Милгрэм, С. Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль [Текст] / С. Милгрэм; пер. с англ. Г. Ястребов. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 282 с.
5. Haslam, N., Loughnan, S., Perry, G. Meta-Milgram: An empirical synthesis of the obedience experiments [Electronic resource] / N. Haslam, S. Loughnan, G. Perry // PloS ONE. – 2014. – Vol. 9. – № 4. URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0093927> (дата обращения: 13.10.2019)
6. Connolly, I., Palmer, M., Barton, H., Kirwan, G. An introduction to cyberpsychology [Текст] / (Eds.) I. Connolly, M. Palmer, H. Barton, G. Kirwan – Routledge, 2016. – 348 p.
7. Burley, P., McGuinness, J. Effects of social intelligence on the Milgram paradigm [Text] / P. Burley, J. McGuinness // Psychological Reports. – 1977. – Vol. 40. – № 3. – P. 767-770.
8. Spector, P. Locus of control and social influence susceptibility: are externals normative or informational conformers? [Text] / P. Spector // The Journal of psychology. – 1983. – Vol. 115. – № 2. – P. 199-201.
9. Altemeyer, R. The authoritarian specter [Text] / R. Altemeyer. – Cambridge: Harvard University Press, 1996. – 374 p.
10. Burger, J. Replicating Milgram: Would people still obey today? [Text] / J. Burger // American Psychologist. – 2009. – Vol. 64. – № 1. – P. 1-11.
11. Begue, L., Beauvois, J., Courbet, D., Oberlé, D., Lepage, J., Duke, A. Personality predicts obedience in a Milgram paradigm [Text] / L. Bègue, J. Beauvois, D. Courbet etc. // Journal of Personality. – 2015. – Vol. 83. – № 3. – P. 299-306.
12. Костанова Л.Ю., Белых Т.В. Личностные факторы адаптивности старших школьников к условиям инфокоммуникации // Вестник северо-кавказского федерального университета. – 2014. – № 1 (40). – С. 221-224
13. Князев, Е.Б. Взаимосвязь социально-психологических характеристик личности и подчиняемости авторитету у субъектов межличностного взаимодействия [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Князев Е.Б. – Саратов, 2018. – 25 с.
14. Зимбардо, Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев [Текст] / Ф. Зимбардо; пер. с англ. А. Стативка. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 740 с.
15. Соловей А.П. Виртуальные сообщества как особая форма социальной интеграции // Психология, социология и педагогика. 2014. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2014/06/3341> (дата обращения: 01.10.2019)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ АГРЕССИИ КАК УСЛОВИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ПОВЕДЕНИИ ПОДРОСТКОВ

Козловская Н.В.

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и прикладной психологии
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

natalya-kozlovsk@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается связь деструктивного поведения с агрессией, выделяются причины возникновения деструктивных форм поведения в подростковом возрасте, предпринимается попытка показать зависимость выбора деструктивных форм поведения от представлений подростков об агрессии, выделяются категориальные структуры сознания, в рамках которых происходит восприятие агрессии подростками, склонными/не склонными к деструктивным проявлениям в поведении.

Ключевые слова: агрессия, деструктивное поведение, смысловые конструкты, представления, подростковый возраст.

THE CONCEPT OF AGGRESSION AS A CONDITION FOR THE EMERGENCE AND MANIFESTATION OF DESTRUCTIVE TENDENCIES IN THE BEHAVIOR OF ADOLESCENTS

N.V. Kozlovskaya

candidate of psychological sciences, associate professor,
associate professor, department of general and applied psychology
FSAEI of HE "North Caucasus Federal University"

natalya-kozlovsk@mail.ru

The article discusses the relationship of destructive behavior with aggression, identifies the causes of destructive behaviors in adolescence, attempts to show the dependence of the choice of destructive behaviors on teenagers' perceptions of aggression, identifies categorical structures of consciousness in which aggression is perceived by adolescents who are / are not inclined to destructive manifestations in behavior.

Keywords: aggression, destructive behavior, semantic constructs, ideas, adolescence.

Интерес к проблеме деструктивного поведения и агрессии как одной из его форм находит свое отражение в работах многих зарубежных (Фрейд З., Адлер А., Юнг К.Г., Штекель В., Хекхаузен Х., Берковиц Л., Мертон Р. И др.) и отечественных (Змановская Е.В., Курбатова Т.Н., Дружинин В.Н., Можгинский Ю.Б. и др.). При этом

некоторые авторы рассматривают деструктивное поведение в рамках исследования агрессивных проявлений личности. Так, например, Ю. Козелецкий уделяет внимание деструктивному поведению, изучая трансгрессию, которая направлена на постоянное преодоление своих прежних достижений, желание выйти за пределы своих возможностей [1]. Э. Фромм говорил о деструктивном поведении как о виде «злокачественной» агрессии, включающей в себя разрушающие компоненты [2]. Ю.М. Антонян так же изучает деструктивное поведение в рамках агрессии, выделяя три ее компонента: конструктивный, деструктивный и дефицитарный [3]. При этом деструктивный компонент носит разрушительный по отношению к окружающим характер. В свою очередь, С.В. Ардашева и Г.П. Ярмоленко описывают агрессию как осознанное деструктивное поведение, отклоняющееся от существующих в обществе правил и норм, наносящее физический вред людям [4].

В настоящее время проблема агрессии как формы деструктивного поведения становится все более актуальной вследствие ее активной пропаганды в СМИ, которые освещают массу примеров агрессивного и аутоагрессивного поведения [5]. Именно под влиянием подобного информационного давления в массовом сознании, особенно у детей и подростков, формируется образ современного общества и «эффективная» модель достижения цели. В результате любые агрессивные модели могут легко закрепиться в поведении подростков. Это обусловлено тем, что личность ребенка в этот период особенно неустойчива и нестабильна, что приводит к противоречивым желаниям и поступкам подростка, которые очень часто могут переходить за грани нормы.

В качестве основных причин деструктивного поведения подростков, проявляющегося в форме агрессии, одни исследователи (Беспалов Д.В.) называют психофизиологические особенности данного возраста, кризис, приходящийся на этот период, появление чувства взрослости и развитие самосознания. Другие (Наумова Н.В., Бобренко О.С., Шнейдер Л.Б.) указывают на особую роль в возникновении деструктивного поведения, в частности деструктивной агрессии, семьи подростка, которая задает ему определенную модель поведения. Кроме того, по данным ученых, различные типы семейного воспитания (гиперопека, гипоопека) могут породить различные формы деструктивного поведения у ребенка [6]. Наконец, по данным психологов, вероятность возникновения агрессии у ребенка зависит от того, сталкивается он с ней в семье или нет [7].

При этом всё больше исследователей склоняется к мнению о том, что на формирование и проявления деструктивных форм поведения существенное влияние может оказывать та картина мира, которая складывается в сознании человека под влиянием социально-экономических и политических условий жизни общества. Так, например, с точки зрения Н.Н. Королевой, «смысловые образования в картине выполняют репрезентативную (представление жизненного мира субъекта), интерпретативную (структурирование, интерпретация жизненных явлений и ситуаций), регулятивную (регуляция поведения человека в жизненных ситуациях) и интегративную (обеспечение целостности картины мира) функции» [8, с. 22].

Поэтому столь важно выявить смысловые конструкты агрессии, имеющиеся в представлении подростков, склонных к деструктивному поведению, которые могут стать «порождающей моделью» действительности (термин Е.Е. Сапоговой), основой для ориентации «в мире социальной, предметной реальности, т.е. в мире людей и для людей» [8, с. 23].

В ходе исследования (проводилось совместно с Е.С. Ерёмкиной в рамках дипломной работы) были использованы следующие методики: методика склонности к отклоняющему поведению (Орел А.Н.); методика «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» (Бойко В.В.); метод Семантического дифференциала, созданный нами для выявления представлений подростков об агрессии и агрессивном поведении. Семантический дифференциал включал в себя 60 характеристик агрессивного поведения, выделенных в результате проведенного нами ассоциативного эксперимента, и 10 ролевых позиций: «Я сейчас»; «Уверенный человек»; «Человек, проявляющий агрессивное поведение на себя»; «Мои родители»; «Человек, проявляющий агрессивное поведение на других»; «Неуверенный человек»; «Мой сверстник/одноклассник»; «Миролюбивый человек»; «Лидер»; «Я в будущем». Исследование проводилось с учащимися 8-х классов. Возраст 13-15 лет. Всего в исследовании приняло участие 60 человек.

В ходе исследования были выделены две группы в зависимости от степени выраженности склонности подростков к деструктивному поведению. Первая группа – подростки, склонные к деструктивному поведению, характеризуются склонностью к риску, у них выражена потребность в острых ощущениях, для них характерно наличие садо-мазохистских и агрессивных тенденций в поведении, низкий уровень социального контроля; они низко оценивают значимость собственной жизни и могут быть склонны к

противоправному поведению. Вторая группа – подростки, которых отличает хороший социальный контроль поведенческих реакций, отсутствие готовности к реализации саморазрушающего поведения, тенденции к соматизации тревоги, склонности к реализации комплексов вины в поведенческих реакциях: для них неприемлемо насилие как средство решения проблем, они не используют агрессию в качестве способа выхода из фрустрирующей ситуации.

Кроме того, у подростков, имеющих склонность к деструктивному поведению, были выявлены спонтанность в проявлении агрессии, слабая способность к торможению агрессивных проявлений, а также так называемая «анонимность агрессии», которая может порождать в сознании испытуемых представление о том, что они не несут ответственность за ее проявления. В данной группе были выделены такие формы агрессии, которые могут приводить к разрушению личности самих подростков и окружающих – аутоагрессия, отраженная агрессия, спонтанность агрессии, провоцирование агрессии.

Корреляционный анализ также показал наличие положительной связи между шкалой «Склонность к деструктивному поведению» и шкалами «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению» (0,58), «Склонность к аддиктивному поведению» (0,53), «Шкала волевого контроля эмоциональных реакций» (0,47), «Склонность к делинквентному поведению» (0,42), «Склонность к агрессии и насилию» (0,41), «Удовольствие от агрессии» (0,30), «Склонность заражаться агрессией толпы» (0,30).

Проведение методики «Семантический дифференциал» позволило реконструировать групповое семантическое пространство, в рамках которого происходит восприятие агрессии подростками, склонными/не склонными к деструктивному поведению.

В результате анализа полученных эмпирических данных было установлено, что представления подростков об агрессии являются многоуровневой системой смысловых структур, включающих три основных компонента:

1) когнитивный, определяющий понимание агрессии подростками. Наибольшей когнитивной сложностью в восприятии агрессии обладают подростки, проявляющие склонность к деструктивному поведению;

2) эмоциональный, проявляющийся в отношении к агрессивному поведению. Представления, сложившиеся в первой группе испытуемых, склонных к деструкции, по отношению к

агрессивному поведению в целом имеют более негативную окраску, в отличие от второй группы;

3) поведенческий компонент раскрывает представления подростков о возможных способах взаимодействия с окружающими людьми: если для подростков, склонных к деструктивному поведению, проявления агрессии связаны с обесцениванием других людей и возможностью манипулировать ими, то для подростков, не склонных к деструкции, агрессия представляет собой способ самоутверждения.

Было выявлено, что содержание представлений об агрессии обусловлено выбором деструктивных паттернов поведения: подростки, склонные к деструкции, считают, что проявления агрессии и аутоагрессии могут быть вызваны низкой самооценкой человека, связанной с неуверенностью в себе, слабостью Я-концепции, мнительностью, проявляющейся в катагеллофобии, а также субъективным ощущением отсутствия собственной значимости и ценности, то есть личностными детерминантами, а в представлении подростков, не склонных к деструкции, агрессия и аутоагрессия связаны с особенностями восприятия человеком окружающего мира и других людей.

Были выделены базисные конструкты, через призму которых происходит восприятие и оценка агрессии подростками, склонными к деструктивному поведению: жизненная беспомощность, самокритичность, ригидность поведения с тенденцией к демонстративности, нерешительность, разочарованность в жизни и в людях.

Проведенный нами анализ ролевых позиций показал, что подростки, склонные к деструкции, противопоставляют позиции «Я сейчас» и «Я в будущем» позиции «Мои родители», считая их агрессивными, не отвечающими за свои поступки, что может косвенно свидетельствовать о проблемах в отношении с ними, неприятии их ценностей и установок, об отсутствии эмоциональной связи между ними, что, возможно, и определяет наличие деструктивных тенденций в поведении подростков. В то же время у респондентов второй группы позиции «Я в будущем», «Я сейчас» и «Мои родители» во всех факторах были выделены на одном полюсе, что может косвенно свидетельствовать о позитивном восприятии своих родителей подростками, наличии эмоциональной связи между ними, что, возможно, и определяет отсутствие деструктивных тенденций в их поведении.

Таким образом, мы можем говорить о том, что субъективная картина категоризации образа агрессии на уровне обыденного

сознания существенно изменяется под влиянием проявлений деструктивных тенденций в поведении подростков и может являться условием возникновения поведенческих деструкций, что нуждается в дальнейшей проверке.

Список литературы:

1. Лысак И.В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека. – Таганрог: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – 160 с.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ Москва, 1994. – 236 с.
3. Антонян Ю.М. Криминальная патопсихология / Ю.М. Антонян, В.В. Гульдан. – М.: Норма, 1991. – 468 с.
4. Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения. – СПб.: Питер, 2014. — 368 с.
5. Кузнецова С.О., Абрамова А.А. Психологические особенности агрессивности в подростковом возрасте // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2014. – №1. – С. 100-107.
6. Барденштейн Л.М., Можгинский Ю. Б. Взаимосвязь патологического агрессивного поведения и депрессии у подростков // Российский психиатрический журнал. – 2000. – № 1. – С. 42-45
7. Можгинский Ю.Б. Агрессивность детей и подростков. – СПб.: Литагент «Когито-Центр», 2008. – 50 с.
8. Чуешева Н.А. Понятие «образ мира» в психологической науке / Н.А. Чуешева // Вестник ТГПУ. – 2007. – Выпуск 10 (73). – С. 20-23.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТ-КАРТ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ КАК ПРОБЛЕМА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Колесова Е. В.

ассистент кафедры англ. яз. и методики его преподавания
yakachu@ya.ru

Аннотация. В статье рассматривается определение интеллект-карт на основе современных междисциплинарных исследований. Обосновывается целесообразность применения интеллект-карт в преподавании иностранных языков. Обозначается проблема применения интеллект-карт в области педагогической психологии.

Ключевые слова: методика обучения иностранному языку, интеллект-карты, педагогическая психология, образовательный процесс

USE OF INTELLIGENCE CARDS IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES AS A PROBLEM OF PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

Kolesova E.V.

Assistant at the Department of English and its teaching methods

Abstract. The paper considers the definition of mind maps which is based on modern interdisciplinary research. The article justifies the usage of mind maps and the necessity to implement mind maps in teaching foreign languages. The article is devoted to the problem of using mind maps in the field of pedagogical psychology.

Key words: mind maps, foreign language teaching method, pedagogical psychology, educational process.

В современном обществе в связи с развитием международного сотрудничества во всех сферах, в том числе и в сфере науки и образования, возникает потребность в выработке устойчивых навыков усвоения огромных потоков информации, умения в них ориентироваться, грамотно их анализировать и использовать. В связи с этим, одной из актуальных задач педагогической психологии является выявление эффективных условий развития индивидуальных способностей субъекта в условиях огромных информационных потоков.

Федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения ориентируют образование на достижение нового качества, адекватного современным (и даже прогнозируемым) запросам личности, общества и государства. Традиционные методы обучения не обеспечивают в полной мере достижения поставленной цели, поэтому необходимо исследование и внедрение новых методов обучения, соответствующих современным требованиям.

Изучение современных методик обусловило поиск дидактических и психологических приёмов, которые способствуют развитию рефлексии и навыков структурирования больших объёмов информации, эффективному запоминанию и активизации творческого потенциала личности.

В современном образовательном процессе наиболее рациональными и востребованными являются активные методы обучения. Эти методы включают в себя способы и приёмы дидактического воздействия, пробуждающие у субъекта поисковую мыслительную активность, формируют креативное мышление, способствуют развитию критического самоанализа, активизируют учебно-познавательную деятельность. Все эти навыки предполагают формирование автономной личности, способной к определению и реализации целей как индивидуального развития, так и дальнейшего развития общества [3].

Анализируя современные отечественные исследования в области педагогики и психологии можно отметить, что существует большое количество активных дидактических методик используемых для развития различных видов деятельности в учебном процессе [3].

В ряде работ, связанных с применением активных методов преподавания, представлен накопленный опыт по использованию интеллект-карт как эффективного средства развития умственных и творческих способностей субъекта образования, а также как нетрадиционный способ представления информации [5].

Данный альтернативный метод представляет собой интерес для изучения эффективности его применения в различных сферах. Однако особый интерес к изучению эффективности использования интеллект-карт с точки зрения педагогической психологии вызывает их применение в области изучения иностранных языков, поскольку изучение иностранного языка имеет ряд особенностей, связанных с многоуровневостью процесса обучения и необходимостью выработки автоматизма применения навыков, приобретённых во время обучения.

При рассмотрении понятия «интеллект-карты» в современных отечественных исследованиях можно отметить множественность определения, что является одной из ключевых проблем при анализе данного понятия.

При многочисленности определений понятия «интеллект-карты» можно встретить синонимические дефиниции. Например, такие как: ментальные карты, когнитивные карты, карты ума, карты мышления, карты памяти, карты разума, ассоциативные карты. Все эти понятия так или иначе, связаны с развитием мыслительной деятельности в учебном процессе, эффективным структурированием и обработкой информации, а также с развитием творческого и интеллектуального потенциала [5].

Для того, чтобы понять сущность данного множественного определения, необходимо рассмотреть применение интеллект-карт в различных сферах.

Так, в экономике коллективные и индивидуальные интеллект-карты используются для сведения воедино и переработки сложной по составу экономической информации в условиях большого информационного потока. Согласно определению Г. Р. Хусаиновой, интеллект-карты являются многофункциональным средством обучения, развивающее образное и ассоциативное мышление, память, способствуют свертыванию информации [15]. Автор отмечает, что для решения управленческих задач интеллект-карты способствуют разработке инновационных стратегий, с опорой

на творческий потенциал, а также представляют ценность для активизации способности генерировать оригинальные идеи и помогают использовать нестандартные способы интеллектуальной деятельности при решении управленческих задач [15].

Анализ диссертационных исследований в области дидактики показал, что в отечественной и зарубежной педагогической практике, социологии, психологии накоплен опыт применения различных нестандартных приёмов и подходов к использованию карт в обучении. При этом важно отметить что понятие интеллект-карты в педагогике рассматривается как собирательное и включает в себя их видовое многообразие [1;4;13].

Например, в исследовании З. Р. Тушаковой, приводится классификация интеллект-карт по уровню развития умственных умений учащихся. Так, на основе приведённой классификации автор даёт определение понятия «креативная карта» и разрабатывает структурно-логическую схему карт для успешного развития умственных умений учащихся при обучении химии для старшеклассников общеобразовательной школы. Согласно определению З. Р. Тушаковой, «креативные карты» - это результат преобразования и визуализации материала на основе системы, мыслительных операций и способ формирования нового знания в ходе поисковой деятельности. Экспериментальное исследование, проведённое автором, подтвердило эффективность методической системы развития умственных умений при обучении химии с использованием креативных карт с дидактической точки зрения [14].

Интеллект-карты используются в исследовании Н. В. Съединой для систематизации знаний студентов относительно использования самоконтроля не только в учебной, но и в будущей профессиональной деятельности. По мнению автора, построение логической согласованности между знаниями и выделение взаимосвязи между ними, позволяет переосмыслить необходимость использования самоконтроля в различных сферах жизнедеятельности [12].

Также когнитивные карты используются в математическом моделировании. Так, например, в исследовании И. О. Семёнова когнитивные карты используются для моделирования содержания учебных курсов. Автор определяет когнитивные карты как разновидность математических моделей для формализации проблемы, сложной системы в виде множества концептов, отображающих её системные факторы. И. О. Семёнов предлагает использовать когнитивные карты для выявления причинно-следственных отношений

между факторами с учётом воздействия на эти факторы или изменения характера отношений. В практическом содержании когнитивная модель (в понимании автора, когнитивная модель включает в себя когнитивные карты), позволяет получить информацию о зависимостях между концептами предметной области и их количественной оценке. Иными словами, по мнению автора, когнитивные карты- это взвешенный граф (графическое изображение структурной модели) [11].

Целью использования когнитивных карт в математическом моделировании и компьютерных технологиях является разработка программного обеспечения для имитационного моделирования широкого класса задач. В исследовании посвященном разработке компьютерных тренажеров интеллект-карты применяются для разработки нечёткой семантической модели в качестве промежуточных моделей. Интеллект-карты используют для визуализации онтологий на стадии дизайна, нечёткие когнитивные карты используются, как средство моделирования динамики технологического процесса, также в сфере информационных технологий используются концептуальные карты, которые дают возможность представить связи между понятиями [5].

Система интеллект-карт рассматривается как один из альтернативных подходов к обучению иностранным языкам.

Так, в исследовании В. П. Золотухиной, интеллект-карты используются в научно-методическом комплексе при подготовке профессионально-коммуникативной компетенции будущих переводчиков [6]. В ходе авторского исследования интеллект-карты использовались в качестве инструмента для отображения процесса мышления и структурирования информации в визуальной форме через процесс конспектирования и в качестве альтернативного способа организации конспектов [6]. Автор подчеркивает, что применение интеллект-карт для создания конспектов позволяет найти отражение общения и коммуникации между интеллектом лектора или автора книги и аудитории, а также, что при составлении интеллект карт у субъекта возникают спонтанные идеи, которые он фиксирует визуально. В исследовании доказана эффективность применения интеллект карт в комплексе с другими методиками для развития профессионально-коммуникативной компетенции переводчиков [6].

В работе Т. А. Посягиной рассматривается сущность и содержание понятия «когнитивная карта с мультикодовым представлением информации». Согласно определению автора, под мультикодовым представлением информации понимается

множественность знаков (символов) и форм репрезентации специфичной для дисциплины информации в межкоординатных секторах когнитивной карты. Символы и образы представлены визуально и логически удобно. Что же касается понятия «когнитивная карта» с мультикодовым представлением, то автор подчеркивает, что это логически организованная ментальная репрезентация материала, в которой отображена причинно-следственная связь объекта исследования [10].

В исследовании Нгуен Тхи Ханг, которое посвящено вопросу об эффективности методики использования информационно-коммуникативных технологий в организации самостоятельной учебной деятельности по русскому языку в условиях вьетнамского языкового вуза поднимается проблема недостаточного сопровождения, либо полное отсутствие визуального материала в учебниках русского языка. Также автор отмечает отличительную особенность студентов азиатско-тихоокеанского региона, которая заключается в том, что у них преобладает визуальный тип восприятия. Таким образом, можно подчеркнуть релевантность использования автором когнитивных карт в комплексе с другими современными технологиями преподавания русского языка в условиях вьетнамского вуза [8].

Анализ современных исследований позволяет сделать вывод о том, что ключевой идеей применения интеллект-карт является структурирование информации изучаемого материала, развивающее визуальный тип мышления, зрительное восприятие, что позволяет достичь целостности восприятия понимания материала, активизировать генерацию идей, а также понять связь изучаемого (представленного) материала с другими областями или концептами.

Для того, чтобы понять целесообразность использования интеллект-карт как дидактического средства в обучении иностранным языкам необходимо обозначить актуальные вопросы, которые являются причиной поиска эффективных психологических и дидактических методов и отличают процесс изучения иностранного языка от других предметов.

Следует отметить, что сложность изучения иностранного языка определяется его многоуровневостью, связанной с развитием четырех навыков к которым относятся - аудирование, чтение, письмо и говорение [2; 9].

Так, согласно определению С. В. Говорун, аудирование - это сложный активный процесс речемыслительной деятельности. Механизмы восприятия аудитивных умений (способности воспринимать и понимать речь на основе приобретённых знаний) и

навыков изучаются лингвистами и психологами. В данном процессе принимают участие механизмы внутренней речи, слуховой памяти, внимания с учётом фонетической организации речи изучаемого языка, которые отличаются от родного [2].

Трудность аудирования заключается в том, что субъект имеет дело с системой графических знаков, которая отличается от родного языка. Возникает проблема соотношения графической системы знаков с иноязычными звуками [2].

Особенностью при обучении чтению является развитие навыков, которые позволяют извлекать необходимую информацию, структурировать её развивать и коммуникативные навыки [9].

Формирование письменных навыков иноязычной речи происходит за счёт взаимодействия двигательного, зрительного и слухо-моторного анализаторов. Данный аспект базируется на устной речи. Что говорит о психологической сложности развития данного навыка. С психологической точки зрения, письмо рассматривается как сложный процесс, в котором происходит соотношение речевых звуков, букв и производимых речедвижений. В лингвистике и методике преподавания различают письмо и письменную речь. Так, под письмом понимается графическая система знаков как одна из форм плана выражения. Под письменной речью понимается процесс выражения мыслей в графической форме [9].

Механизм письменного составления текста является сложным, так как включает в себя определённый набор лексических единиц, для организации связи между предложениями, отбор которых зависит от словарного запаса субъекта. Также существует проблема смысловой стороны высказывания, поскольку при оформлении связанного письменного высказывания внимание субъекта направлено на графико-орфографические формы лексических единиц. Таким образом, в развитии данного навыка важно уметь структурировать лексические единицы. Также важно учитывать существующее многообразие письменных сообщений, которые отличаются структурой, содержанием, языковой формой, стилем, сферой функционирования.

Навык говорение используется в качестве активной формы языка и согласно определению Г. А. Никитиной, и является продуктивным видом речевой деятельности, посредством которого осуществляется устно-речевое общение [9]. Развитие устных навыков речи на иностранном языке способствует формированию речевой компетенции. В данном аспекте развития уделяется достаточное внимание использованию речевых паттернов (готовых,

воспроизводимых единиц языка). Данное явление достаточно изучено в лингвистическом плане, однако нуждается в тщательном рассмотрении с точки зрения педагогической психологии и лингводидактики.

Таким образом, проблема развития четырёх навыков иностранного языка как многоуровневой сложной системы должна рассматриваться в сочетании методики преподавания, лингводидактики, психологии и педагогической психологии.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить что вопрос исследования механизмов работы интеллект-карт и их эффективности применения как самостоятельной методики, так и в составе комплекса активных дидактических и лингводидактических методов должен изучаться через призму психолого-педагогических наук, поскольку процесс формирования успешного овладения иностранным языком включает в себя: взаимодействие с активным процессом речемыслительной деятельности, активное развитие мышления, логической памяти, развитие коммуникативных навыков, взаимодействие с системой графических знаков и готовых речевых и письменных паттернов, процесс работы с навыками восприятия речевой и письменной информации, а также с развитием навыков структурирования изучаемого материала и связи этих структур между собой по четырём аспектам развития и на различных языковых уровнях. Таким образом, на основе исследованного материала, необходимо обозначить, что использование интеллект карт в преподавании иностранных языков является актуальной проблемой педагогической психологии и требует дальнейшего исследования механизма данного явления.

Список литературы:

1. Алиева, М. К. Профессиональная подготовка бакалавров к проектной деятельности в информационно- коммуникационной предметной среде: автореф. дис.... канд. пед. наук. / М. К. Алиева. Махачкала, 2017. 22 с.
2. Говорун, С. В. Развитие навыков и умений аудирования у студентов-востоковедов, изучающих английский язык: дис.... канд. пед. наук. / С. В. Говорун. Санкт – Петербург, 2015. 270 с.
3. Горшкова О. В. Активные методы обучения: формы и цели применения / О. В. Горшкова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017.
4. Драчук, И. В. Английские клише в лингводидактическом аспекте / И. В. Драчук // Поволжский педагогический вестник. 2016. № 3. С. 41- 46.

5. Дронова, Е. Н. Ментальные карты в учебном процессе: роль и основы разработки / Е. Н. Дронова // Проблемы современного образования. 2017. № 2. С. 118- 124.
6. Золотухина, В. П. Развитие профессионально-коммуникативной компетентности у будущих переводчиков в техническом вузе: автореф. дис.... канд. пед. наук. / В. П. Золотухина, Комсомольск-на- Амуре, 2005.26 с.
7. Коцюба, И. Ю. Методы и алгоритмы поддержки разработки нечётких семантических моделей для компьютерных тренажёров: автореф. дис.... канд. технич. наук. / И. Ю. Коцюба. Санкт- Петербург, 2018. 20 с.
8. Нгуен, Т. Х. Методика использования информационно-коммуникативных технологий в организации самостоятельной работы по русскому языку (в условиях вьетнамского языкового вуза: автореф. дис.... канд. пед. наук. / Т. Х. Нгуен. Москва, 2011. 24 с.
9. Никитина, Г. А. Методика обучения английскому языку: пособие для подготовки к лекциям и практическим занятиям. / Г. А. Никитина. Саратов: Саратовский источник, 2019. – 315 с.
10. Посягина, Т. А. Формирование системных познавательных умений студентов технического вуза: автореф. дис.... канд. пед. наук. / Т. А. Посягина. Уфа, 2009, 26 с.
11. Семёнов, И. О. Методы и средства моделирования электронных учебных курсов: автореф. дис.... канд. технич. наук. / И. О. Семёнов. Петрозаводск, 2013. 23 с.
12. Съедина, Н. В. Актуализация готовности студентов к самоконтролю в воспитательно-образовательном процессе: автореф. дис.... канд. пед. наук. / Н. В. Съедина. Кемерово, 2013. 22 с.
13. Терешкова, О. Н. Психолого-педагогические приёмы при обучении иностранному языку в неязыковом вузе / О. Н. Терешкова // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 2. С. 371- 372.
14. Тушакова, Г. Р. Развитие умственных умений учащихся при обучении химии с использованием креативных карт: автореф. дис.... канд. пед. наук. / Г. Р. Тушакова. Тобольск, 2015. 23 с.
15. Хусаинова, Г. Р. Развитие творческих способностей студентов- будущих менеджеров в процессе иноязычной подготовки: автореф. дис.... канд. пед. наук. / Г. Р. Хусаинова. Казань, 2010. 20 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕДАГОГОВ КАК СУБЪЕКТОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Колиниченко И.А.

доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
личности и профессиональной деятельности, ФГБОУ ВО
«Пятигорский государственный университет»
kolinichenkoi@yandex.ru

Аннотация. Анализируются результаты изучения межгрупповых различий личностных и общих, малоизменяемых категорий идентичности двух независимых выборок педагогов (№ 24), продолжающих обучение и педагогов, считающих полученные ранее знания достаточными для продолжения эффективной работы в условиях современного информационного общества. Понимание привлекательности личностных категорий идентичности помогает в развитии профессиональной идентичности педагогов и налаживанию продуктивного общения между ними.

Ключевые слова: категории идентичности, представления о педагогическом общении.

CONCEPTION OF IDENTITY OF TEACHERS AS SUBJECTS OF THE INFORMATION SPACE OF PEDAGOGICAL COMMUNICATION

Kolinichenko I. A.

Associate Professor, Department of Personality Psychology and Professional Activity, Ph.D. in Psychology, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk,

357501, Russian Federation

kolinichenkoi@yandex.ru

Abstract. The results of intergroup differences of personal and general unchanged categories of identity are analyzed. The article analyses two independent samples of teachers (№24) and also teachers who continue their training and consider the obtained knowledge sufficient for the following successful work in the information society. Understanding of attractiveness of personal categories of identity helps in the further development of professional identity of teachers and establishing of productive communication among them.

Key words: category of identity, conception of pedagogical communication

Введение

Необходимость общения и взаимодействия в информационном пространстве педагогической профессии определена решением совместных задач субъектов этой деятельности. Однако, несмотря на максимальную схожесть педагогических принципов, ценностей и целей, участники этой деятельности не всегда имеют адекватные представления о себе и других, что мешает как их личному, так и профессиональному общению, нередко делая его небезопасным, так как вносит разлад в межличностные отношения.

Понимание тенденций развития педагога, включая его ценностно ориентированные принципы и отношение к другим людям,

идентификацию с конкретными субъектами, осознанием значимости продолжения образования в информационном пространстве помогает отыскать точки соприкосновения между разными субъектами педагогической деятельности, найти общий язык, необходимый в общении. Каждый участник взаимодействия вносит в него свой вклад, наличие которого проявляется через умения согласовывать друг с другом свои действия, проявлять эмпатию и толерантность к взглядам других людей, неумение же выстраивать взаимоотношения, не соотнобразясь с желаниями другого, приводит к конфликтам.

Обзор литературы

Г. М. Андреева анализирует процесс деятельности через содержание общения и раскрывает его сущность в реальной практической деятельности человека со стороны его умения общаться [1, с. 81].

Построение плана совместной деятельности требует от каждого участника оптимального понимания целей, задач, специфики объекта и своих возможностей. Необходимость согласования действий в процессе педагогической деятельности признается всеми независимо от первоначальных различий в целях и ценностях каждого. Для участников взаимодействия важно знать об особенностях других людей – какими они считают себя, что для них важнее – быть, например, мамой, просто хорошим, добрым человеком, компетентным педагогом, специалистом своего дела, поскольку педагогическая деятельность – это не первичные контакты между людьми, не низший уровень взаимодействия, согласно классификации В.Г. Крысько. Знакомство и положительное, хотя и поверхностное общение, например, обмен информацией на научно-практических конференциях, представляют собой залог эффективных дальнейших действий педагогической деятельности. Совместные мероприятия вносят переживание сопричастности, принадлежности к единому профессиональному сообществу как предпосылок достижения конгруэнции, отражается через достижение целей межличностного общения субъектов, которые максимально сближены в рамках единой профессии.

Продуктивная модель организации совместной деятельности – это более высокий уровень сотрудничества, для которого характерно более активное решение проблем с применением совместных усилий.

Взаимопонимание наступает на высшем уровне общения и взаимодействия между людьми, связанными общими профессиональными (групповыми) и личными интересами. На данном уровне общения люди сознательно подходят к содержанию и

структуре действий коллег, предугадывая их, что помогает в достижении общей цели деятельности. Представления об адекватности взаимопонимания зависят от оценок других людей, проявлений ими личностных черт в общении, действиях [2, с. 70–76].

Современные психологические исследования направлены на выяснение того, в каком направлении происходит развитие человека и каков будет результат каждого возрастного и профессионального этапов. Теории, созданные посредством подобного анализа, представляют собой интересный вариант нового понимания развития психики человека, его идентификации с группой, выбранной профессией, конкретными людьми и присвоение себе подходящих личности качеств, работе над собой в процессе общения.

Несмотря на множество социальных ролей, которым следует личность, ведёт себя в соответствии с представлениями о них, как собственным, так и социальным, признаваемым в конкретной культуре, что выходит за рамки индивидуальной парадигмы в психологии. Субъект предстает уже не как индивидуум, наделённый совокупностью ролей, которым он с необходимостью следует, а как часть сообщества, обладающая при этом идентичностью, свойственной таким же субъектам, чувствующим свою принадлежность к данному сообществу и наделённый теми же ролями и их особенным выполнением в рамках данной группы. Научные представления Дж. Тернера о социальной идентичности оказались более продуктивными в вопросе установления единой идентичности субъектов со своими закономерностями и правилами [5, 9], чем в теории эго-психологии Э. Эриксона значительное место отводится социальным ролям личности, которые характеризуются устойчивостью [7].

Результаты

Наше исследование 2018 г, не вошедшее в статью о личностных и неизменяемых категориях идентичности воспитателей в зависимости от их образования и принадлежности к конкретной конфессии, получило продолжение. В данной работе анализируются результаты изучения межгрупповых различий личностных, дифференцирующих и общих, неизменяемых категорий идентичности двух независимых выборок педагогов.

Исследование проводилось на базе филиала СГПИ в г. Буденновске с участием 24 воспитателей дошкольных учреждений г. Буденновска и буденновского района. Половина испытуемых продолжила обучение на заочном отделении в институте (бакалавриал), поскольку одним из условий

продолжения педагогической работы в ДОУ становится получение высшего образования. Вторая половина испытуемых – воспитатели, работающие в тех же дошкольных учреждениях, но пока не желающие повышать квалификацию, так как довольны имеющейся профессиональной подготовкой.

Каждый субъект есть носитель только ему присущей идентичности, или, по словам Е. Т. Соколовой и др., идентичностей. Установки по отношению к ним управляют деятельностью личности в тех сферах социальной жизни, в которых индивид с необходимостью участвует. Хотя в данном исследовании групповые различия идентичности не были выявлены, группа для изучения была задана изначально, поскольку испытуемых проверяли по степени принадлежности к этой группе; ведь для любого человека важным становится принятие его тем сообществом, членом которого он желает быть.

Результаты исследования выявили привлекательность личностных ($U=000,0$, $p=0,001$) и общих, малоизменяемых ($U=21,0$, $p=0,05$) категорий идентичности и особенностей отдельных аспектов отношения к образу «Я» педагогов в зависимости от их культурной принадлежности, так и межкультурные различия. Это помогает в разработке рекомендаций по профилактике межгрупповых конфликтов, возникающих вследствие непонимания педагогами различных аспектов идентичности и моральных особенностей своих коллег, культурные особенности которых отличаются, в условиях информационного пространства высшего образования.

В результате исследования с помощью модифицированной методики М. Кун [3] выявлено, что вместе с повышением значимости общих, неизменяемых категорий идентичности (женщина, дочь, брат, внучка и т.д.) для всей группы педагогов и для развития каждого из них отдельно, важны их личностные категории (умная, добрая, позитивная, активная, любознательная и т.д.), причем испытуемые редко указывают в исследовании негативные черты личности. Положительные же стороны своего характера испытуемые указывали чаще, так как они способствовали продолжению их обучения, повышению квалификации, постижению научных знаний согласно современной концепции непрерывного обучения человека. Усиление значения общих категорий идентичности для испытуемых каждой группы педагогов помогает в осознании значимости базисных основ существования человека, обеспечивая возможность развития его профессиональной идентичности.

Изучение социальных критериев группы педагогов согласуется с данными, полученными в выдвинутой теории самокатегоризации Дж. Тернера. Проведенные исследования позволили учёному сделать вывод о различиях между индивидуальной и групповой идентичностью; группа, как он писал, представляет собой совокупного субъекта, обладающего качествами, свойственными именно ей [5, 9].

Такие исследования практически значимы, поскольку субъекты педагогической деятельности транслируют подрастающему поколению культурные ценности, мировоззренческие позиции и установки. Сложность работы педагога как проводника общекультурных позиций состоит именно в передаче обучающимся высоких ценностей культуры, искусства, причём педагогу это делать необходимо объективно, в соответствии с требованиями педагогической профессии, стараясь быть максимально независимым от собственного субъективного отношения к передаваемой информации.

Однако, являясь приверженцем тех или иных мировоззренческих взглядов, довольно трудно, а порой даже невозможно передавать общие принципы и не высказывать субъективно своё отношение к происходящему. Вот почему становится необходимым понимать представления педагогов и их роль в многообразии представлений субъектов других культур, религий, конфессий, с которыми он имеет дело (обучает). Важным в этой схеме оказывается единство и непротиворечивость собственных позиций общемировым, общекультурным, необходимым для налаживания и поддержания диалога, прежде всего с представителями аутгруппы, так как в ингруппе стерты, нивелированы заметные различия в установлении и поддержании коммуникаций. Вероятность обучения через субъективные позиции развивающейся личности, а психика педагога, его представления, ценностные ориентации, мировоззренческие позиции не останутся неизменными на протяжении всей жизнедеятельности, несомненно, представляет интерес не только для развития научных знаний, но и разработки взаимоотношений, как в рамках ближайшего пространства образовательной организации, так и за ее пределами.

Получается двусторонний процесс, при котором группа удовлетворяет потребности субъектов в развитии их интересов и субъекты вместе с тем приходят в группу, находят группу, в большой степени удовлетворяющую или способную удовлетворить их запросы,

как им кажется со стороны, как описано в учебниках по социальной психологии [4].

Заклучение

Таким образом, понимание индивидуально-личностных особенностей своих коллег «по профессиональному цеху» является сложным процессом общения, восприятия взаимоотношений, взаимовлияний и взаимопонимания между людьми. Исследования различных категорий идентичности педагогов соответствуют одной из национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации об укреплении гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей [6], поскольку служат научной основой для профилактики межгрупповых, межконфессиональных разногласий в профессиональных группах, работающих в образовательных учреждениях на территории поликультурного пространства.

Психологическое сопровождение профессионального и личностного роста педагогов и информирование профессионального сообщества об общении в педагогической деятельности представляет практическую значимость для цивилизованных отношений между субъектами образовательных организаций.

Список литературы:

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 2001. 376 с.
2. Крысько В.Г. Социальная психология: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2007. 432 с.
3. Кун М., Макпартленд Т. Кто Я? Применение теста «20-ти высказываний» // Психология самосознания: хрестоматия. Самара, 2003. URL: <http://www.gurutestov.ru/test/18>
4. Столяренко А. М. Социальная психология: учебное пособие для вузов /под ред. проф. А. М. Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 543 с.
5. Сушков И.Р. Социально-психологическая теория Джона Тернера // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 3. С. 115-125.
6. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (дата обращения: 10.02.2019).
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / под общ. ред. А. В. Толстых. - М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.
8. Brever M. B. The Social Self: On being the same of different // Personality and Social Psychology Bulletin, 1991. Vol. 17, № 5. - P. 475-487.
9. Turner J., Giles H. The experimental social psychology of intergroup behavior. Intergroup Behavior. Oxford, 1981. pp. 66-101.

ЛИЧНОСТНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Кондратьева М.В.

магистрант факультета психологии,

Орлова М.М.

доцент кафедры консультативной психологии

ФГБОУ ВО СГУ им. Н.Г. Чернышевского,

кандидат психологических наук

Аннотация. В статье представлены результаты проведенного регрессионного анализа на показатель социальной компетентности и поддержки у студентов вуза. Полученные результаты показывают то, что выявленные показатели помогают человеку в трудной жизненной ситуации обращаться за помощью, взаимодействовать с окружающими людьми, находить поддержку.

Ключевые слова: социальная поддержка, социальная компетентность, личность, регрессионный анализ.

PERSONAL PSYCHOLOGICAL PREDICTORS OF STUDENTS ' SOCIAL COMPETENCE

Kondratieva M. V.

graduate student of the faculty of psychology,

Orlova M. M.

associate Professor of Advisory psychology

Of the SSU. N. G. Chernyshevsky,

PhD in psychology

Annotation. The article presents the results of the regression analysis on the indicator of social competence and support among university students. The results show that the identified indicators help a person in a difficult life situation to seek help, interact with others and find support.

Key words: social support, social competence, personality, regression analysis.

Социальная поддержка является интрасубъективным ресурсом. Одно из первых определений было выдвинуто Cobb. Он определил социальную поддержку как «субъективное убеждение человека, что о нем заботятся, любят, уважают и ценят, что он принадлежит к некоторой социальной сети, в которой есть взаимные обязательства» [1, с.301].

Многие используют работу Cobb's о социальной поддержке как точку отсчета для новых исследований и теорий, связанных с социальной поддержкой и социальными сетями (Н.И. McCubbin & McCubbin, 1992). Cobb выделил четыре вида поддержки:

1) Социальная поддержка. Этот вид поддержки включает обмен заботой и информацией и содержит три компонента:

- эмоциональная поддержка;
- поддержка самооценки и уважение;
- поддержка окружения (социальной сети).

2) Инструментальная поддержка. Этот вид поддержки, также обозначенной, как «рекомендации», помогает людям в адаптации посредством совета или руководства, чтобы эффективно взаимодействовать с окружающим миром, быть самостоятельным.

3) Активная (действенная) поддержка. Активная поддержка или «родительская забота» – более интенсивная поддержка, которая при чрезмерной выраженности приводит к зависимости.

4) Материальная поддержка. Материальная поддержка включает предоставление товаров и услуг, которые помогают человеку в достижении его целей [1, с. 300–314].

В своих работах Cobb утверждает, что из всех четырех видов поддержки, социальная – является самой важной.

Целью нашей работы является исследование личностных предикторов социальной поддержки студентов вуза.

Задачей, которую мы ставим перед собой для достижения поставленной цели, является выявление предикторов социальной поддержки из показателей смысложизненных ориентаций, социально-психологических установок, адаптивных стратегий поведения, уровня субъективного контроля, удовлетворенности жизнью и эмоционального интеллекта.

В качестве объекта выступали личностные особенности студентов.

В качестве предмета в нашем исследовании выступали социальная поддержка и социальная компетентность в системе личностных особенностей студентов.

Методики исследования:

1. «Жизнеспособность личности» А.А. Нестерова (социальная компетентность и социальная поддержка) [2]
2. «Смысложизненные ориентации» (адаптированный Д.А. Леонтьевым)
3. «Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» (О.Ф. Потемкина)
4. Опросник «Адаптивные стратегии поведения» (АСП) (Н.Н. Мельникова) [3]
5. Опросник УСК (уровень субъективного контроля) Джулиана Роттера

6. Опросник «Удовлетворенность жизнью» (УДЖ) (Н.Н. Мельникова)
7. Эмоциональный интеллект Манойлова.

В исследовании приняли участие 51 студент факультета психологии СГУ. Для достижения поставленной цели был проведен регрессионный анализ в программе IBM SPSS Statistics 22.0.

Для обнаружения предикторов социальной компетентности и социальной поддержки мы провели регрессионный анализ.

Диаграмма 1. Регрессионный анализ на социальную компетентность и социальную поддержку.

Результат проведенного регрессионного анализа можно видеть на диаграмме 1.

Уравнение регрессии: социальная поддержка и социальная компетентность = $24,031 + 0,827 * \text{Процесс жизни} - 0,619 * \text{Приспособление} - 0,751 * \text{Интернальность в области достижений} + 0,353 * \text{Интернальность в области межличностных отношений} + 2,087 * \text{Жизненная включенность} + 0,792 * \text{Осознание своих чувств и эмоций}$.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что восприятие своей жизни как интересной, низкая выраженность стратегии пассивного подчинения условиям среды, внешний локус контроля в области достижений, внутренний локус контроля в области межличностных отношений, ощущение насыщенности и полноты жизни, развитое эмоциональное самосознание, способность жить «в унисон» со своими внутренними эмоциями, хорошее понимание роли чувств в работе и в общении все это определяет высокий уровень

социальных знаний, коммуникативных умений и мотивационно-регулятивных качеств личности, помогают человеку в трудной жизненной ситуации обращаться за помощью, взаимодействовать с окружающими людьми, находить поддержку.

Таким образом, можно говорить о том, что общий уровень осознанности своей жизни, своих эмоций, ощущение полноты и интереса жизни, неподчинение внешним условиям все это способствует развитию коммуникативных навыков в условиях необходимости социальной поддержки.

Список литературы:

1. Cobb, S. Social support as a moderator of life stress. *Psychosomatic Medicine* 1976, 38 300–314.
2. Нестерова, А.А. Социально-психологическая концепция жизнеспособности молодежи в ситуации потери работы: дис. ... д. псих. наук: 19.00.05: - Российский государственный социальный университет, 2011. - 526 с.
3. Мельникова Н.Н. Диагностика социально-психологической адаптации личности: Учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – 57 с.

СУБЪЕКТНОСТЬ ИНТЕРОЦЕПЦИИ

Константинова Е.Н.¹, Пантелеев А.Ф.²

¹Студентка 1-го курса магистратуры факультета психологии СГУ

²Кандидат психологических наук, доцент, СГУ

¹elenakonstantinova97sgu@mail.ru

²afp45@mail.ru

Аннотация. Категория субъектности рассматривается отечественными авторами, преимущественно придерживающихся социально-психологической ориентации в развитии теоретических представлений о данном явлении. При попытках определить содержание субъектности прослеживается выделение общих, в том числе и когнитивных структурных компонентов. Актуальным остаётся вопрос о поле субъектности, её границах. Перспективным в этом плане направлением может послужить изучение интероцепции как предполагаемой когнитивной границы субъектности.

Ключевые слова: субъектность, границы субъектности, интероцепция, саморегуляция, Теории Разума (Theory of Mind).

SUBJECTIVITY OF INTEROCEPTION

Konstantinova E.N.¹, Panteleev A.F.²

¹1-st year master's student of psychology of SSU

²Candidate of psychological Sciences, associate Professor, SSU

¹elenakonstantinova97sgu@mail.ru

Abstract. The category of subjectivity is considered by domestic authors. Many of them subscribe to social-psychological orientation in the development of theoretical model about this phenomenon. In determining the content of subjectivity, the allocation of common, including cognitive structural components is traced. At the moment there is question of present interest about the limits of subjectivity. A promising direction in this regard may be the study of interoception as the supposed cognitive limit of subjectivity.

Keywords: subjectivity, limits of subjectivity, interoception, self-adjustment, Theory of Mind.

Субъектность рассматривается в работах ряда отечественных авторов (С.Л. Рубинштейном, А.В. Петровским, В.А. Петровским, А.Н. Леонтьевым, К.А. Абульхановой, Л.И. Анциферовой, А.К. Осницким, Р.В. Овчаровой, А.Г. Асмоловым, Д.А. Леонтьевым и др.). При этом существуют разные точки зрения к определению понятия субъектности. Проведенный Н.С. Трофимовой теоретический анализ данной проблемы, позволил приблизиться к пониманию субъектности в качестве целостной характеристики человека, определяющей его способность быть активным и самостоятельным, уметь ставить цели, осознавать мотивы, прогнозировать, анализировать и корректировать свою деятельность [1].

В англоязычной литературе наиболее близким по значению к русскоязычному понятию «субъектность» является термин «agency», который подразумевает под собой идентификацию себя как субъекта действия. По Д.А. Леонтьеву, в этом случае речь идёт о способности индивида выступать «агентом» (субъектом), то есть активно действующим субъектом, движущей силой действия [2].

Посредством категории субъектности во многом раскрывается социальная сущность индивида. Анализ работ по изучению понятия и структуры субъектности, проведенный А.А. Каленовым, даёт возможность выделить перечень наиболее часто рассматриваемых авторами различных подходов структурных компонентов субъектности. В частности, среди таких компонентов отмечаются: активность, способность к целеполаганию, а также к саморегуляции деятельности и поведения, рефлексивность, ответственность, осознание себя в качестве субъекта и уникальной личности и признание того же в других людях [3].

Но если проблема определения самой категории субъектности и её содержания в исследовательских работах описана достаточно

подробно, то вопрос о границах рассматриваемого явления остаётся в настоящее время открытым. В данный момент можно говорить о размытости границ категории субъектности.

Т.В. Белых, определяя субъектность как интегральное системное качество целостной структуры индивидуальности, приходит к выводу о том, что динамика субъектных свойств может проявляться в структуре всей иерархической организации субъекта: на уровне субъекта жизнедеятельности, на уровне субъекта деятельности, на уровне субъекта самопознания, на уровне субъекта самореализации и, наконец, на уровне субъекта саморазвития [4].

Мы предполагаем, субъектность не ограничена уровнем восприятия, как это традиционно принято считать. Субъектность необходимо исследовать и на более глубоких уровнях, в частности, на уровне интероцепции, которая обладает и свойством психологической реальности и слабо контролируется. Судя по предварительно проведенным исследованиям, самооценка интероцепции как конкретное проявление субъектности может выступать в качестве её границы. Это во многом согласуется с высказанным М.А. Шукиной положением: «Субъектность личности — это способность, обеспечивающая человеку возможность осуществлять самоуправление в социальном контексте своего бытия» [5].

Интероцепция представляет собой распознавание сигналов, исходящих из внутренней среды организма. В зарубежной литературе встречается также термин «висцеральная перцепция» — «visceroception» [6].

Существенное значение интероцепции для нормальной жизнедеятельности, а также важность осознания человеком своего внутреннего состояния тела признавалось И.М. Сеченовым [7]. При более поздних исследованиях стали приводиться аргументы в пользу того, что интероцепция является фундаментальным компонентом Теории Разума (Theory of Mind) [8].

В настоящее время проводятся исследования, показывающие роль интероцепции в способности личности оценивать эмоциональные состояния окружающих, что предполагает адекватное интерпретирование ситуации с более подходящим способом реагирования на неё [9].

Кроме того, было показано, что различие между объективной и субъективной оценкой такого интероцептивного параметра как частоты сердечных сокращений определяет характер решения профессиональной задачи. Так, при помощи методики А.Ф.

Пантелеева «Идеальный клиент», отражающей ситуацию экономического взаимодействия, было выявлено, что чем менее значимо различие между рассматриваемыми оценками, тем в большей мере решение сопровождается углублением в сущность решаемой проблемы, а склонность испытуемых ориентироваться на признаки, не имеющие отношения к задаче, снижается [10].

В качестве примера, иллюстрирующего субъектность интероцепции, может служить ситуация болезни, когда человеком наиболее ясно воспринимается его внутреннее состояние тела, что связано с патологическими процессами, проявляющимися в первую очередь на уровне интероцепции. Интероцептивное ощущение частоты сердечных сокращений становится воспринимаемой реальностью и служит для оценки ситуации болезни, а также инициирует определенные действия. Методологические трудности разграничения интероцепции и перцепции в данном случае лишь подчеркивают значимость поставленной проблемы о поле субъектности.

Рассмотрение проблемы границ субъектности в дальнейшем может способствовать разработке техник, направленных на развитие способности к саморегуляции.

Список литературы:

1. Трофимова Н. С. Развитие субъектности личности как фактор социально-психологической адаптации студентов колледжа к новым условиям обучения: диссертация... канд. психол. наук: 19.00.07. Курган, 2015. 202 с.
2. Леонтьев, Д. А. Что даёт психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности [текст] / Д. А. Леонтьев // Эпистемология & философия науки. – 2010. – Т. XXV. – № 3. – С. 136-160.
3. Каленов А. А. К вопросу понимания субъектности и ее структуры в научных исследованиях // Образование и воспитание. 2017. №1. – С. 3-7.
4. Белых Т. В. Психологические закономерности динамики субъектных свойств в структуре индивидуальности: автореф. дисс. д-ра психол. наук: 19.00.01. Ставрополь: СГУ, 2004. — 44 с.
5. Щукина М. А. Особенности развития субъектности личности в подростковом возрасте: автореф. дисс. канд. психол. наук: 19.00.13. Тюмень: ТГУ, 2004. — 25 с.
6. Barrett L.F., Quigley K.S., Bliss-Moreau E., Aronson K.R. Interoceptive Sensitivity and Self-Reports of Emotional Experience // Journal of Personality and Social Psychology. 2004. Vol. 87. №5. P. 684-697.
7. Ананьев Б. Г. Теория ощущений / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. С. 403–446.
8. Ondobaka S., Kilner J., Friston K. The role of interoceptive inference in theory of mind // Brain and Cognition. 2017. Vol. 112. P. 64-68

9. Shah P., et al. From heart to mind: Linking interoception, emotion, and theory of mind // *Cortex*. 2017. Vol. 93. P. 220–223.
10. Константинова Е. Н. Роль interoцепции в экономическом взаимодействии / Когнитивные исследования на современном этапе [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской конференции с международным участием по когнитивной науке (Архангельск, 19–22 ноября 2018 г.). – Электронные текстовые данные. Архангельск: САФУ, 2018. – С.166-168.

НАСТАВНИЧЕСТВО В СКАЗКАХ КАК АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Крикун С. Д.

Аспирантка 1 года обучения факультета психологии СГУ
им. Н.Г.Чернышевского.
sophiekrkun@gmail.com.

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования феномена наставничества в сказках русского народного творчества. Автор рассматривает примеры наставления в сказках как архетипически заложенный формат взаимодействия в диаде «наставник-подопечный». Подробно исследуются инструменты наставничества, влияющие на формирование такого формата поведения у наставляемого, которое приводит его к результату.

Ключевые слова: наставничество, метафора.

MENTORING IN FAIRYTALES AS AN ARCHETYPICAL TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF INDIVIDUALITY

Krikun S.D.

postgraduate student of the Faculty of Psychology of SSU named after
N.G. Chernyshevsky.
sophiekrkun@gmail.com.

Annotation. This article presents a study of the phenomenon of mentoring in the fairytales of Russian folk art. The authors describe examples of instruction in fairytales as an archetypally embedded format of interaction in the mentor-mentee dyad. Mentoring tools influence on the formation of such a format of mentee's behavior, which leads him to the result.

Key words: mentoring, metaphor.

В настоящее время наставничество широко развито в разных сферах жизнедеятельности человека. Многие компании избирают путь внедрения системы наставничества с целью сокращения издержек в процессе адаптации молодых сотрудников. В то же время в научных исследованиях феномена наставничества отсутствует доказательство

эффективности внедрения данной системы в организации. В данной статье мы рассматриваем сказку как инструмент наставничества (обучения), имеющий архетипическую специфичность. Исследование архетипических моделей наставничества в культуре понимается как возможность получения недостающей информации о феномене наставничества и возможном его влиянии на индивидуальность человека.

Объект исследования: наставничество в сказках как социально-психологический феномен.

Предмет: влияние наставничества в сказках на развитие индивидуальности героя.

Гипотеза: формат наставничества в сказках влияет на развитие индивидуальности героя, а именно его поведения, влияющего на достижение результата.

В научной литературе наставничество определяется как процесс передачи знаний более взрослым, опытным и мудрым наставником, а также включает в себя оказание содействия покровителя (ментора) подопечному [1]. В концепции М. Фуко наставник в качестве инструмента применяет 3 типа наставления [2]:

Наставление примером - в данном случае происходит наставление на основе примера из жизни какого-либо человека, его достижений.

Наставление знаниями - наставление через передачу собственных знаний, моделей поведения, жизненных принципов.

Наставление в трудности - наставление заключается в мастерстве выхода из трудной ситуации, т.е. чтобы овладеть чем-либо (например, ремеслом), наставляемому необходимо разрешить несколько трудных ситуаций.

Еще одним инструментом работы наставника служат метафоры. Он использует их в своих историях для передачи знаний наставляемому. В практике НЛП такие метафоры делят на: разрешающие (вдохновляющие, мотивирующие «на подвиги»), запрещающие («легенды» о поражениях, неудачах героев) и программирующие (истории, связанные с набором конкретных действий, которые приводят к успеху).

Для подробного изучения феноменологии наставничества и его инструментов в качестве контекстного материала мы выбрали сказки русского народа. В качестве наставников мы определяли персонажей, помогающих другим персонажам (как правило, главному герою) с самоопределением, в выборе собственного пути и в стремлении достичь поставленной цели.

Нами было проанализировано более 20 сказок русского фольклора. На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что русский фольклор включает в себе большой материал для анализа поведения личности в процессе достижения целей. Это известные нам образы Ивана-Царевича, Ивана – Дурака, богатырей, сражающихся с врагом, и других персонажей, задачей которых является достижение какой-либо цели. Наставника, учителя главного героя, можно нередко встретить в русских народных сказках. Баба-Яга, Конек-Горбунок, Серый Волк – эти образы близки к современному пониманию наставника. Всех перечисленных героев объединяет одна задача – помочь главному герою в достижении цели. При детальном рассмотрении ситуаций взаимодействия в диаде «наставник-подопечный» в русских народных сказках можно обнаружить следующие особенности формата взаимодействия с точки зрения процесса и результата:

1) в большинстве случаев в качестве формата наставления наставник выбирает путь «наставление знаниями» и «наставление примером». То есть, наставник говорит герою, что конкретно последнему необходимо сделать. Такой наставник не пытается навести героя на собственные ответы, не «наставляет его на путь», а дает готовые решения проблем. Такое взаимодействие, в большинстве рассмотренных нами случаев («Конек-горбунок», «Иван-Царевич и Серый волк» и др.) приводит к формированию несамостоятельности главного героя, отсутствию научения, каким образом поступать в новых ситуациях и чем руководствоваться в решении новых проблем. Оно не формирует новые навыки и не дает новые знания главному герою, что противоречит одной из главных задач наставничества – научить наставляемого достижению поставленных целей.

2) Наставники в сказках чаще всего используют программирующие метафоры. Как результат, мы видим, что герою приходится несколько раз обращаться к наставнику, когда перед ним появляются новые ситуации трудности. Герой не формирует собственной системы ценностей, помогающей ему самостоятельно принимать решения для формирования новых форм поведения, эффективных в новых ситуациях. Неудачи наставления мы также можем наблюдать в результатах жизненного пути героев: нередко они не достигают успеха, а приходят к гибели, после чего наставнику приходится возрождать персонажей. Например, использование запрещающих метафор провоцирует поведение героев, которые

оказываются фактически в ситуации гибели (братец Иванушка стал козленочком, Ивана-Царевича зарезали собственные братья и т.д.).

Что касается русских народных сказок, в которых отсутствует наставник, герой достигает целей за счет преодоления препятствий, часто сам создает проблемную ситуацию и учится на собственных ошибках. Можно сделать вывод, что такой подход к становлению личности близок нам архетипически. Например, в сказках, героями которых выступают животные, очень редко можно встретить персонажа, выполняющего роль наставника.

На первый взгляд после анализа русских народных сказок может показаться, что архетип «наставник» не заложен нашей культурой корректно, а, следовательно, данная система взаимодействия не будет являться эффективной в отечественных организациях. Но противопоставлением образу наставника в русских сказках является образ наставника в русских былинах.

Наставничество обнаруживает себя в сказаниях об Алеше Поповиче, Добрыне Никитиче и Илье Муромце. Мы обнаружили, что у Алеши Поповича был наставник – учитель Яким Иванович; у Ильи Муромца – древнерусских богатырь Святогор; Добрыня Никитич в свою очередь сам был наставником для князя Владимира Красное Солнышко, согласно одному из направлений легенд. Интересно, что в источниках достоверно указано само наличие наставника у каждого из богатырей, при этом совершенно не раскрывается формат взаимодействия в процессе наставничества. Можно сделать вывод о том, что нашей культуре известен сам факт наставничества и его влияния на становление героя. При этом в нашем понимании архетипически отсутствуют эффективные инструменты и формат наставления, которые использует наставник, помогая своему подопечному.

Подводя итоги данному анализу, можно сделать следующие выводы. Образ наставника архетипически известен в русском фольклоре. Русские сказки демонстрируют процесс наставничества таковым, каким оно не должно быть, во многих случаях принося негативные последствия. Воспроизводя образ наставника из русских сказок, мы получаем и соответствующего героя-подопечного, не способного на самостоятельные поступки. В свою очередь былины о богатырях демонстрируют наиболее важную роль наставника в процессе становления героя. Наша культура не сохранила инструменты, которые использовали наставники в былинах, но подсознательно мы стремимся воссоздать данный формат взаимодействия.

Эта проблема может находить свое отражение и в организациях. Компании, стремясь сформировать внутриорганизационный институт наставничества, воссоздают архетипические неэффективные модели. Это дискредитирует феномен наставничества как невыгодную инновацию в организациях. На данном этапе нам необходимо создать такую модель наставничества, которая будет адаптировать подопечных к компании. Перед нами стоит задача поиска инструментов, которые помогут перейти от одинокой борьбы героя методом проб и ошибок (революционного подхода), к методичному становлению героя с помощью наставника (эволюционному подходу).

Список литературы:

1. Rogers C. 1967. On becoming a Person: A Therapist View of Psychotherapy. London: Constable.
2. Фуко, М. Герменевтика субъекта. Курс лекций в Коллеж де Франс, 1982: Выдержки [Текст] / М. Фуко ; пер. с фр. И.И. Звонаревой // Социо-Логос. – М. : Прогресс. - 1991. – С. 315.
3. Миллс Дж., Кроули Р. Терапевтические метафоры для детей и "внутреннего ребенка"/ Пер. с англ. Т.К. Кругловой. — М.: Независимая фирма "Класс". - 2000. — С. 144.
4. Мифы народов мира. М., 1991-92. В 2 т. Т.2. - С.593.
5. Губанова Г. Н. Золотая книга сказок. / Тула: Родничок. – 2001. - С. 241.

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАННИХ ДЕЗАДАПТИВНЫХ СХЕМ, ТИПА И СТРАТЕГИИ САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Лебедева В. Е., Белых Т.В.

студентка II курса факультета психологии СГУ имени Н. Г.

Чернышевского

lebedeva.valeriya99@mail.ru

Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой

консультативной психологии, СГУ им. Н.Г. Чернышевского;

tvbelih@mail.ru;

Аннотация. В статье рассматривается самоповреждающее поведение личности как следствие формирования ранних дезадаптивных схем (РДС) в детском или подростковом возрасте. Цель исследования заключается в установлении взаимосвязи между РДС и самоповреждающим поведением, как неадаптивным способом отреагирования на ситуации, схожие с психотравмирующим событием, повлекшим за собой развитие ранней дезадаптивной схемы.

Ключевые слова: схематерапия, травма, ранние дезадаптивные схемы, самоповреждающее поведение.

THE CORRELATION OF EARLY MALADAPTIVE SCHEMES, TYPE AND STRATEGY OF SELF-INJURIOUS BEHAVIOR

Lebedeva V. E., Belykh T.V.

II year student of the faculty of psychology of SSU

lebedeva.valeriya99@mail.ru

The article investigates the self-injurious behavior of a person as a consequence of the formation of early maladaptive schemes in childhood or adolescence. The aim of the study is to establish the relationship between early maladaptive schemes and self-injurious behavior as a maladaptive way of responding to situations similar to the traumatic event that led to the development of an early maladaptive scheme.

Key words: schema therapy, injury, early maladaptive schemes, self-injurious behavior.

Актуальность. Данное исследование посвящено проблеме взаимосвязи ранних дезадаптивных схем (РДС), типа и стратегии самоповреждающего поведения (СП). Актуальность обозначенной проблемы обусловлена распространенностью самоповреждающего поведения среди клинической и неклинической популяции, резко возрастающей в кризисные возрастные периоды (в частности, в подростковый период), в том числе, под воздействием неблагоприятных факторов среды и в связи с особенностями индивидуально-психологических характеристик личности. Изучение самоповреждающего поведения сопряжено с трудностями диагностики в силу неопределенности психологических механизмов и факторов его формирования, донологическим характером большинства актов самоповреждения, внешним социальным благополучием людей с СП и т. д. В связи с этим данный феномен, несмотря на свою распространенность, остается малоизученным в отечественной психологии.

Особенность данного исследования состоит в том, что в нем предпринимается попытка установить корреляции между самоповреждающим поведением респондентов и наличием у них ранних дезадаптивных схем, провоцирующих данный тип поведения как неадаптивный способ отреагирования на ситуации, схожие с психотравмирующим событием, в результате которого сформировалась ранняя дезадаптивная схема.

Объект исследования: ранние дезадаптивные схемы и самоповреждающее поведение в структуре личности.

Предмет исследования: взаимосвязь вида ранних дезадаптивных схем, типа и стратегии самоповреждающего поведения.

Цель исследования: проверить наличие взаимосвязи ранних дезадаптивных схем, типа и стратегии самоповреждающего поведения.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между такими ранними дезадаптивными схемами, как «Покинутость / Нестабильность», «Подавленность эмоций», «Жесткие стандарты / Придирчивость», «Пунитивность», определенным типом и стратегией самоповреждающего поведения.

Методы исследования: общенаучные: теоретический анализ литературы и интернет-источников, сравнение; специальные: авторизованный и адаптированный вариант опросника YSQ Джеффри Янга (П. М. Касьяник, Е. В. Романова «Диагностика ранних дезадаптивных схем», 2013); Н. А. Польская «Шкала причин самоповреждающего поведения», 2014; корреляционный анализ (коэффициент Пирсона) в программе IBM SPSS Statistics for Windows, версия 14.0.2.

Под термином «самоповреждающее поведение», в большинстве случаев, имеются в виду «несуицидальные самоповреждения, обладающие следующими признаками: преднамеренность, повторяемость, целенаправленность, социальная неприемлемость, отсутствие суицидального намерения, чувство напряжения или тревоги, предшествующие акту самоповреждения, чувство облегчения или беспокойства после акта самоповреждения» (Patison, Kahan, 1983, Favazza, 1996). Самоповреждающее поведение характеризуется широким спектром действий, связанных с намеренным причинением физических повреждений собственному телу, в частности, это могут быть: «порезы на коже, удары по телу, ожоги раскаленными предметами, прикусывание губ и языка, уколы иглой или другими острыми предметами, расчесывание кожи и т. д.» [5, с. 18].

Самоповреждающее поведение относится к доклиническим феноменам, свидетельствующих о психологическом неблагополучии личности (Hoff, Muehlenkamp, 2009), однако оно также может являться фактором риска суицидального поведения и/или одним из симптомов психических расстройств, например, ПРЛ, ОКР, пищевых расстройств и т. д. (Тарабрина, 2009). СП особенно распространено в подростковой и молодежной среде, преимущественно среди лиц женского пола. Наибольшая частота самоповреждений наблюдается у женщин в возрасте 15–19 лет, у мужчин в возрасте 20–24 лет (Corcoran, Griffin, O'Carroll et al., 2015).

Однозначного ответа на вопрос о причинах возникновения самоповреждающего поведения в настоящий момент не существует. По мнению Н. А. Польской, самоповреждение объясняется комплексом социально-психологических причин, среди которых особенности самооотношения людей с СП, психологическая травматизация в раннем детстве или в подростковом возрасте, особенности копинг-реагирования на стрессовые ситуации и т. д. (Польская, 2010). Согласно точке зрения А. В. Лукашука и А. В. Меринова, самоповреждающее поведение объясняется невозможностью адекватно реагировать на стрессовые события в результате семейного воспитания и, с другой стороны, заложенной в детстве «сценарной аутоагрессией», проявляющейся в дальнейшей жизни ребенка [3, с. 68].

Одним из эффективных подходов в терапии самоповреждающего поведения как доклинического явления и СП в составе суицидального поведения и/или психических расстройств признается схематерапия, разработанная Дж. Янгом. Схема-терапия - интегративный вид психотерапии, который сочетает в себе теорию и техники существующих видов терапии, включая когнитивно-бихевиоральную терапию, психоаналитическую теорию объектных отношений, теорию привязанности и гештальт-терапию.

Ключевым понятием в теоретическом базисе схематерапии является понятие ранних дезадаптивных схем (РДС). Ранние дезадаптивные схемы определяются как «паттерны, состоящие из когнитивных процессов, эмоций, телесных ощущений и воспоминаний относительно себя и взаимоотношений с другими людьми. Сформировавшись в детстве, они продолжают свое существование на протяжении всей жизни и являются дисфункциональными в значительной степени» [2, с. 7].

Ранние дезадаптивные схемы формируются в раннем возрасте при наличии психотравмирующей ситуации, связанной с неудовлетворением базовых эмоциональных потребностей личности. В этом процессе можно выделить две группы факторов: внешние, к которым относятся условия среды и опыт межличностных отношений; внутренние, к которым относятся особенности темперамента, способ совладающего поведения и т. д. Несмотря на то, что РДС формируются на ранних этапах онтогенеза личности, они сопровождают человека на протяжении всей его жизни, находя подкрепление в событиях, схожих с изначальной психотравмирующей ситуацией, повлекшей за собой формирование схемы. Однако

поведение не входит в состав ранней дезадаптивной схемы, а является реакцией личности на ее проявление.

Дж. Янг выделил 18 ранних дезадаптивных схем, организованных в 5 категорий [2, с. 25]:

Категория «Разобщенность и отвержение» включает в себя следующие схемы: покинутость/нестабильность, недоверие / ожидание жестокого обращения, эмоциональная депривированность, дефективность / стыдливость, социальная отчужденность. В основе этой категории лежат нарушенные базовые потребности в безопасной привязанности, принятии и заботе;

Категория «Нарушение личностной автономии и непризнание достижений» включает в себя следующие схемы: зависимость / беспомощность, уязвимость, запутанность / неразвитая идентичность, неуспешность. В основе этой категории лежат нарушенные базовые потребности в автономии, компетентности и в чувстве самости;

Категория «Нарушенные границы» включает в себя следующие схемы: привилегированность / грандиозность, недостаточность самоконтроля. В основе этой категории лежат нарушенные базовые потребности в реалистичных границах и в самоконтроле;

Категория «Направленность на других» включает в себя следующие схемы: покорность, самопожертвование, поиск одобрения. В основе данной категории лежат нарушенные базовые потребности в свободном выражении потребностей и эмоций;

Категория «Сверхбдительность и подавление» включает в себя следующие схемы: негативность / пессимизм, подавленность эмоций, жесткие стандарты / придиричивость, пунитивность. В основе данной категории лежат нарушенные базовые потребности в спонтанности и способности к игре.

Таким образом, эмпирическое исследование взаимосвязи ранних дезадаптивных схем, типа и стратегии самоповреждающего поведения будет способствовать пониманию механизмов формирования данного вида поведения и позволит составить более адекватное представление о влиянии раннего психотравмирующего опыта на личность и ее способы отреагирования в различных жизненных ситуациях.

Результаты и выводы. В исследовании принимало участие 360 респондентов. Из них: 290 женщин, 22 мужчины и 48 лиц, идентифицирующих себя как представителей небинарной гендерной идентичности. Возраст респондентов варьировал от 13 до 45 лет,

наиболее распространенный возраст в выборке – 17 лет (65 человек), далее 18 лет (58 человек) и 16 лет (50 человек).

По опроснику YSQ Джеффри Янга наиболее распространенными значимо выраженными схемами являются: Негативизм / Пессимизм (183 человека, средний балл – 28,96), Покинутость / Нестабильность (181 человек, средний балл – 26,17), Неуспешность (174 человека, средний балл – 26,96), Поиск одобрения (173 человека, средний балл – 26,23), Недостаточность самоконтроля (165 человек, средний балл – 25,76), Жесткие стандарты / Придирчивость (163 человека, средний балл – 25,37), Недоверие / Ожидание жестокого обращения (163 человека, средний балл – 25,94).

Далее расположены следующие схемы: Пунитивность (156 человек, средний балл – 26,08), Уязвимость (154 человека, средний балл – 25,9), Социальная отчужденность (151 человек, средний балл – 26,46), Подавленность эмоций (149 человек, средний балл – 26,62), Зависимость / Беспомощность (126 человек, средний балл – 25,67), Покорность (115 человек, средний балл – 24,63), Эмоциональная депривированность (94 человека, средний балл – 25,29), Запутанность / Неразвитая идентичность (89 человек, средний балл – 23,98), Привилегированность / Грандиозность (82 человека, средний балл – 23,34), Самопожертвование (60 человек, средний балл – 24,17).

По «Шкале причин самоповреждающего поведения» Н. А. Польской получены следующие результаты: стратегию самоповреждающего поведения «Межличностный контроль» использует 30 человек, стратегию самоповреждающего поведения «Самоконтроль» использует 331 человек, два типа стратегий использует 1 человек; соматический способ осуществления самоповреждения использует 261 человек, инструментальный способ осуществления самоповреждения использует 111 человек, оба способа осуществления самоповреждения использует 12 человек. Частота самоповреждающего поведения распределилась следующим образом: более года назад (1 балл) – 17 человек, год назад (2 балла) – 13 человек, примерно полгода назад (3 балла) – 28 человек, в течение последнего месяца (4 балла) – 86 человек, в течение последней недели (5 баллов) – 211 человек, не ответили на данный вопрос – 5 человек.

Среди других действий, связанных с самоповреждением, помимо указанных в тексте опросника, испытуемые наиболее часто отмечали: «голодание» (12 человек); «депривация сна» (7 человек); «самоудушение» (5 человек); «нанесение царапин ногтями» (5 человек); «переохлаждение» (5 человек); «самоукусы» (5 человек).

Далее испытуемые выделяли: «курение» (4 человека); «щипание» (3 человека); «отказ от медицинской помощи / необходимых препаратов» (3 человека); «алкоголь» (3 человека); «обрывание / обкусывание кожи около ногтей» (3 человека); «наркотики» (2 человека); «расчесывание кожи» (2 человека); «вступление в половую связь / беспорядочная половая жизнь» (2 человека); «слишком горячий душ» (2 человека); «переедание» (2 человека); «вызывание рвоты» (1 человек); «булимия» (1 человек); «отравления» (1 человек); «отказ от воды» (1 человек); «попытка самоубийства» (1 человек); «небезопасное поведение» (1 человек); «депривация отдыха» (1 человек); «поджигание волос» (1 человек); «выдавливание мельчайших прыщиков и черных точек» (1 человек); «с силой дернуть вверх одежду (например, белье), чтобы она резко и больно врезалась в тело или порвать ее так, чтобы трение ткани о кожу причинило боль» (1 человек); «Спортивная злость. Отжимаюсь, раскачиваю диафрагму до состояния, не соответствующего нормам спортивного дозирования. И кричу в никуда так, что на следующий день не могу говорить» (1 человек); «Я твердо убеждена, что не достойна каких-либо благ, поэтому все, что мне нравится, я отвергаю. И еще я после стресса обмазываюсь чем-либо и сдираю это с кожи ногтями» (1 человек); «Слишком тугое завязывание шарфа, и употребление на постоянной основе того, что вызывает отторгающую реакцию организма» (1 человек); «Болезненное растягивания пальцев (музыкант)» (1 человек); «Изматывание спортом или учебой, терпение боли (головной, например), попытки вызвать рвоту» (1 человек); «Ковыряние десны, зубов» (1 человек); «Мысли о самоподжогах постоянно» (1 человек); «Впивание ногтями в кожу, щелчки резинкой по коже» (1 человек); «Парение вейпом до тошноты и головокружения» (1 человек); «Намеренно плохие условия существования» (1 человек).

При проведении корреляционного анализа по Пирсону был выявлен ряд статистически значимых связей между ранними дезадаптивными схемами (РДС), стратегиями и способами самоповреждающего поведения (СП). По всем РДС, стратегиям и способам СП были выявлены положительные корреляции на уровнях значимости $*p \leq 0,05$ и $**p \leq 0,01$: эмоциональная депривированность (Межличностный контроль: $r = 0,446^*$; Самоконтроль: $r = 0,217^*$; Соматический способ: $r = 0,320^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,236^*$); покинутость / нестабильность (Самоконтроль: $r = 0,331^{**}$; Соматический способ: $r = 0,481^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,309^{**}$); недоверие / ожидание жестокого обращения

(Межличностный контроль: $r = 0,402^*$; Самоконтроль: $r = 0,319^{**}$; Соматический способ: $r = 0,5^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,298^{**}$); социальная отчужденность (Самоконтроль: $r = 0,220^{**}$; Соматический способ: $r = 0,356^{**}$); дефективность / стыдливость (Самоконтроль: $r = 0,320^{**}$; Соматический способ: $r = 0,475^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,265^{**}$); неуспешность (Самоконтроль: $r = 0,226^{**}$; Соматический способ: $r = 0,385^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,302^{**}$); зависимость / беспомощность (Межличностный контроль: $r = 0,422^*$; Самоконтроль: $r = 0,293^{**}$; Соматический способ: $r = 0,508^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,342^{**}$); уязвимость (Межличностный контроль: $r = 0,457^*$; Самоконтроль: $r = 0,383^{**}$; Соматический способ: $r = 0,569^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,394^{**}$); запутанность / неразвитая идентичность (Межличностный контроль: $r = 0,376^*$; Самоконтроль: $r = 0,251^{**}$; Соматический способ: $r = 0,411^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,192^*$); покорность (Межличностный контроль: $r = 0,386^*$; Самоконтроль: $r = 0,325^{**}$; Соматический способ: $r = 0,501^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,234^*$); самопожертвование (Самоконтроль: $r = 0,291^{**}$; Соматический способ: $r = 0,382^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,204^*$); подавленность эмоций (Самоконтроль: $r = 0,257^{**}$; Соматический способ: $r = 0,322^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,314^{**}$); жесткие стандарты / придирчивость (Самоконтроль: $r = 0,237^{**}$; Соматический способ: $r = 0,339^{**}$); привилегированность / грандиозность (Самоконтроль: $r = 0,183^{**}$; Соматический способ: $r = 0,242^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,222^{**}$); недостаточность самоконтроля (Самоконтроль: $r = 0,270^{**}$; Соматический способ: $r = 0,337^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,295^{**}$); поиск одобрения (Самоконтроль: $r = 0,292^{**}$; Соматический способ: $r = 0,369^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,248^{**}$); негативизм / пессимизм (Межличностный контроль: $r = 0,412^*$; Самоконтроль: $r = 0,441^{**}$; Соматический способ: $r = 0,537^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,385^{**}$); пунитивность (Самоконтроль: $r = 0,367^{**}$; Соматический способ: $r = 0,487^{**}$; Инструментальный способ: $r = 0,321^{**}$).

Цель моей работы заключалась в проверке наличия взаимосвязи ранних дезадаптивных схем, типа и стратегии самоповреждающего поведения. Выдвинутая гипотеза подтвердилась частично, а именно: существуют положительные корреляции между всеми типами ранних дезадаптивных схем, стратегиями и способами самоповреждающего поведения (что особенно касается стратегии «Самоконтроль» и соматического способа осуществления самоповреждения). Таким образом, можно заключить, что ранние

дезадаптивные схемы, которые возникают у человека в результате психотравмирующей ситуации в раннем детстве или подростковом возрасте и преимущественно связаны со значимыми Другими, развиваются и подтверждаются в течение жизни. Они могут значительно влиять и обуславливать формирование самоповреждающего поведения, как способа обретения самоконтроля в ситуации, схожей с изначальной психотравмой, которая вызвала возникновение данной РДС.

Список литературы:

1. Андроникова О. О. Основные характеристики подростков с самоповреждающим виктимным поведением // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. №332. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-harakteristiki-podrostkov-s-samopovrezhdayuschim-viktimnym-povedeniem-1> (дата обращения: 06.10.2019);
2. Аритц А., Якоб Г. Практическое руководство по схема-терапии. Методы работы с дисфункциональными режимами при личностных расстройствах / пер. с англ. Е. Плотниковой; под научн. ред. А. В. Черникова. М.: Научный мир, 2016. 320 с.;
3. Лукашук А. В., Меринов А. В. Самоповреждения у подростков: подходы к терапии // Наука молодых – Eruditio Juvenium. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samopovrezhdeniya-u-podrostkov-podhody-k-terapii> (дата обращения: 06.10.2019);
4. Польская, Н. А. Структура и функции самоповреждающего поведения / Н. А. Польская // Психологический журнал. 2014 а. Т. 35. № 2. С. 45–56;
5. Польская Н. А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии [Текст]: докт. психол. наук: 19.00.04 / Польская Наталия Анатольевна; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. - Москва, 2017. - 423 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ И ПРИНЦИПЫ ОБМЕНА ИНФОРМАЦИЕЙ В САМООРГАНИЗУЮЩИХСЯ СИСТЕМАХ

Лобова Л. Г.

кандидат педагогических наук, профессор кафедры музыкального образования и народной художественной культуры, Воронежский государственный

педагогический университет

Lobova_L@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам обмена информацией в сложных самоорганизующихся системах и возможности использования теории информации в социокультурной сфере. Рассматриваются особенности обработки, генерации и передачи информации, её избыточность, принципы необходимого разнообразия,

несовместимости, дополнительности, иерархии информационных уровней.

Ключевые слова: теория информации, самоорганизация, принцип дополнительности, принцип необходимого разнообразия, лингвистический подход.

SOME ASPECTS AND PRINCIPLES OF INFORMATION EXCHANGE IN SELF-ORGANIZING SYSTEMS

Lobova L. G.

candidate of pedagogical Sciences, Professor of the Department of music education and folk art culture of Voronezh state pedagogical University

Lobova_L@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of information exchange in complex self-organizing systems and the possibility of using the theory of information in the social and cultural sphere. The features of processing, generation and transmission of information, its redundancy, the principles of the necessary diversity, incompatibility, complementarity, hierarchy of information levels are considered.

Keywords: information theory, self-organization, the principle of complementarity, the principle of requisite variety, the linguistic approach.

Информационная среда человека включает в себя также среду культурную, способствующую значительному усложнению информационных сетей. При изучении таких сложных систем, как человеческий мозг или общество, поиск принципов, которыми следует руководствоваться, приобретает особое значение, т. к. изменение одного фактора неизбежно оказывается причиной изменения иногда очень многих внутренне взаимосвязанных факторов. При исследовании процессов самоорганизации в динамических системах вопросы генерации информации и эволюции ее ценности становятся все более актуальными. Указывая на онтологический, физический характер теории информации, Б.Г. Кузнецов пишет, что за первые два десятилетия своего существования она «стала учением не только о логико-математических операциях, но и о реальных физических ситуациях, гарантирующих ту или иную возможность получения данных об объективных процессах» [1, с. 79]. Притом, что возникновение теории информации можно отнести к периоду 40-х годов XX века, первые попытки ее использования в социокультурной сфере появились уже в 50 – 60-х годах.

Одним из наиболее общих свойств информации является ее сохранение в исходном объекте при передаче другому объекту. Вспомним указание А. Моля на то, что существенное отличие

интеллектуальной продукции от других товаров заключается в сохранении этой продукции во владении ее создателя, и что «любое сообщение всегда носит характер копии, слепка, скорлупы, которая как бы отделяется от первоначальной идеи, оставляя ее нетронутой в руках автора» [2, с. 125]. Данное высказывание отражает «кибернетический» подход французского ученого к области социологии культуры.

Процесс передачи информации неизбежно сопровождается ошибками, искажающими сообщение в результате помех или так называемых шумов. У К.Э. Шеннона аналогичные проблемы рассматриваются в связи с термином «избыточность», которая определяется как $R = I_{\max} / I - 1$, где $I_{\max}$ – максимальное количество информации для принятого алфавита, I – количество информации в данном сообщении. Избыточностью характеризуется необходимое удлинение сообщения по сравнению с минимальной необходимой длиной, благодаря которому возрастает надежность передачи информации.

Так, например, естественные языки отличаются примерно одинаковой избыточностью (в наиболее распространенных европейских языках она достигает 50% и более), обеспечивающей защиту от помех в процессе передачи информации. Связано это с тем, что каналы передачи информации обычно содержат различные шумы (акустический шум, электромагнитные помехи, дефекты бумаги, повреждения от времени, ошибки передачи, недостаток понимания и т. д.), которые могут привести к исчезновению ценной информации. Малосодержательные, практически не несущие новой информации сообщения следует также отнести к «информационному шуму». Однако при правильном кодировании информация может быть передана по каналу с шумом при ничтожно малом проценте ошибок. Для повышения помехоустойчивости могут использоваться метод повышения отношения сигнал / помеха за счет мощности сигнала (при соответствующем коде теоретически вплоть до почти полного устранения шума) и метод накопления, основанный на многократном повторении сообщения. При этом важна скорость передачи информации, т. е. чем больше время передачи сообщения, тем меньше процент ошибок.

Вопросы передачи информации неразрывно связаны с понятием «разнообразие». У. Росс Эшби определяет его как число различных элементов, а также как логарифм этого числа по основанию 2 (в этом случае его единицей является бит). Ограничение разнообразия – это «отношение между двумя множествами, которое

возникает, когда разнообразие, существующее при одном условии, меньше, чем разнообразие, существующее при другом условии» [3, с. 181]. Интенсивность ограничения разнообразия может быть слабой или сильной и проявляется в том, насколько множество по какой бы то ни было причине оказывается меньше, чем оно могло бы быть. Наличие ограничения разнообразия имеет большое практическое значение, в частности, в кибернетике.

У. Росс Эшби указывает, что при наличии любого инварианта в некотором множестве явлений осуществляется не вся область разнообразия, и, следовательно, происходит его ограничение. А поскольку «любой закон природы подразумевает наличие некоторого инварианта, то *всякий закон природы есть ограничение разнообразия*» [3, с. 185]. Благодаря ограничению разнообразия мир не только избегает полного хаоса, но и отличается известной долей предсказуемости. Только в случае, если среда обнаруживает ограничение разнообразия, становятся возможными процессы обучения.

Процессы управления в живых организмах необходимым образом зависят от осуществления регулирования. Значительные движения и изменения могут прекрасно сосуществовать с определенными инвариантами, показывающими степень осуществляемого регулирования. Возможен также сложный комплекс из нескольких регулирований. Управление их взаимодействием отличается от управления каждым по отдельности. Чем больше разнообразия в регуляторе, тем меньше его поступает от внешних возмущений. Таким образом, как доказывает У. Росс Эшби, только разнообразие может уничтожить разнообразие.

Интересно, что чем больше разнообразие самой системы, тем более разнообразны внешние возмущения, которые в нее поступают. Если пропускная способность регулятора зафиксирована на каком-то пределе, то и количество регулирования соответственно ограничено. Применительно к человеческому обществу это означает, что каждому его представителю приходится в зависимости от способности получать информацию решать, какое количество управления он в состоянии осуществить. Когда регуляторные средства организма вынуждены противостоять очень большой и сложной окружающей среде, есть способы, которые могут сделать регулирование все же возможным. Это может быть увеличение размаха и мощности регулятора, повышение его пропускной способности. Можно также понизить уровень требований, переопределяя то, что считается допустимым. А можно ограничить поступающее разнообразие, тем самым создавая

ситуацию возможного регулирования. Согласно У. Росс Эшби, это единственный путь при фиксированной пропускной способности регулятора. Для регулирования очень больших систем ограничение разнообразия имеет огромное практическое значение.

Интересна теория У. Росс Эшби об усилении регулирования в биологических организмах. Поскольку набор генов как хранилище имеет ограниченную пропускную способность, выживание вида зависит от наиболее эффективного ее использования. Сначала набор генов непосредственно создает регулятор, действие которого приводит (возможно, через несколько порядков или уровней), в свою очередь, к построению другого регулятора, имеющего большую мощность, чем первый. «Таким образом, набор генов и окружающая среда вместе участвуют в формировании взрослого организма, и, следовательно, количество проектирования, идущего от набора генов, дополняется проектированием, идущим (в качестве разнообразия и информации) от окружающей среды» [3, с. 382]. Поэтому высшие животные, приспособляющиеся путем обучения, по мере наступления зрелости обнаруживают большую способность регулирования, чем та, что определена только набором генов. Чем более разнообразна система, тем большим числом возможных состояний или степеней свободы она обладает.

Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что информация не может передаваться в количестве большем, чем это позволяет количество всех звеньев системы передачи информации. Иными словами, в обменивающихся информацией системах должны быть согласованы источник информации, канал связи и приемник сообщения, т. е. они должны соответствовать друг другу по своей информационной производительности и пропускной способности. Сформулированный У. Росс Эшби *принцип необходимого разнообразия* является одним из центральных в вопросах обмена информации между системами. Очень наглядно он проявляется в сфере искусства, определяя возможности передачи информации от автора к потребителю, а также способы хранения и трансляции художественных произведений.

Отказ от увлечения точным количественным анализом послужил основой для так называемого лингвистического подхода к анализу ошеломляюще сложных, по выражению американского математика Л.А. Заде, гуманистических систем [4]. Сущность данного подхода заключается в том, что для реалистического моделирования поведения систем, в которых важная роль принадлежит суждениям, знаниям и эмоциям человека (таким, как экономические,

политические, правовые, образовательные системы, сам человек, его мыслительные процессы и т. д.), более созвучными являются приближенные способы рассуждений и принципы «нечеткой» логики. В связи с этим автором вводятся понятия «нечеткого» множества и лингвистической переменной, значения которой – не числа, а слова и предложения естественного или искусственного языка. Функция совместимости определяется, таким образом, не на множестве математически точно определенных объектов, а на множестве обозначенных определенными символами впечатлений, которые трудно точно формализовать.

Лингвистический подход не является целиком качественным, и в нем могут присутствовать вычисления. Однако они «совершаются «за кулисами», а затем уже используется *лингвистическое приближение* для преобразования чисел в слова... Особенно важной областью приобразования понятия лингвистической переменной является область *приближенных рассуждений*, т. е. рассуждений, которые не являются ни очень точными, ни очень неточными» [4, с. 16-17]. Отмечая, что многие, если не большинство человеческих рассуждений имеют не точный, а приближенный характер, автор указывает, что такие рассуждения сродни тем, которыми пользуются люди в не поддающихся количественному описанию или некорректно определенных ситуациях. С учетом важной роли неточности в мышлении и восприятии человека, Л.А. Заде формулирует *принцип несовместимости*, согласно которому высокая точности анализа несовместима с большой сложностью системы. Действием этого принципа можно объяснить недостаточную эффективность количественных методов во многих гуманитарных областях человеческого знания. На наш взгляд, особенно заметно действие этого принципа в искусстве и в проблемах подготовки представителей творческих профессий.

Смысл известного принципа неопределенности, сформулированного В. Гейзенбергом в 1926 году, заключается в невозможности измерить в одном эксперименте и положение, и импульс частицы, т. к. при измерении положения проходящей через диафрагму частицы меняется ее импульс, а при измерении импульса нет возможности точно зафиксировать ее положение. Таким образом, точность определения координаты частицы и точность определения соответствующей компоненты ее импульса обратно пропорциональны. После ежедневных бесед и споров с В. Гейзенбергом весной 1926 года в Копенгагене Н. Бор в 1927 году выдвинул принцип дополнительности, согласно которому для описания квантовых объектов требуются несводимые друг к другу языки описания (в

физике – корпускулярный и волновой), дополнительный характер которых позволяет получить всю поддающуюся определению информацию о данных объектах. Более общий, по сравнению с принципом неопределенности, принцип дополнительности Н. Бора может применяться не только в атомной и ядерной физике, но и вне ее. Например, идея соотношения неопределенностей очень актуальна и в экспериментальной психологии, в которой процесс измерения неизбежно взаимодействует с измеряемым объектом, а, следовательно, одинаковая точность одновременного определения двух или нескольких психофизических параметров оказывается зачастую невозможной. В расширенном виде принцип дополнительности был распространен и на другие сферы познания явлений действительности как самим Н. Бором, так и другими такими замечательными учеными, как М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, В.В. Налимов, В.А. Копцик и др. Отечественный специалист в области методологии и философии науки Б.Г. Кузнецов вообще считает, что данный принцип определяет современный идеал науки [1].

То, что различные виды искусства образуют последовательность способов выражения, предоставляющую больше свободы игре фантазии, может носить по отношению к науке обогащающий ее характер дополнительности. В соответствии с идеей о дополнительности между разными аспектами явлений и способами их описания появляется необходимость принимать во внимание условия, при которых получены те или иные опытные данные, и учитывать неизбежность взаимодействия между исследуемыми объектами и используемыми для этого измерительными приборами или субъектами исследования. Исходя из того, что измерение – это сравнение с некоторым эталоном, то в этом случае предполагается существование объекта, которому приписываются не меняющиеся в процессе измерения параметры. Измеряемый объект и измеряющий прибор при измерении неизбежно разграничиваются.

В психологии, по мнению Н. Бора, с действием данного принципа связаны трудность различения самих явлений и их сознательного восприятия (т. к. при анализе различных аспектов психической жизни граница между объектом и субъектом может проводиться в различных местах), а также изменение духовного содержания при сосредоточенности на какой-нибудь его определенной стороне. Отличающийся диалектичностью принцип дополнительности Н. Бора существует, в частности, и как принцип множественности языков описания. Можно сказать, что поиск новых языков и средств передачи информации при изучении физической и художественной

реальности осуществляется в полном соответствии с данным принципом.

Также существует иерархия информационных уровней: если первоначально обмен информацией между различными частями системы происходит случайно, то со временем между различного рода сигналами появляется конкуренция или кооперация, т. е. некоторое специфическое согласование активности отдельных частей системы или самоорганизация. В биологических системах такое коллективное поведение внутри системы или по отношению к внешнему миру выгодно для всей системы. Данный процесс сопровождается сжатием информации и ее проявлением на макроскопическом уровне: благодаря наличию управляющего параметра количество информации на макроуровне существенно меньше количества информации, необходимой для описания состояния всех элементов по отдельности на микроуровне. Поэтому выступающие в качестве носителей информации параметры порядка Г. Хакен [5] предлагает называть «информаторами», а часть информации, относящуюся к параметрам порядка и отражающую коллективные свойства системы, синергетической информацией.

Значимость состояния, в которое может перейти система, оценивается контекстом. Г. Хакен пишет: «Взаимодействие системы с окружающей средой вместе с генетической информацией, запечатленной в системе, приводит к образованию новой информации. В непрерывном апробировании новой информации, хранящейся в мозгу и создаваемой в нем окружающей средой, рождаются новые контексты, и возникает семантика нового рода» [5, с. 48-49]. Как указывает автор цитаты, семантическая информация является процессом, для которого свойственны высокая степень кооперативности внутри системы и повторное взаимодействие с внешним миром. Сознание, по его мнению, также следует считать процессом, для которого характерна непрерывная передача информации между различными частями мозга и ее многократная обработка. Очень интересен предложенный Г. Хакеном синергетический подход к проблеме распознавания образов, проверенный с помощью численного эксперимента.

Возникновение или саморождение смысла можно рассматривать как возникновение нового качества системы, отличающейся необычайной согласованностью работы ее подсистем. Самоорганизация играет главную роль в процессах обработки информации, о чем свидетельствует замечательная гибкость биологических систем и их способность приспосабливаться к

изменениям окружающей среды. При этом для обработки огромного количества накопленных человечеством знаний требуются общие унифицирующие идеи и принципы, применимые, в частности, и к обучению как важнейшему способу передачи информации от одного поколения к другому.

Список литературы:

1. Кузнецов Б.Г. Принцип дополнительности. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 96с.
2. Моль А. Социодинамика культуры / Предисл. Б. В. Бирюкова. Изд. 2-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2005. 416с.
3. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М.: КомКнига, 2005. 432 с.
4. Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М.: Мир, 1976. 167с.
5. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. М.: КомКнига, 2005. 248 с.

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В СИТУАЦИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ФИЗИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ

Орлова М.М.

доцент кафедры консультативной психологии
ФГБОУ ВО СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
кандидат психологических наук

Аннотация. В статье рассматриваются адаптационные стратегии личности в ситуациях экономической депривации, болезни и инвалидности. Делается вывод о влиянии экономической депривации на трудность ситуации болезни (ишемическая болезнь сердца). В ситуации болезни экономические трудности подчеркивают негативное самоотношение, а в ситуации инвалидности проблемным становится сохранение автономности личности. В результате предъявляются повышенные требования к жизнеспособности личности, ее внутренним и внешним возможностям.

Ключевые слова: индивидуальность, качество жизни, экономическая депривация, ситуация болезни, адаптация.

QUALITY OF LIFE ASSESSMENT AND ADAPTATION STRATEGIES IN SITUATIONS OF ECONOMIC, PHYSICAL AND SOCIAL DEPRIVATION

Orlova M. M.

associate Professor of Advisory psychology
Of the SSU. N. G. Chernyshevsky,
PhD in psychology

The article analyses adaptation strategies of a person in situations of economic deprivation, illness and disability. The conclusion is made about the influence of economic deprivation on the difficulty of the disease situation (ischemic heart disease). In a disease situation, economic difficulties emphasize the negative self-relation, and in a situation of disability, preserving personal autonomy becomes problematic. As a result, there are increased demands on the viability of the individual, its internal and external capabilities.

Key words: individuality, quality of life, economic deprivation, disease situation, adaptation.

Индивидуальность можно рассматривать как внутреннее условие, через которое, по словам С.Л. Рубинштейна, «преломляются все внешние воздействия» [1]. Уровень социально-психологических свойств индивидуальности отражает специфику личностного и социального статуса человека, понимаемых как совокупность особенностей, которые вытекают из его социальных ролей, принадлежности к конкретным социальным группам (друзья, семья, трудовой коллектив, профессиональное сообщество) и социально-историческим общностям или большим группам (этнос, класс). Данный уровень индивидуальности В.С. Мерлин [2] обозначает также термином «метаиндивидуальность», поскольку здесь имеются в виду психологические характеристики построения взаимоотношений человека с окружающими его людьми. Метаиндивидуальность человека и ее свойства зависят как от требований, ожиданий социальной группы, так и от свойств интраиндивидуальности (относительно автономных от социального окружения). К интраиндивидуальности можно отнести свойства первого и второго уровней интегральной индивидуальности, а также те внутриличностные качества человека, которые определяют выбор им социальных ролей, их принятие личностью. По В.С. Мерлину, связь между личностным статусом и интраиндивидуальными свойствами человека является сложноопосредствованной [2]. Индивидуальность опосредует индивидуальный стиль деятельности. Его эффективность зависит от имеющихся ресурсов личности и степени осознанности, что проявляется в формировании и реализации адаптационных стратегий.

В ситуации болезни адаптация личности происходит как к объективным, так и к субъективным механизмам, образующим это явление. К объективной составляющей можно отнести уровень физических возможностей, которые дает здоровье, тяжесть болезни, как соматического процесса и социальных факторов (сохранность

социальных ролей и экономических возможностей, которые рассматриваются либо как ресурс адаптации, либо как дополнительная форма травматизации) [3, 4, 5]. Ресурсность может выступать как система внутренних и внешних условий, определяющих устойчивость личности в стрессогенных ситуациях [6]. Это объясняется концепцией ресурсности в ситуации психологического стресса, выдвинутой С. Хобфоллом [7]. Он считает ресурсами все то, что является значимым и используется в адаптационных стратегиях, особенно в сложных жизненных ситуациях. В ситуации болезни к ним могут относиться социальные возможности или их утрата, или угроза утраты, что согласуется с данной концепцией.

Оценка ситуации, на наш взгляд, связана с когнитивным уровнем адаптации и выражается в понятиях удовлетворенности жизнью и субъективного благополучия. Р.М. Шамионов отмечает, что субъективное благополучие человека складывается из материальных, личностных и социальных факторов самоопределения. Они в соответствии с психологической переработкой рассматриваются как составляющие субъективного качества жизни [8]. В исследовании С.А. Калашниковой подчеркивается, что субъективная оценка полученных и потерь может рассматриваться как детерминанта уровня благополучия человека.

Личностные ресурсы могут быть определены как система адаптационных возможностей человека, направленных на устранение жизненных противоречий с внешней средой посредством трансформации ценностно-смыслового измерения личности. Она задает направленность личности и создает основу для самореализации [9].

Значимость субъективного восприятия ситуации и смыслового отношения к ней подчеркивают в своих исследованиях Д.А. Леонтьев и Л.А. Александрова [10]. Таким образом, ситуации болезни, объективно складывающиеся из телесных и социальных факторов, предполагают, что субъективно они могут быть как ресурсными за счет возможностей, которые они предоставляют, так и травматичными за счет либо неудовлетворенности, либо из-за страха утраты.

Заболевший человек не может удовлетворять свои потребности привычным способом, существуя в противоречивом состоянии, когда между «спросом» личности и «предложениями» мира появляется разрыв [11]. Таким образом, адаптационные стратегии, понимаемые как механизмы реализации личности в ситуациях болезни, могут быть как выражением себя в качестве субъекта, так и выражением себя в качестве объекта этой ситуации.

В нашем исследовании экспериментальная группа состояла из больных ишемической болезнью сердца (ИБС) с ежемесячным доходом на члена семьи до 10 тыс. руб. (12 человек), больных ИБС с доходом 10-20 тыс. руб. (72 человека), больных ИБС с доходом более 20 тыс. руб. (15 человек), инвалидов 2-ой группы по ИБС с доходом до 10 тыс. руб. (33 человека), инвалидов 2-ой группы по ИБС с доходом 10-20 тыс. руб. (17 человек). Контрольная группа включала лиц без хронических заболеваний с доходом до 10 тыс. руб. (62 человека), с доходом 10-20 тыс. руб. (92 человека), с доходом более 20 тыс. руб. (31 человек).

Использовались следующие методики: авторская анкета, «Исследование самоотношения» (МИС) С.Р. Пантелеева [12], исследования копинг-стратегий Р. Лазаруса [13], «Индекс жизненного стиля» [14], «Шкала семейного окружения» (ШСО) (адаптация С.Ю. Куприянова) [15], опросник качества жизни ВОЗКЖ-100 [16], «Кто Я?» М. Куна (модификация Т.В. Румянцевой) [17], тест-опросник на выявление уровня субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера (адаптация Е.Ф. Бажина, С.А. Голькиной, А.М. Эткинда) [18], анкета на выявление когнитивной склонности к иждивенчеству В.Н. Довлатовой [19].

Применялись статистические методы: анализ частоты встречаемости, регрессионный анализ.

Сравнительный анализ оценки качества жизни в ситуации болезни как показатель удовлетворенности жизнью выявил наличие статистически достоверных различий в средних арифметических у представителей контрольной группы с доходом до 10 тыс. руб. и с доходом от 10 до 20 тыс. руб. на члена семьи (78/86, $p < 0,01$); с доходом до 10 тыс. руб. и с доходом более 20 тыс. руб. на члена семьи (78/88, $p < 0,01$); у больных ИБС с доходом до 10 тыс. руб. и более 20 тыс. руб. на члена семьи (77/83, $p < 0,01$); инвалидов по ИБС с доходом до 10 тыс. руб. и с доходом от 10 до 20 тыс. руб. на члена семьи (69/78, $p < 0,01$); у представителей контрольной группы и инвалидов по ИБС с одинаковым уровнем дохода – до 10 тыс. руб. на члена семьи (78/69, $p < 0,01$). По-видимому, экономическая депривация, болезнь и инвалидность являются факторами, снижающими оценку качества жизни.

Регрессионный анализ позволил выявить специфичность структуры предикторов, определяющих выраженность удовлетворенности жизнью при различном соотношении факторов экономической депривации, болезни и инвалидности.

Так, в группе больных с ИБС с доходом до 10 тыс. руб. предикторами общей оценки качества жизни, прежде всего, является уверенность в себе, саморуководство и отрицание, а также сниженные проекция, внутренняя неустроенность и повышенная самооценочность. Следовательно, высокая степень удовлетворенности в группе с низким доходом достигается за счет позитивного самоотношения и возможности не видеть проблем, что может рассматриваться как результат психологических защит.

Предикторами оценки качества жизни в группе больных ИБС с доходом 10-20 тыс. руб. являются интернальность в деятельности и отношениях, сниженные пассивные копинг-стратегии, позитивное самоотношение.

В группе больных ИБС с высоким доходом предикторами оценки качества жизни являются удовлетворенность в физической, психической сфере и сфере окружающей среды. Субъективная удовлетворенность более характерна для молодых людей с позитивной самооценкой.

Можно сделать вывод, что экономическая депривация предъявляет особые требования к самоотношению больного ИБС без инвалидности. В случае отсутствия выраженной депривации возникает возможность более конструктивных форм совладания, а при большем финансовом благополучии важным является физическое самочувствие как таковое. Возможно, это свидетельствует о том, что при отсутствии финансовых проблем больной может, прежде всего, ориентироваться на физические характеристики своего состояния.

Предикторами общего качества жизни в группе инвалидов по ИБС является качество жизни в сфере социальных взаимодействий, в духовной сфере, а также в уровне и независимости. По-видимому, возможность сохранить личностную автономию в отношениях с Другими является основным параметром благополучия. Несколько меньшее влияние оказывают удовлетворенность жизнью, наличие супружеской семьи и сниженная копинг-стратегия, связанная с позитивным переопределением. Исходя из этого, можно предположить, что для инвалидов с низким доходом отношения с другими людьми становятся основным ресурсом.

В группе инвалидов по ИБС с доходом 10-20 тыс. руб. в качестве предикторов могут выступать снижение психологических защит и значимость моральных правил в семье. Таким образом, уменьшение финансовых проблем позволяет им более полноценно опереться на помощь семьи.

Следовательно, экономическая депривация в группе инвалидов обостряет трудность ситуации и требует наличия внешней поддержки. При снижении степени депривации опорой становится семья.

В контрольной группе с низким доходом предикторами общего качества жизни стали организация в семье, сниженная идентификация с материальной сферой, активностью, а также наличие моральных правил в семье. По-видимому, наблюдается обострение требовательности в отношении семьи и, вместе с тем, недостаточная осознанность своего положения в экономической и хозяйственной сферах, а также в отношении задач деятельности. Можно сказать, что общее качество жизни в условиях экономической депривации определяется факторами наличия внешних ресурсов.

Предикторами общей оценки качества жизни в контрольной группе с доходом 10-20 тыс. руб. являются самоконтроль, широта интересов в семье, низкая выраженность психологических защит, общая интернальность и интернальность в деятельности. В этой группе основанием удовлетворенности жизнью становится опора на себя и интеллектуальные ресурсы семьи.

У лиц без хронических заболеваний с доходом более 20 тыс. руб. на члена семьи в качестве предикторов общей оценки качества жизни были выделены отрицание, снижение активных форм копингов, принятие ответственности. Таким образом, удовлетворенность жизнью в этой подгруппе определяется пассивностью адаптации при сохранении субъективного чувства ответственности, то есть, в этом случае основу удовлетворенности составляет отрицание проблем.

В целом, можно сказать, что в контрольной группе выраженная экономическая депривация влияет на характер адаптационных стратегий: от возможности не видеть проблем до потребности во внешней поддержке.

В ситуации болезни экономическая депривация предъявляет особые требования к самоотношению больного, которое дает возможность находить оправдания собственной пассивности, что может рассматриваться как результат психологических защит. В случае финансовых возможностей среднего уровня возникает большая требовательность и опора на себя, а также активные формы совладания. При большем финансовом благополучии важным является физическое самочувствие как таковое. По-видимому, в случае экономической депривации, личность в большей степени винит себя в

создании проблем, связанных с болезнью, что снижает позитивность самоотношения.

Экономическая депривация в группе инвалидов по ИБС обостряет трудность ситуации и очевидно требует внешней поддержки, что сопровождается выраженными психологическими защитами. При снижении степени депривации опорой является семья.

Подводя итог, можно сказать, что экономическая депривация является самостоятельной проблемой, определяющей тяжесть ситуации и требующей внешней опоры. В ситуации болезни низкий доход подчеркивает негативное самоотношение, а в ситуации инвалидности проблемным становится сохранение автономности личности. Важно отметить, что и экономическая депривация, и ситуации болезни являются трудными жизненными ситуациями, затрудняющими самореализацию – они предъявляют требования к жизнеспособности личности, ее внутренним и внешним возможностям.

Список литературы:

1. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. С. 240.
2. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.
3. Орлова М.М. Идентичность больного в контексте внутренней картины болезни больных онкологическими заболеваниями репродуктивной системы // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. №3(6). С. 84-96.
4. Орлова М.М. Оценка качества жизни в сфере социальных взаимодействий в зависимости от выраженности физической и социальной депривации // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования: сущность, концепции, перспективы. Материалы VII Международной научной конференции. Саратов: Изд-во "Саратовский источник", 2019. С. 647-652.
5. Орлова М.М. Медицинские маргиналы // Практики заботы в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Саратов: Изд-во "Саратовский источник", 2017. С. 177-183.
6. Калашникова С.А. Оценка личностных ресурсов как детерминант субъективного качества жизни человека / Психологическая адаптация и психическое здоровье человека в осложненных условиях жизненной среды: коллективная монография. М.: Изд-во «Академия Естественных наук», 2011.
7. Hobfoll S. The influence of culture, community, and the nest-self in the stress process: Advancing conservation of resources theory // Applied Psychology: An International Review. 2001. 50. Pp. 337-421.
8. Шамянов Р.М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 180 с.

9. Казакова И.А. Эмоциональные нарушения у юношей с хроническим гастритом и язвенной болезнью // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.С. Герцена. 2009. №102. С. 358-363.
10. Леонтьев Д.А., Александрова Л.А. Вызов инвалидности: от проблемы к задаче // Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2010. С. 114-120.
11. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с. С. 460.
12. Пантлеев С.Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
13. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями / Пособие для врачей и медицинских психологов. СПб.: Издательство СПбНИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2009. 38 с.
14. Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. СПб.: Издательство: СПбНИПНИим. В.М. Бехтерева, 2005. 50 с.
15. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Учебное пособие для врачей и психологов. СПб.: Речь, 2006. 352 с.
16. Диагностика здоровья. Психологический практикум. Под ред. проф. Г.С. Никифорова. СПб.: Речь, 2007. 950 с.
17. Иванова Н.Л., Румянцева Т.В. Социальная идентичность: теория и практика. М.: Изд-во Саратовского университета, 2009. 456 с.
18. Реан А.А. Практическая психодиагностика личности: Учеб. пособ. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. 224 с.
19. Долматова В.Н. Психолого-педагогические условия преодоления иждивенческой позиции воспитанников детского дома. Дис. ... канд. психол. наук. Липецк, 2008. 171 с.

**ТАНЦЕВАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ
В СИСТЕМЕ РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ С
НАРУШЕНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА**

Пяткина Е.С.

Кандидат медицинских наук
директор, ГАУ СО «ЦАРИ», Саратов

cori64@mail.ru

Шипова Л.В.

Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры
реабилитационных технологий на базе ГАУ СО «ЦАРИ», СГУ имени
Н.Г. Чернышевского, Саратов

larisashi@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения танцевальной терапии в системе реабилитации инвалидов трудоспособного возраста с нарушениями опорно-двигательного аппарата в условиях реабилитационного центра. Представлены результаты изучения динамики психического развития инвалидов трудоспособного возраста с нарушениями опорно-двигательного аппарата в процессе танцевальной терапии. Оценивается реабилитационный потенциал занятий танцевальной терапией.

Ключевые слова: танцевальная терапия, реабилитация, инвалиды, нарушения опорно-двигательного аппарата.

DANCE THERAPY
IN THE SYSTEM OF REHABILITATION OF DISABLED PEOPLE
WITH DISORDERS OF THE MUSCULOSKELETAL SYSTEM

Pyatkina E.S.

PhD in Medical Sciences,

Director Center of adaptation and rehabilitation of disabled persons, Saratov
cori64@mail.ru

Shipova L.V.

PhD in Psychology, Docent, Associate Professor at the Department of
Rehabilitation Technologies, Saratov State University, Saratov

larisashi@yandex.ru

Annotation. The article considers the possibilities of using dance therapy in the rehabilitation system of working-age disabled people with disorders of the musculoskeletal system in a rehabilitation center. The results of the study of the dynamics of mental development of disabled people of working age with disorders of the musculoskeletal system in the process of dance therapy are presented. The rehabilitation potential of dance therapy is estimated.

Keywords: dance therapy, rehabilitation, disabled people, disorders of the musculoskeletal system.

Актуальность изучения применения танцевальной терапии в системе реабилитации инвалидов трудоспособного возраста с нарушениями опорно-двигательного аппарата (НОДА) имеет большое значение для развития личности лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), формирования конструктивного взаимодействия в социуме, профилактики дезадаптивных проявлений [1].

Танцевальная терапия является методом психотерапии, при котором тело выступает в качестве инструмента, а движение - процесса, помогающего клиенту пережить, распознать и выразить свои эмоциональные переживания и внутренние конфликты. Занятия танцетерапией помогают клиенту создавать позитивный образ

собственного тела, развивать навыки общения, исследовать чувства [2]. Танцевальная терапия базируется на предпосылке, что тело и психика взаимосвязаны, а телесные движения человека рассматриваются как отражение его внутренней психической жизни и взаимоотношений с окружающим миром [3].

Танцевальная терапия направлена на осознание членами группы собственного тела и возможностей его использования, повышение чувства собственного достоинства у членов группы путем выработки у них более позитивного образа тела, формирование социальных навыков, развитие эмоциональной экспрессии, высвобождение подавляемых чувств и исследование скрытых конфликтов, которые могут быть источником психического напряжения, создание так называемого «магического кольца» [4]. В процессе занятий происходит повышение двигательной активности, осуществление коммуникативного тренинга и организации социотерапевтического общения, получение диагностического материала для анализа поведенческих стереотипов пациента и его самопознания, раскрепощение пациента, поиска аутентичных путей развития.

Специальными упражнениями танцевальной терапии являются свободное раскачивание, движения, требующие собранности и контроля над телом, чередование расслабления и собранности, связанных с дыхательным циклом, перемещение по помещению строго определенным образом. Танцевальная терапия осуществляется поэтапно. Первый этап - разминка. Упражнения во время разминки имеют физический («разогрев»), психический (идентификация с чувствами) и социальный (установление контактов) аспекты. На этом этапе осуществляются спонтанные движения в свободной форме под поурри из разных мелодий. Второй этап - разработка общегрупповой темы, к примеру, темы «встреч и расставаний». На уровне движений могут «встречаться» и «расставаться» отдельные части тела, члены группы. Взаимодействию между членами группы могут способствовать встречи ладоней одного с локтями другого и др. На заключительном этапе занятия тема разрабатывается с использованием всего предоставленного группе пространства, при этом изменяется скорость движений и их последовательность [5].

Активное применение танцевальной терапии в качестве технологии психологической реабилитации осуществляется в государственном автономном учреждении Саратовской области «Центр адаптации и реабилитации инвалидов» (ГАУ СО «ЦАРИ»). Изначально для занятий в группу объединились 4 человека, имеющие

НОДА и использующие кресло-коляску. Психологи учреждения отмечали значительные позитивные изменения у лиц с ОВЗ, в работе с которыми применялась танцевальная терапия. Занятия способствовали увеличению подвижности и снятию мышечного напряжения, повышению самооценки, расширению спектра социальных контактов. Получив хорошие результаты, специалисты учреждения объединили группу клиентов в танцевальную студию «Вдохновение» [6]. В настоящее время танцевальный коллектив «Вдохновение» является интегрированным, он объединяет людей с инвалидностью и без нее на основе принципов равенства прав и возможностей, полноценного участия, отсутствия каких-либо ограничений. В настоящее время в коллективе 9 человек с инвалидностью (8 на инвалидной коляске) и 9 человек без ограничений в здоровье (всего за время существования коллектива в нем участвовало более 20 человек без инвалидности и 12 человек с инвалидностью).

Руководит танцевальной студией старший преподаватель кафедры хореографии института искусств федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского» А.А. Тимофеев.

С октября 2013 года коллективом достигнуты значительные успехи, он многократно становился дипломантом и победителем различных конкурсов: II Международный благотворительный фестиваль Inclusive Dance (г. Москва, ноябрь 2014); Фестиваль «ВМЕСТЕ» (г.Саратов, май 2015); Фестиваль военно-патриотического танца и песни «Во Имя Победы!» - 2015 (г.Саратов, май 2015, лауреаты 1 степени); III Международный благотворительный фестиваль Inclusive Dance (г. Москва, ноябрь 2015, лауреаты 1 степени); конкурс «Знаменитые имена Саратова», организованный «Радиола 103 FM» (г.Саратов, ноябрь 2015, лауреаты конкурса); Всероссийский фестиваль молодежного творчества «Я – Автор» (г. Москва, декабрь 2015); Всероссийский фестиваль современной пластики «Птицы» (г. Саратов, апрель 2016, лауреаты 1 степени); Всероссийский фестиваль-конкурс современной хореографии «Белый» (г. Саратов, ноябрь 2016 г, специальный диплом); Общероссийский интеграционный фестиваль творчества и спорта людей с инвалидностью «Парафест-2016» (г. Москва, октябрь 2016); Первые Международные Парадельфийские игры (г. Москва, ноябрь 2016); VII Международном инклюзивном фестивале языков и культур «Искры Дружбы» (г. Саратов, ноябрь 2017, 1 место в номинации «Лучший

народный танец»); V Международный благотворительный фестиваль Inclusive Dance (г. Москва, октябрь 2017, 1 место в номинации «Эстрадный танец», 2 место «Современный танец»); Межрегиональном этапе VI Международного благотворительного танцевального фестиваля «Inclusive Dance Volga» (г. Саратов, июнь 2018) лауреаты: номинация «Эстрадный танец – Коллективы». Диплом 3 степени; номинация «Современный танец», возрастная категория «Молодежь и взрослые», Диплом 1 степени и др.

В ГАУ СО «ЦАРИ» было проведено эмпирическое исследование динамики психического развития инвалидов трудоспособного возраста с НОДА в результате применения танцевальной терапии в условиях реабилитационного центра. В исследовании приняли участие 9 инвалидов с НОДА из танцевальной студии «Вдохновение». В ходе исследования применялись следующие методики: опросник «Самочувствие, активность, настроение» (САН), методика Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина «Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности», модификация восьмицветового теста Люшера, методика Дембо-Рубинштейн. Эмпирическое изучение динамики психического развития у лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата в результате занятий танцевальной терапией свидетельствует о повышении уровня самочувствия, активности и настроения, самооценки и уровня притязаний, снижении показателей ситуативной и личностной тревожности.

Применение танцевальной терапии как одного из важных направлений арттерапии имеет особое значение для развития личности, формирования коммуникативных качеств, расширения творческих возможностей лиц с ОВЗ. Следует отметить, что танцевальная терапия применяется как при проведении курсовой реабилитации, так и в ходе студийной и клубной работы, что приводит к более длительному и устойчивому реабилитационному эффекту.

Проведение эмпирического исследования позволило прийти к заключению, что психологическая реабилитация инвалидов трудоспособного возраста с нарушениями опорно-двигательного аппарата с помощью танцевальной терапии является эффективной при углублении осознания членами группы собственного тела и возможностей его использования; повышении чувства собственного достоинства у членов группы путем выработки у них более позитивного образа тела; развитии социальных навыков посредством приобретения участниками соответствующего конструктивного опыта; обучении выражению собственннх эмоций и чувств с помощью

движений в танце.

Список литературы:

1. Пяткина Е.С., Шипова Л.В. Модель комплексной реабилитации инвалидов трудоспособного возраста // *Цивилизация - Общество - Человек*. 2018. № 6-7. С. 87-91.
2. Пяткина Е.С., Гринина Е.С., Шипова Л.В. Формирование позитивного образа человека с инвалидностью в условиях реабилитационного центра // *Инновационные технологии реабилитации: наука и практика Сборник статей II Международной научной конференции*. 2019. С. 77-82.
3. Пяткина Е.С., Шипова Л.В. Применение танцевальной терапии в комплексной реабилитации лиц с нарушения опорно-двигательного аппарата // *Специальное образование и социокультурная интеграция - 2018 Сборник научных статей Международной научно-практической конференции*. под ред. О.Е. Нестеровой, Р.М. Шамионова, Е.С. Пяткиной, Ю.В. Селивановой, М.Д. Коноваловой. Москва, 2018. С. 171-179.
4. Психотерапия в вопросах и ответах / Еремина Т.В., Рудзинская Т.Ф., Шипова Л.В. Саратов: Изд-во «Наука», 2014. 99 с.
5. Гренлюд, Э., Оганесян, Н.Ю. Танцевальная терапия. Теория, методика, практика. СПб.: Речь, 2014. С. 132.
6. Пяткина Е.С., Шлыкова Е.В. Возможности реабилитационного центра в развитии инновационных технологий // *Реабилитация, абилитация и социализация: междисциплинарный подход*. Москва, 2016. С. 481-488.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ И НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА- ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ

Романова Н. М.

к.соц.н., доцент, кафедра общей и социальной психологии
ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г.Чернышевского»
romanova_nm@inbox.ru

Аннотация. Исследование ведущих детерминант корыстной мотивации подростков является актуальным в условиях трансформации преступности несовершеннолетних. Оценка их направленности личности является прагматичной, практически значимой. Исследовались 50 несовершеннолетних мужского пола в возрасте 14-16 лет, совершивших корыстные преступления. Выявлено: наличие недостатков социализации корыстных подростков; направленность на себя; доминирование преступлений группового характера; разнонаправленность их корыстной мотивации.

Ключевые слова: подростки-правонарушители, мотивация корыстных преступлений, направленность личности

FEATURES OF MOTIVATIONAL SPHERE AND ORIENTATION OF PERSONALITY OF ADOLESCENT OFFENDERS

Romanova N.M.

Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Faculty of General and Social Psychology, Saratov state university named after N.G. Chernyshevsky

romanova_nm@inbox.ru

Abstract. The study of the leading determinants of self-interest motivation of adolescents is relevant in the context of the transformation of juvenile delinquency. Assessing their personality focus is pragmatic, practically meaningful. The 50 of male minors aged 14-16 who committed self-serving crimes were investigated. The existence of shortcomings in the socialization of self-serving adolescents has been identified; Self-orientation; The dominance of collective crimes; the divergence of their self-interest motivation.

Keywords: juvenile offenders, motivation of self-serving crimes, personality orientation

Преступления несовершеннолетних имеют особую опасность. Судимость и отбывание наказания ставит негативный психологический отпечаток на мироощущение и последующую судьбу подростка. Кроме того, подростковая преступность представляет собой резерв как взрослой, так и рецидивной преступности. Особый интерес представляет корыстная преступность в связи с доминированием последних в структуре преступности несовершеннолетних. В этой связи важно исследовать ведущие детерминанты криминального поведения подростков. К числу ведущих из них относятся направленность личности, понимаемая как система устойчивых потребностей, интересов, убеждений личности и ее мотивационная сфера, рассматриваемая как система связанных между собой внутренних и внешних движущих сил, которые стимулируют человека поступать определенным образом. Важным является также исследование специфики корыстной мотивации данной возрастной группы.

Цель исследования: направленность личности и мотивационная сфера подростка, совершившего корыстное преступление.

Методы исследования: наблюдение, беседа, тестирование (методика «Определение направленности личности» Б.Басса, РАТ Г.Мюррея (адаптация Л.Н. Собчик), анкетирование (анкета содержала

вопросы, касающиеся основных сфер жизни ребенка), статистическая обработка и анализ полученных эмпирических результатов.

Испытуемые: 50 несовершеннолетних мужского пола в возрасте 14-16 лет, совершивших корыстные преступления. 24 % респондентов привлекаются к ответственности по статье 158.1 (кража, тайное хищение чужого имущества); 74% - по статье 158.2 (кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору); 2% - по статье 158.3 (кража с незаконным проникновением в жилище).

Полученные результаты: по данным анкетирования: 73% подростков-правонарушителей воспитываются в неполной или опекунской семье. 25% респондентов имеют судимого родственника. Преобладающим увлечением респондентов являются прогулки с друзьями и игра в компьютер. В 18% случаев несовершеннолетний ранее уже привлекался к ответственности (преступный рецидив).

По материалам беседы установлено: только 34% респондентов признают противоправный характер их деяния, 40% проявляют признаки эмоционального переживания (чувства вины) в связи с содеянным. Остальные объясняют свое противоправное поведение неудачно сложившейся ситуацией, малодушием, безволием, желанием «не отстать от других». По признаниям подростков первые кражи совершались ими из хулиганских побуждений. В последующем (в связи с актуализацией потребностей в деньгах и материальных ценностях) произошло закрепление корыстной мотивации и расширение объектов хищения, появилось стремление заработать «большие» деньги. Большая часть корыстных преступлений несовершеннолетних не была заранее спланирована: мысли совершить преступление появлялись внезапно, под влиянием обстоятельств. Совершение преступления в группе подростки объясняют переживанием большей защищенности и силы при взаимодействии с ней, их притягивает скрытный образ жизни, наличие «крутых» друзей и старших товарищей.

Исследование направленности личности несовершеннолетнего правонарушителя показало следующее: 72% респондентов имеют направленность личности на себя, 24 % респондентов направлены на общество и общение, только 4 % подростков имеют направленность личности на деятельность.

По данным РАТ Г.Мюррея (адаптация Л.Н. Собчик): у 65% подростков выявлен смешанный тип корыстной мотивации. Такие правонарушители не имеют единственного мотива совершения преступления: мотивация правонарушения представлена смешением трех различных мотивов. У 9% подростков преобладает корыстно-

потребительская мотивация. У 10% исследуемых выявлен мотив получения денежных средств на совершение покупок. Мотив «ложное товарищество» доминирует у 16% несовершеннолетних.

Значимые корреляции между направленностью личности и мотивацией корыстных преступлений у подростков (мет. Пирсона): материальная мотивация преступлений имеет отрицательную корреляцию с социальной мотивацией преступлений: $r = -0,464$ ($p \leq 0,01$).

Направленность личности на себя отрицательно коррелирует с направленностью личности на общество $r = -0,793$ ($p \leq 0,01$) и направленностью личности на деятельность $r = -0,321$ ($p \leq 0,05$). Направленность личности на общество отрицательно коррелирует с направленностью личности на деятельность $r = -0,319$ ($p \leq 0,05$).

Согласно полученным данным, корыстная мотивация подростков имеет разнонаправленный характер: чем выше выраженность материальной мотивации корыстных преступлений, тем ниже уровень социальной мотивации и наоборот.

При увеличении значений направленности личности на себя у подростков происходит уменьшение значений направленности личности на общество и на деятельность и наоборот. При увеличении значений направленности личности на общество происходит уменьшение значений направленности личности на деятельность.

Выводы:

1. Подростки-правонарушители, совершившие корыстные преступления, имеют некоторые социально-психологические характеристики, указывающие на недостатки их социализации (структурная неполноценность семьи, наличие судимого родственника, доминирование развлекательного досуга, криминальный рецидив).
2. В структуре корыстных преступлений подростков доминируют преступления группового характера.
3. В характере направленности личности несовершеннолетнего правонарушителя доминирует направленность на себя, значительно менее выражена направленность личности на общество и на деятельность.
4. Корыстная мотивация подростков имеет разнонаправленный по структуре характер, сочетая в подавляющем большинстве случаев материальную и социальную мотивации.

СУБЪЕКТИВАЦИЯ КЛИПОВОГО МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ

Стрельчук Ю. С.

магистрант кафедры общей и социальной психологии

alex010196@gmail.com

Пантелеев А.Ф.

к.псих.н., доцент кафедры психологии личности

Аннотация: стремительное развитие и глобальный характер информационных технологий оказывают влияние на познавательную деятельность субъекта. Упрощение доступа к знаниям и увеличение ее объема приводит к обесцениванию информации: теряют актуальность книга, навыки работы с текстом, меняются когнитивные стратегии. Безусловно, для решения проблемы, необходимо ее охарактеризовать. В статье рассматриваются особенности когнитивных изменений, а также уровень осведомленности субъекта о них.

Ключевые слова: субъективация, когнитивные стратегии, «клиповость» мышления, реактивность, рассеянность, выборочность, поверхностность.

SUBJECTIVATION OF CLIP THINKING AT STUDENTS

Strelchuk Y.S.,

Graduate student, department of General and Social Psychology, faculty of Psychology

alex010196@gmail.com

Panteleev A.F.

Ph.D., associate Professor of department of personality psychology

Annotation: the development and global nature of information technology affect the cognitive activity of the subject. The simplification of access to knowledge and an increase in its volume leads to the depreciation of information: the books and the skills of working with text lose their relevance, and cognitive strategies change. Of course, to solve the problem, it is necessary to characterize it. The article discusses the features of cognitive changes, as well as the level of awareness of the subject about them.

Keywords: subjectivation, cognitive strategies, clip thinking, reactivity, distraction, superficiality, selectivity.

Необходимость исследования клипового мышления ставится правительством РФ в указе президента «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы». В настоящее время наблюдается качественная трансформация

интеллекта человека в связи с возрастающей ролью информационных технологий, что обуславливает постановку проблемы клипового мышления, имеющей глобальный характер. В научном сообществе данная тема изучается недостаточно широко, и представленные работы направлены больше на описание характеристик этого феномена, чем на попытку объяснить психологические механизмы его возникновения и существования.

Целью данного исследования послужило выявление психологических особенностей клипового мышления, в частности - специфики переживания субъектом наличия у него клипового мышления, определение особенностей субъективации данного вида мыслительной деятельности.

Судя по имеющимся данным, клиповое мышление обладает определенными признаками. Так, например, Т.В. Черниговская характеризует клиповое мышление как поверхностное, бессистемное, склонное к рассеянности (неустойчивости в работе с текстами) и имеющее реактивный характер [1].

1. Субъекту с признаками клипового мышления свойственно не задерживаться длительное время на одном тексте, человек легко переключается на смежные по теме ресурсы, часто переходя по ссылкам, теряя логику повествования [2].

2. Клиповое мышление характеризуется поверхностностью в работе с информацией: субъект предпочитает не тратить время на погружение в текст, смысл которого уже понятен, информация для него не имеет художественной значимости, а важна для него лишь как источник необходимых знаний [3].

3. Текст для субъекта значим только в момент необходимости, человек не склонен накапливать знания в расчете на дальнейшую перспективу, поэтому человек с клиповым мышлением в значимый момент скорее обратится к поисковику, чем воспользуется имеющимся у него знанием.

4. Субъект, демонстрирующий признаки клипового мышления, склонен к экономии времени и ресурсов и в процессе восприятия и понимания текста выделяет в нем только значимые для него части, не сводя их к целому и игнорируя объективно присущий данному тексту смысл [4].

Сам по себе термин "клиповое мышление" содержательно не означает открытие нового вида мышления, он, по нашему мнению, скорее всего служит для описания характера реализуемых в процессе мыслительной деятельности когнитивных стратегий, в связи с чем мы

считаем целесообразным оперировать таким термином, как "клиповость" мышления.

Б.М. Величковский при анализе функциональной организации познания определил метапознание как «...механизмы, посредством которых мы отдаем себе отчет о содержании и особенностях любых познавательных функций, как наших собственных, так и других людей» (с. 196), была отмечена возможная доступность этих компонентов на уровне рефлексии. Им были выделены средства метакогнитивных координаций, в частности, общие метапроцедуры понимания, в число которых были включены контроль, аналогия, рекурсия, совмещение, сравнение, варьирование. Посредством метапроцедур осуществляются преобразование знаний и стратегический контроль активности [5].

А.Ф. Пантелеевым было выдвинуто и эмпирически проверено предположение о том, что в число названных Б.М. Величковским метапроцедур понимания могут быть включены также «расширение» и «углубление» как когнитивные стратегии, определяющие доминирующее направление познавательной активности субъекта в ходе понимания и запоминания. Было учтено, что понимание как объект исследования имеет скрытый характер, поэтому одной из возможных тактик изучения этого феномена может служить не попытка выяснить, что именно и как понял испытуемый, а учет проверенных фактов взаимосвязи понимания и других, сравнительно более доступных для исследования познавательных процессов [6].

В связи с проблемой выявления психологических механизмов "клиповости" мышления и, исходя из основных признаков феномена можно допустить, что "клиповость" мышления связана с несоответствием характера реализуемой в отношении объекта когнитивной стратегии и характеристик, объективно присущих этому объекту. Наиболее адекватным для проверки этого предположения объектом может служить понимание учебного текста. Два основных используемых в практике обучения текстов - описательные и объяснительные различаются характером логико - психологической структуры (по Л.П.Доблаеву) [7]. В то время как для граф - схемы структуры объяснительного текста свойственно углубление развития мысли, когда последующее предложение разъясняет, отвечая на вопрос "Почему (это так)?", для описательного – внутренний диалог, происходящий при понимании связан с ответом на латентный вопрос "А что еще (про это известно)?". Логично предположить, что

"клиповость" мышления состоит в том, что объяснительный текст понимается как описательный, поэтому доминирующим (латентным) вопросом при понимании служит "А что еще?", то есть вместо адекватной в отношении понимания объяснительного текста стратегии углубления на первый план выходит стратегия расширения.

На первом этапе исследования "клиповости" мышления был разработан и апробирован вопросник, направленный на выявление поведенческих признаков данной характеристики мышления. Опираясь на описанные в литературе проявления "клиповости", мы выделили четыре основных группы проявлений, которые были топологически присоединены к четырем шкалам: рассеянность-устойчивость, поверхностность-погруженность, реактивность-проактивность, выборочность-системность.

В пилотажном исследовании методика продемонстрировала дифференцирующие возможности, позволив выделить в выборке 12% испытуемых, у которых признаки клипового мышления преобладали, 12% испытуемых, имеющих противоположный результат, и 76% испытуемых со средними показателями.

Для выявления уровня субъективации "клиповости" мышления испытуемым предъявлялось определение клипового мышления, после чего предлагалось ответить на вопрос, находят ли они в себе признаки клипового мышления, и в чем они проявляются.

При использовании данного метода мы руководствовались принципом субъекта, утверждающим взгляд на человека как активного распорядителя, организатора, управляющего своими психическими актами, развитием и жизнью в целом. Будучи субъектом развития, по мнению М.А. Щукиной, личность, выступает источником процесса изменений и одновременно являет их результат, воплощая формулу «Я сам себя развиваю» [8]. В данном исследовании понятие субъектности человека рассматривается в качестве способности субъекта адекватно оценить степень преобладания у него характеристик "клиповости" в процессе мыслительной деятельности.

В качестве испытуемых в исследовании приняли участие 84 студента. Выбор данной категории испытуемых связан с их повседневной погруженностью в современные информационные технологии.

По первичным результатам анализа "клиповости" мышления 25% опрошенных студентов первого курса имеют высокий показатель клиповости мышления (от 7 до 9 баллов), 30% - низкие показатели (от 1 до 3 баллов), 45% на 1 и 48% на 2 курсах опрошенных имеют средний показатель (от 4 до 6 баллов), однако на 2 курсе

количество студентов, демонстрирующих высокие показатели клипового мышления увеличивается до 27%, соответственно студентов с низким показателем 25%.

Более детальный качественный анализ выявил различия между группами студентов. Так, 2 курс демонстрирует более высокие показатели реактивности по сравнению с 1 курсом, также показатели выборочности и рассеянности у второго курса выше, чем у первого. С помощью ранговой корреляции Спирмена были выявлены статистически значимые зависимости «поверхностности-рассеянности» (0,227) и «поверхностности-выборочности» (0,388). Данные результаты найдены в каждой из групп и свидетельствуют в пользу вышеописанных наблюдений. Результаты анализа обеих групп близки друг к другу, и выявленные различия слишком незначительны, чтобы мы могли делать окончательные выводы.

Так как основной деятельностью студента является обучение, в процессе которого формируются навыки обращения с информацией, мы предполагаем, исходя из предварительных данных, что расширение программы обучения с переходом на 2 курс, сопровождающееся увеличением объема информации, и недостаток навыков для работы с ней могут оказывать влияние на эффективность применения когнитивных стратегий. Респонденты склонны к переключению с одного текста на другой в процессе обучения. Также присутствует избирательность во время чтения, как следствие респондент не рассматривает текст в целом, выбирая необходимую информацию. Реактивность в противовес проактивной деятельности выражается в отсутствии готовности к работе с информацией: в момент необходимости респондент обращается не к опыту и знаниям, а к интернету, таким образом, снижая ценность знания как такового.

Дополнительный опрос респондентов, направленный на выявление уровня субъективации "клиповости" мышления подтвердил эти данные. Результаты показали наличие у большинства испытуемых адекватной оценки собственной мыслительной деятельности. Так, 66% респондентов на первом курсе и 72% на втором, отвечая на вопрос, находят ли они у себя признаки клипового мышления, не только правильно определили наличие или отсутствие данных характеристик, но вместе с тем и уточнили, какие именно признаки преобладают. Среди положительных ответов во второй группе были «переключение с одного текста на другой», «частый переход по ссылкам», «бессистемность при чтении» и «поверхностность в работе с информацией». Почти у всех испытуемых, кто ответил на вопрос отрицательно (не наблюдаю у себя признаков «клиповости»), по

результатам первого опросника эти признаки были выявлены. Подобные результаты наблюдаются и в первой группе. Однако, процент во второй группе выше, чем в первой, что говорит о более высоком уровне субъективации наряду с более высокими показателями «клиповости».

В данном исследовании приняли участие студенты первого и второго курсов. Мы видим, что признаки «клиповости» присутствуют у большинства испытуемых во всех группах, в той или иной степени. Можем сделать вывод, о том, что данный феномен имеет высокое распространение среди молодого поколения. При этом, уровень субъективации «клиповости» мышления также находится на высоком уровне, то есть респонденты в большинстве случаев осознают данную проблему и могут оценить её влияние на себя.

Таким образом, мы видим, что проблема, озвученная в указе РФ, имеет веские основания и требует более детального рассмотрения. Следующий этап исследования предполагает расширение выборки и выявление доминирующих когнитивных стратегий как специфики проявления "клиповости" мышления.

ИЗУЧЕНИЕ ВИДОВ АГРЕССИИ У ПОДРОСТКОВ С ЛЕГКОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Шипова Л.В.

Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры реабилитационных технологий на базе ГАУ СО «ЦАРИ», СГУ имени Н.Г. Чернышевского, Саратов

larisashi@yandex.ru

Набиева Р.М.

студент, СГУ имени Н.Г. Чернышевского, Саратов
ordu_kader@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема агрессии подростков с легкой степенью умственной отсталости. Представлены результаты исследования видов агрессии у умственно отсталых подростков, выявлены особенности агрессии у подростков с легкой степенью умственной отсталости.

Ключевые слова: агрессия, виды агрессии, умственная отсталость, подростки, фрустрация.

STUDY OF TYPES OF AGGRESSION IN ADOLESCENTS WITH MILD MENTAL RETARDATION

Shipova L.V.

PhD in Psychology, Docent, Associate Professor at the Department of
Rehabilitation Technologies, Saratov State University, Saratov

larisashi@yandex.ru

Nabieva R.M.

Student, Saratov State University, Saratov

ordu_kader@mail.ru

Annotation. The article deals with the problem of aggression of adolescents with mild mental retardation. The results of the study of types of aggression in mentally retarded adolescents are presented, the features of aggression in adolescents with a mild degree of mental retardation are revealed.

Keywords: aggression, types of aggression, mental retardation, adolescents, frustration.

В настоящее время одной из актуальных проблем психологии умственно отсталых детей является проблема агрессии и агрессивности умственно отсталых подростков, являющейся одной из распространенных форм нарушения поведения у данной категории обучающихся. Изучение агрессии и агрессивности умственно отсталых школьников имеет важное значение для развития личности обучающегося, конструктивного взаимодействия в социуме, формирования положительного отношения к обучению в образовательном учреждении, профилактики социально-психологической и школьной дезадаптации [1].

В отечественной психологии отдельные аспекты психологии агрессии и агрессивности рассматривали Н.Д. Левитов, Д.И. Фельдштейн, Ю.М. Антонян, А.Е. Личко, А.А. Реан, Л.М. Семенюк, Т.Г. Румянцева и др. Возникновение агрессивного поведения может быть связано с различными факторами: неправильным воспитанием в семье, насмешками со стороны окружающих, неумением общаться, устанавливать адекватные взаимоотношения со сверстниками. Всё это приводит к возникновению раздражительности, озлобленности, агрессивности. Чувственные переживания, которые появляются вследствие конфликта мотивационных тенденций, способствуют формированию дисгармоничной личности, препятствуют социально-психологической адаптации подростка в обществе. Коррекция агрессивного поведения требует длительного времени и применение специальных методов, приемов и средств воздействия, направленных на формирование толерантности, миролюбия, кооперативности.

Для детей с умственной отсталостью наряду с нарушениями интеллектуального развития характерны изменения личностного

развития, трудности общения с окружающими. Нередко умственно отсталые школьники оказываются отверженными в группе сверстников. Реализация потребности в самоутверждении начинает приобретать патологические формы – обучающиеся с умственной отсталостью становятся агрессивными и неспособными пониманию эмоциональных состояний других людей.

Агрессивные тенденции в поведении подростков с умственной отсталостью - воспитанников школы-интерната в процессе речевой коммуникации описал Д.И. Бойков [2]. Автор отмечает у умственно отсталых подростков высокий уровень внешней агрессии в частности, по отношению к ровесникам, низкий уровень самостоятельности и инициативности в разрешении конфликтных ситуаций. Д.И. Бойков указывает, что формирование защитных реакций выступает в качестве компенсации недоразвития внутренних механизмов опосредования; у воспитанников интерната образуются различные защитные реакции как компенсация недоразвитых внутренних механизмов опосредования, происходит формирование ориентации на внешний контроль вместо становления произвольного поведения, отмечается аффективное реагирование при стремлении справиться с трудной ситуацией, наблюдается тенденция перекалывания ответственности на других. Это относится и к «семейным детям». Вместе с тем воспитанники интерната иногда более успешны в решении конфликтных ситуаций. Особенно заметно отличие в возрастной динамике данных, описывающих особенности коммуникации детей из интерната и из семьи. Как правило, для воспитанников интерната типично улучшение показателей, характеризующих общение со взрослыми, тогда, как при общении со сверстниками отмечается усиление напряженности. У умственно отсталых, воспитывающихся в семье, наблюдается обратная картина. Д.И. Бойков отмечает предрасположенность умственно отсталых к преувеличению по отношению к себе степени выраженности неприязни, несправедливости и др.

Агрессивные проявления умственно отсталых детей, воспитывающихся в интернатных учреждениях, исследовал И.В. Евтушенко, выделив у данной категории детей эмоционально-поведенческие расстройства, обусловленные сложным этиопатогенезом и усиливающиеся в связи с помещением их в учреждение для детей-сирот [3]. Были выявлены реакции активного и пассивного сопротивления, причем первый вид реакции протеста преобладал у эмоционально возбудимых детей и подростков, а второй – у тормозимых. При длительных реакциях протеста часто

обнаруживались агрессивные действия детей по отношению к окружающим, при разногласии, как со взрослыми, так и со сверстниками усиливалась неприязнь, преобладал пониженный фон настроения, снижался интерес к обучению. Аффективное сужение сознания способствовало возникновению у умственно отсталых детей самоагрессии, суицидального поведения. При пассивном протесте происходило увеличение аутичных проявлений в поведении, наблюдалось стремление избеганию конфликтов с окружающими. На этом фоне усиливались плаксивость, страх, эмоциональная лабильность, становились более ощутимыми заикание, тики, бессонница, энурез, энкопрез, рвота, навязчивые действия или движения и др. Наблюдались явления моторной расторможенности, эмоционально-аффективной возбудимости и враждебности (в частности, у мальчиков). У девочек в подростковом возрасте чаще наблюдались истерические реакции.

Агрессивное поведение умственно отсталых подростков было изучено в работе Н.В. Волковой [4]. Автор отмечает, что у подростков с легкой умственной отсталостью достаточно высокий уровень агрессивности и враждебности, при этом повышен показатель физической агрессии, которая по мере взросления не снижается, тогда как в норме физическая агрессия постепенно уступает негативизму и вербальной агрессии. Степень агрессивности подростков с умственной отсталостью увеличивается с 50% в 12-13-летнем возрасте до 70% в 14-летнем и 80% в 15-16 летнем возрасте. Негативизм у подростков с умственной отсталостью в 12-13 лет проявляется в меньшей степени, но быстро усиливается к 15-16 годам. Вербальная агрессия увеличивается к 14 годам (в этот возрастной период она выходит на 2-й план), а в 15-16 лет словесная агрессия значительно возрастает и занимает 4-е место после таких видов агрессии, как физическая агрессия, чувство вины и негативизм. В процессе возрастного развития у умственно отсталых подростков усиливается чувство вины, выходя к 15-16 годам на 2-й план.

В подростковом периоде риск возникновения нарушений поведения достаточно высок. В большинстве исследований отмечается, что среди различных форм нарушений поведения у умственно отсталых наиболее распространенными являются побег и агрессивные поступки. У школьников с умственной отсталостью наиболее выраженными являются физическая агрессия (удары, порча предметов), вербальная агрессия, аутоагрессия (нанесение физических травм самому себе), вспыльчивость в действиях и речи, негативизм, конфликтность [5].

Таким образом, для умственно отсталых школьников свойственны проявления агрессивного поведения, достигающие своего «пика» в подростковом возрасте. При этом обнаружена тенденция увеличения агрессивных и враждебных проявлений от младшего к старшему подростковому возрасту. В исследованиях отмечается, что увеличение агрессивных тенденций в поведении умственно отсталых школьников исследователями обусловлено не только с органическим поражением центральной нервной системы, но и негативными факторами социальной среды. Среди видов агрессивного поведения преобладающими являются вербальная, физическая агрессия.

Список литературы:

1. Шипова Л.В. Изучение склонности подростков реабилитационного центра из неблагополучных семей к девиантным формам поведения // В мире научных открытий. 2014. № 11-1 (59). С. 546-559.
2. Бойков Д.И. Речевая коммуникация учащихся вспомогательных школ-интернатов: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1994. С. 7-11.
3. Евтушенко И.В. Правоведение с основами семейного права и прав инвалидов: учебник для учреждений высшего профессионального образования / И.В. Евтушенко, В.В. Надвикова, В.И. Шкатулла / под ред. В.И. Шкатулла. М.: Прометей, 2017. 578 с.
4. Волкова Н.В. Психологические особенности агрессивного поведения подростков с недоразвитием интеллекта и условия его коррекции // Теоретические и прикладные проблемы образования лиц с интеллектуальной недостаточностью: Материалы международной научной конференции. СПб., 2000. 146 с.
5. Шипова Л.В. Формы нарушений поведения у школьников с умственной отсталостью // Научное мнение. 2013. № 11. С. 288-292.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЛИЧНОСТНЫХ ДИСПОЗИЦИЙ У СТУДЕНТОВ

Юрьева В.О.

Студентка 2 курса магистратуры факультета психологии СГУ
им. Н.Г. Чернышевского
v.yurieva7504@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены данные эмпирического исследования влияния на восприятие студентами рекламных текстов личностных диспозиций. В качестве таковых изучается самооценка личности, а так же рациональность. Посредством семантического дифференциала изучено, как воспринимается рекламных текст в зависимости от уровня выбранных нами диспозиций.

Ключевые слова: восприятие, реклама, рекламный текст, диспозиции личности, установка

AN EMPIRICAL STUDY OF THE CHARACTERISTICS OF THE PERCEPTION OF AN ADVERTISING TEXT DEPENDING ON THE PERSONAL DISPOSITIONS OF STUDENTS.

Yurieva V.O.

2nd year student of the Faculty of Psychology of SSU named after
N.G. Chernyshevsky

v.yurieva7504@yandex.ru

Abstract: The article presents data from an empirical study of the impact on students' perception of advertising texts of personal dispositions. As such, self-esteem of personality is studied, as well as rationality. By means of the semantic differential, it is studied how advertising text is perceived, depending on the level of the dispositions we have chosen.

Keywords: perception, advertising, advertising text, dispositions of personality, attitude

Реклама является неотъемлемой частью жизни каждого человека. Целью рекламы любого вида, в том числе и текстовой, является оказание воздействия на массовое и индивидуальное сознание, дабы вызвать определённую реакцию выбранной аудитории (И.Я Рожков, 1997). Рекламный текст призван формировать и поддерживать у личности интерес к товару (М.А.Измайлова, 2014). Объём рекламы стремительно растёт, из-за чего люди теряются в таком обилие информации и её влияние снижается. В связи с этим возникает необходимость создания рекламного текста, которому потенциальный потребитель поверит и который будет готов купить.

Безусловно, эффективность рекламного текста зависит от того, как аудитория воспринимает предлагаемую информацию. Восприятие человеком информации зависит от его особенностей. Склонностей, установок, предшествующего актуальной ситуации жизненного опыта, результаты прошлых проб и ошибок.

Личностные диспозиции, в свою очередь, образуют комплекс склонностей к определённой реакции субъекта на внешние социальные ситуации (Олпорт, 1938). Установка как целостное неосознанное состояние субъекта (Д.Н.Узнадзе, 2004), заданная одними и теми же внешними условиями, у каждого человека развивается иначе и зависит именно от личностных диспозиций.

Актуальность темы исследования определяется непрерывающимся развитием сферы рекламы и востребованностью изучения условий восприятия рекламы, в частности рекламных текстов как важного фактора их эффективности.

Цель эмпирического исследования: выявление личностных диспозиций, влияющих на восприятия рекламного текста у студентов.

Выборка. В эмпирическом исследовании влияния личностных диспозиций на восприятие рекламного текста приняли участие 40 испытуемых, в качестве которых выступают студенты 1 – 3 курса бакалавриата Саратовского Государственного Университета. Средний возраст испытуемых составляет 19 лет.

В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что в зависимости от личностных диспозиций студентов существуют различия в восприятии рекламных текстов, что и подтвердилось в результате эмпирического исследования.

Для исследования уровня выраженности рациональности и готовности к риску была подобрана методика личностных факторов принятия решения (ЛФР – 25) Т.В. Корниловой; общей самооценки личности – методика Г.Н.Казанцевой; а также были использованы: тест - опросник диагностики потенциала коммуникативной импульсивности личности В.А. Лосенкова; методика диагностики уровня развития рефлексивности А.В. Карпова. Для диагностики восприятия рекламных текстов были подобраны 10 рекламных текстов объёмом 30 – 40 слов и разработана методика семантического дифференциала, включающая 32 пары биполярных прилагательных. В качестве математических методов использовались: корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона); T – критерий Стьюдента.

На первом этапе исследования среди испытуемых были проведены психодиагностические методики для выявления уровня личностных диспозиций. По его результатам для последующих этапов нами были выделены две группы – с высоким и средним показателями самооценки (10 и 28 человек соответственно) и две группы – с высоким и средним уровнем рациональности (18 и 19 человек соответственно).

Среди испытуемых выделенных четырёх групп нами был проведён следующий этап эмпирического исследования, а именно оценка 10 рекламных текстов посредством методики семантического дифференциала, итоги которой были обработаны с помощью математических методов.

По результатам проведённого исследования нами были получены следующие данные:

Анализ и интерпретация результатов в группах с разным уровнем выраженности рациональности

Первоначально сравнивались средние оценки по каждой шкале семантического дифференциала всех рекламных текстов в группах с

высоким и средним уровнями выраженности такого качества, как рациональность.

Исходя из полученных результатов, мы отметили:

1) видимые различия не выявлены по 10 из 32 парам эмоционально – окрашенных прилагательных, а именно: «грязный – чистый», «глупый – умный», «нейтральный – эмоциональный», «неприметный – впечатляющий», «отталкивающий – привлекательный», «сложный – простой», «тяжёлый – лёгкий», «безобразный – красивый», «несправедливый – справедливый», «неподвижный – движущийся».

2) возможные различия наблюдаются в 9 таких парах эмоционально – окрашенных прилагательных, как: «опасный – безопасный», «слабый – сильный», «далёкий – близкий», «низкий – высокий», «ненадёжный – надёжный», «маленький – большой», «ложный – истинный», «неинтересный – интересный», «бесполезный – полезный».

3) видимые различия в сравнении восприятия по парам эмоционально – окрашенных прилагательных наблюдается в 13 таких парах. Ими являются: «закрытый – открытый», «холодный – тёплый», «тусклый – яркий», «бесцветный – красочный», «злой – добрый», «грустный – весёлый», «пассивный – активный», «громкий – тихий», «неприятный – приятный», «обычный – таинственный», «безжизненный – живой», «суетливый – спокойный», «старый – новый». Наблюдается различие минимум в 3 из 10 текстов. По характеристике «холодный – тёплый» различие прослеживается по 6 из 10 имеющихся рекламным текстам. Исходя из таких данным, можно предположить, что уровень выраженности такого качества как рациональность влияет на имплицитную оценку рекламных текстов по перечисленным парам прилагательных.

На основании результатов первичного анализа средних оценок методики семантического дифференциала, а именно их сравнения между группами с высоким и средним уровнями выраженности рациональности, выделены такие характеристики (13 из 32 предложенных), по которым наблюдаются видимые, качественные различия. Такие характеристики были изучены более подробно и детально с применением математических методов.

Анализ посредством сравнения средних с помощью T – критерия Стьюдента выявил значимые различия в оценке рекламных текстов по биполярным шкалам «холодный – тёплый» и «тусклый – яркий» между двумя группами с разным уровнем выраженности рациональности, а именно средним и высоким. В следствии был

проведён корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона) для выявления тесноты связей между уровнем рациональности и оценкой рекламных текстов по выделенным ранее биполярным шкалам семантического пространства, по результатам которого было выявлено, что на уровне значимости 0,05 существует обратная связь между уровнем рациональности и оценкой по биполярным шкалам «холодный – тёплый» (коэффициент корреляции Пирсона равен - 0,514) и «тусклый – яркий» (коэффициент корреляции Пирсона равен - 0,503).

Данные результаты свидетельствуют о том, что с повышением уровня выраженности рациональности личности, оценка рекламных текстов с помощью шкалы «холодный – тёплый» будет приближаться к левой оценке. То есть чем выше уровень выраженности рациональности, тем «холоднее» воспринимается рекламный текст, а чем уровень рациональности ниже, тем текст будет оценен как более «тёплый». Относительно шкалы «тусклый – яркий» результаты аналогичны предыдущей шкале: чем выше у личности уровень выраженности рациональности, тем ниже будет оценка по шкале, то есть тем «тусклее» будет восприниматься рекламный текст. Чем уровень выраженности рациональности у человека ниже, тем оценка по шкале будет выше, а значит, рекламный текст будет ассоциироваться с более «ярким».

Такие результаты обосновываются тем, что обе шкалы, как «тусклый – яркий», так и «холодный – тёплый» связаны преимущественно с эмоциональной стороной личности, а именно с увеличением эмоциональности больший отклик находит яркость и теплота. Соответственно, при повышении рациональности происходит противоположный эффект.

Анализ и интерпретация результатов в группах с разным уровнем выраженности самооценки

Сравнивались средние оценки по каждой шкале семантического дифференциала всех рекламных текстов в группах с высоким и средним уровнями выраженности такого качества, как самооценка.

Анализируя полученные данные, получаются следующие результаты:

1) видимые различия не выявлены по 7 из 32 парам эмоционально – окрашенных прилагательных, а именно: «слабый – сильный», «далёкий – близкий», «злой – добрый», «глупый – умный», «грустный – весёлый», «суетливый – спокойный», «старый – новый».

2) возможные различия наблюдаются в 14 из 32 таких парах эмоционально – окрашенных прилагательных, как: «грязный – чистый», «опасный – безопасный», «ненадёжный – надёжный», «закрытый – открытый», «маленький – большой», «холодный – тёплый», «тусклый – яркий», «бесцветный – красочный», «нейтральный – эмоциональный», «неинтересный – интересный», «неприятный – приятный», «безобразный – красивый», «несправедливый – справедливый», «неподвижный – движущийся».

3) видимые различия в сравнении восприятия рекламных текстов по парам эмоционально – окрашенных прилагательных наблюдается в 11 таких парах. В числе таких пар прилагательных отмечаются: «низкий – высокий», «ложный – истинный», «неприметный – впечатляющий», «отталкивающий – привлекательный», «пассивный – активный», «громкий – тихий», «сложный – простой», «беспользый – полезный», «тяжёлый – лёгкий», «обычный – таинственный», «безжизненный – живой», «суеуслыный – спокойный», «старый – новый». Наблюдается различие минимум в 3 из 10 текстов. Например, по шкале семантического дифференциала «ложный – истинный» или «отталкивающий – привлекательный» наблюдаются различия между группами испытуемых по оценкам 3 рекламных текстов. По шкалам «низкий – высокий» и «обычный – таинственный» различие прослеживается по 4 из 10 имеющихся рекламным текстам. Такие характеристики были изучены более подробно с применением математических методов.

Был проведён корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона) для выявления тесноты связей между уровнем общей самооценки личности и оценкой рекламных текстов по выделенным ранее биполярным шкалам семантического пространства. По результатам математического анализа было выявлено, что на уровне значимости 0,05 существует прямая связь между уровнем выраженности общей самооценки и оценкой по биполярной шкале «низкий – высокий» (коэффициент корреляции Пирсона равен 0,5).

Данные результаты свидетельствуют о том, что с повышением уровня выраженности общей самооценки личности, оценка рекламных текстов с помощью шкалы «низкий – высокий» будет приближаться к правой оценке. То есть чем выше уровень выраженности общей самооценки личности, тем «выше» воспринимается рекламный текст, а чем уровень общей самооценки личности ниже, тем текст будет оценен как более «низкий».

Такой результат может обосновываться тем, что с высоким уровнем самооценки при оценивании подобными характеристиками, в

нашем случае «низкий – высокий», привлекает, посредством проекции, всё более «высокое». В то же время чем ниже самооценка человека, тем ниже он оценивает окружающее, в нашем случае рекламные тексты.

В результате эмпирического исследования мы выявили, что на восприятие рекламного текста у студентов оказывают определённое влияние такие личностные диспозиции, как рациональность и самооценка. Мы выяснили, что связь между личностными диспозициями и особенностями восприятия рекламного текста у студентов локально существует.

Список литературы:

1. Рожков И.Я. Реклама: планка для профи. – М.: Юрайт, 1997. С.34
2. Измайлова, М.А. Психология рекламной деятельности: Учебник / М.А. Измайлова. – 3-е изд. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К'», 2014. — 444 с
3. Allport G. Personality. A Psychological Interpretation. N.Y., 1938.
4. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога. – Минск.: Харвест, 1998г
5. Узнадзе Д.Н. Общая психология / Пер. с грузинского Е.Ш. Чомахидзе; Под.ред. И.В. Имедадзе. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413с.

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЛИЦИТНОГО ВОСПРИЯТИЯ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО К НИМ ОТНОШЕНИЯ

Юрьева В.О.

Студентка 2 курса магистратуры факультета психологии СГУ им. Н.Г. Чернышевского

v.yurieva7504@yandex.ru

Аннотация. В данной статье проанализировано осознаваемое, эксплицитное отношение личности к рекламным текстам. Причинами определённого восприятия рекламных текстов мы рассматриваем первоначально сформированное доверие или недоверие к таковому. Кроме того, в процессе исследования мы выделили определённые слова, словосочетания в тексте, которые оказывают влияние на оценку текста как истинного или ложного.

Ключевые слова: восприятие, эксплицитное восприятие, рекламный текст, реклама, доверие

**FEATURES OF THE EXPLICIT PERCEPTION OF ADVERTISING
TEXTS, DEPENDING ON THE CONFIDENCE IN THEM**

Yurieva V.O.

2nd year student of the Faculty of Psychology of SSU named after N.G.
Chernyshevsky
v.yurieva7504@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the conscious, explicit attitude of a person to advertising texts. The reasons for a certain perception of advertising texts we consider the initially formed trust or distrust of it. In addition, in the research process, we identified certain words, phrases in the text that affect the assessment of the text as true or false.

Keywords: perception, explicit perception, advertising text, advertising, trust

Реклама сегодня является неотъемлемой частью жизни каждого человека. Она широко применяется в любой сфере и разных сторонах жизни.

Такое поле, как реклама, изучается в разных аспектах и деталях: язык рекламы, речевые жанры, стилистическая сторона рекламы (Н.Н.Кохтев, 1991; Д.Э.Розенталь, 1981), рекламные тексты (Л.Г.Фещенко, 2003; Ю.К.Пирогова, 2000), влияние рекламы на потребителя, эффективность рекламы (А.Н.Назайкина, 2011).

Изучение рекламы и рекламной деятельности с точки зрения науки психологии рассматривается в трудах: А.Н.Лебедева-Любимова, Е.Н.Зарецкой, В.И.Шуванова (2003) и других. Одним из интересных направлений здесь является изучения психологического воздействия рекламы на потребителей. Эта проблема интересна тем, что методы этого воздействия являются хорошей основой и важным условием эффективности рекламного влияния с целью приобретения товара или услуги потребителем на восприятие человеком рекламы вообще. В рамках отмеченной тематики интересным и открытым остаётся вопрос о психологических детерминантах восприятия рекламного текста.

Целью проводимого исследования является выявление влияния доверия или недоверия к рекламному тексту на его эксплицитную оценку.

В исследовании приняли участие 40 студентов в возрасте от 17 до 21 года, учащихся в Саратовском государственном университете. Каждому испытуемому предлагалось оценить 10 рекламных текстов посредством анкеты восприятия рекламного текста, разработанной непосредственно для текущего исследования. Анкета включала вопросы о субъективном отношении испытуемого к прочитанному тексту, а именно о его впечатлении, оценке на предмет правдивости/ложности, доверия к тексту, навязчивости, эффективности. Были и открытые вопросы о том, что именно

понравилось, вызвало доверие и т.п. Рекламные тексты, в свою очередь, представляли популярные продукты повседневности, могли быть услышаны испытуемыми ранее, и состояли из 30-40 слов каждый.

Среди всех испытуемых были выделены две группы: 1. Группа доверия к тексту, и 2. Группа недоверия к тексту. В их пределах проводился дальнейший анализ на предмет навязчивости/ненавязчивости, эффективности (очень низкая, низкая, средняя, высокая и очень высокая), впечатлении – положительном или отрицательном, применительно к рекламным текстам.

Результаты приведены посредством подсчёта средних результатов в каждой группе.

Доверительное отношение к рекламным текстам в среднем возникает у 48% всех испытуемых (19 человек). В случае если доверие к тексту присутствует, были выявлены следующие результаты при анализе всех 10 рекламных текстов:

Положительное впечатление о текстах складывается почти у всех испытуемых данной группы (18 из 19 человек), и лишь у 5% рекламные тексты вызывают отрицательное впечатление;

Эффективность рекламных текстов половина испытуемых группы оценивает как высокую. 31% испытуемых группы отмечают среднюю эффективность рекламных текстов. Очень высокой эффективностью рекламные тексты отличаются по мнению 11% испытуемых (2 человека). Остальные 6% испытуемых характеризуют эффективность рекламных текстов как низкую или очень низкую;

79% отмечают её ненавязчивость, 21% - имеют обратное мнение.

Отношение недоверия к рекламным текстам в среднем возникает у 52% всех испытуемых (21 человек). В случае если доверительное отношение к текстам не возникает, а наоборот, присутствует недоверие, были выявлены следующие результаты при анализе всех 10 рекламных текстов:

Мнение о положительном и отрицательном впечатлении делится почти поровну у 9 и 12 человек (43% и 57%) соответственно;

Эффективность рекламных текстов преобладающее большинство оценивают как среднюю (43%) и низкую (33%) в количестве 9 и 7 человек соответственно. Лишь один человек из группы в среднем оценивает эффективность как очень низкую, и так же лишь один испытуемый оценивает эффективность как очень высокую. 14% всех испытуемых группы отмечают высокую эффективность рекламных текстов (3 человека);

Примерно одинаково оценивают испытуемые группы рекламные тексты с позиции навязчивости. 52% всех испытуемых (11 человек), отмечает их ненавязчивость. В противовес этому 48% (10 испытуемых), говорят противоположное мнение, а именно о навязчивости рекламных текстов.

Анализируя полученные результаты, можно говорить о тенденции положительного впечатления от рекламных текстов при возникновении доверия к ним же. В свою очередь при отсутствии такового впечатление от рекламных текстов одинаково может быть как положительным, так и отрицательным. Такая же тенденция прослеживается в отношении навязчивости, а именно: при возникновении доверия к тексту он определяется как ненавязчивый, что является положительной характеристикой в контексте нашего исследования. При отсутствии доверия к тексту мнение испытуемых разделяется поровну.

Говоря об эффективности рекламных текстов, крайние уровни эффективности редко отмечают в обеих группах, большинство отмечают среднюю эффективность. В группе с доверительным отношением к текстам в трёх средних характеристиках эффективности (низкий, средний и высокий) с их повышением наблюдается повышение средних баллов (1, 6(31%) и 10(52%) человек соответственно). В другой группе тенденция почти противоположна (7 (33%), 9(43%) и 3 человека соответственно). Значит, с преобладанием доверия к рекламным текстам их эффективность повышается по характеристикам «низкий», «средний» и «высокий». Это объясняется тем, рекламный текст эффективен тогда, когда располагает к себе аудиторию и заслуживает её доверие, поэтому с увеличением второго (доверия) растёт первое (эффективность).

По ответам на открытые вопросы мы выделили уникальные слова разных частей речи, которые вызывают доверие или недоверие. Третья группа слов присуща обеим ситуациям и способна вызывать как доверие, так и недоверие потенциального потребителя. Можно предположить, что такие слова играют большую роль в зависимости от контекста, в котором их употребляют. Результаты представлены в таблице.

Таблица: уникальные слова, влияющие на доверительное отношение к рекламному тексту

Уникальные слова, вызывающие доверие	Уникальные слова, вызывающие недоверие	Общая группа слов
Атмосфера Бережно	Более Больше	Беззаботное Длительный

Близкий	Впервые	Добрый
Бодрящий	Двойной	Красота
Дом	Идеальная	Максимальный
Забота	Кажется	Натуральный
Здоровье	Качество	Новый
Крепкий	Контроль	Отборные
Лёгкий	Невозможно	Рекомендация
Настоящий	Отличительные	Свежесть
Оригинальный	Самый	Уверенность
Очищает	Эффектная	Удовольствие
Полезный		Улучшенный
Польза		Уникальные
Природа		Целебный
Сделаем		
Сила		
Сильнее		
Снижает		
Тонизирует		
Традиции		
Укрепляет		
Хорошее		
Эксперт		

Помимо конкретных слов, нами были выявлены фразы, словосочетания и факты, влияющие на оценку рекламного текста как истинного и ложного. Правдивым рекламный текст считается, когда в нём затрагивается важная сфера жизни, например, здоровье своё и близких; цель направлена на результат, например, «чистота в доме»; «чувствуешь заботу». Так же играет важную роль ориентация на потребности; указание точных количественных данных; ссылка на экспертов, влиятельных людей, авторитетов. Лживым рекламный текст воспринимается, когда дают на беспомощность; заставляют думать, что ты недостаточно хорош; когда в тексте обращаются на «ты»; имеется много повторов и явных преувеличений.

Список литературы:

1. Кохтев Н. Н. Стилистика рекламы / Кохтев Н. Н. – М. : Издательство Московского университета , 1991. - 91 с.
2. Розенталь, Д.Э., Кохтев, Н.Н. Язык рекламных текстов / Н.Н. Кохтев, Д.Э. Розенталь, М.: Высш. Шк., 1981. 125 с.
3. Феценко Л.Г. Структура рекламного текста: Учебно-практическое пособие. – СПб.: Изд-во «Петербургский институт печати», 2003. – 232 с.
4. Пирогова Ю.К. Скрытые и явные сравнения: к вопросу о границах правды и лжи в рекламе // Рекламный текст: Семиотика и лингвистика. М., 2000;

5. Назайкин, А.Н. Эффективный рекламный текст в СМИ: монография / А.Н. Назайкин. М.: Издательство МГУ, 2011. 480с.
6. Шуванов, В.И. Психология рекламы / В.И. Шуванов. – Ростов-на-Д.: Феникс, 2003. -320 с.

ФОРМИРОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТУДЕНТА-МУЗЫКАНТА

Юмаева М.В.

Магистр психологии, практикующий психолог, г. Саратов.

yumaeva_marina@mail.ru

Аннотация: В музыкальном образовании одной из актуальнейших проблем является формирование состояния психологической безопасности личности студента, (подразумевающее эффективность профессиональной деятельности студента-музыканта на сцене), при условии профессиональной и психологической подготовки. В статье представлены данные о составляющих психологической готовности музыканта-исполнителя, предложена комплексная психолого-коррекционная программа, базирующаяся на деятельностном подходе и теории переживания Ф.Е. Василюка.

Ключевые слова: психологическая безопасность в музыкальном образовании, ситуация сцены, переживание-деятельность, психолого-коррекционная программа.

FORMATION OF THE STATE OF PSYCHOLOGICAL SECURITY OF THE STUDENT-MUSICIAN.

Yumaeva M. V.

Master of psychology, practicing psychologist, Saratov.

yumaeva_marina@mail.ru

Abstract: in music education, one of the most urgent problems is the formation of the state of psychological security of the student's personality, (implying the effectiveness of the professional activity of the student-musician on the stage), provided professional and psychological training. The article presents data on the components of the psychological readiness of the musician-performer, offers a comprehensive psychological and correctional program based on the activity approach and the theory of experience of F. E. Vasilyuk.

Key words: psychological safety in music education, scene situation, experience-activity, psychological-correctional program.

Число людей с психологическими проблемами, деструктивным поведением, различными аддикциями растет ежегодно. Это связано с тем, что человека современного общества объективная

реальность постоянно сталкивает с особыми, стрессогенными ситуациями. Психологическая безопасность личности человека становится одной из актуальных проблем психологической науки. Дети и подростки всегда являлись самой уязвимой категорией, этим обусловлена актуальность проблемы безопасности личности в педагогической психологии. В музыкальном образовании проблема психологической безопасности, несомненно, является одной из важнейших тем. Данная проблема, особенно в исполнительской деятельности студентов, подразумевает заботу о профессиональной эффективности исполнителя на сцене, что неразрывно связано с задачей психологической подготовки музыканта к концертному выступлению. Исполнительское искусство рождается только на сцене, раскрывая творческий потенциал музыканта, если музыкант-исполнитель готов к этому психологически. Именно поэтому публичные выступления являются неотъемлемой частью учебного процесса музыкальных учебных заведений всех уровней (музыкальная школа, музыкальный колледж, ВУЗ). На сцене, где до предела обнажены различные свойства индивидуальности студента-музыканта: воля, интеллект, глубина эмоций, творческая фантазия и потенциал, зритель видит результат его ежедневного труда. Рассматривая понятие психологической безопасности личности исполнителя (в частности студента-музыканта любого звена обучения) необходим акцент на чувства и переживания, связанные с функционированием музыканта в настоящем и перспективами на будущее. Ведь зачастую сценическое выступление становится психологически сложным этапом исполнительской деятельности музыканта. «Исполнителей, которые не волновались бы перед выступлением, мало. Ни талант, ни возраст, ни опыт, ни хорошее здоровье не спасают от волнения», – считал С.И. Савшинский [1с.93]. Это в равной степени относится и к обучающимся в музыкальных учебных заведениях, и к именитым артистам, неоднократно выступающим на концертных площадках. Концертирующие музыканты хорошо знают, что успех на сцене не возникает случайно, к нему следует готовиться не только профессионально, но и психологически. Несомненно, на сегодняшний день является актуальным выявление составляющих психологической готовности к исполнительской деятельности музыканта и условий их развития, что в свою очередь обеспечит психологическую безопасность музыканта на сцене.

Проблема исследования: Выявление компонентов Я-концепции, способствующих психологической безопасности

музыканта-исполнителя и эффективности его профессиональной деятельности.

Цель исследования: Выявление, обоснование и экспериментальная проверка психологических условий, способствующих формированию образа «Я – успешный исполнитель» в процессе профессионального музыкального образования.

Задачи исследования:

1. Проанализировать состояние научной разработанности проблемы исследования и причины сценического волнения.

2. Выявить и изучить компоненты Я-концепции, способствующие психологической безопасности музыканта-исполнителя в процессе профессионального музыкального образования через формирование образа «Я – успешный исполнитель».

3. Разработать программу психолого-коррекционных занятий, направленных на формирование образа «Я – успешный исполнитель», осуществить коррекционно-развивающее психологическое консультирование, и оценить эффективность.

Экспериментальная база исследования

Студенты 2–4 курсов Саратовского Областного Колледжа Искусств (среднее профессиональное учебное заведение) струнного, фортепианного, духового отделений в количестве 60 человек.

Готовность музыканта к исполнительской деятельности, способствующая психологической безопасности музыканта - исполнителя и эффективности его профессиональной деятельности, чаще всего исследуется как проблема «эстрадного волнения». Остроту этой проблемы представители сценических профессий не перестают ощущать вплоть до завершающих этапов своей сценической карьеры. Можно увидеть многочисленные примеры работы по саморегуляции сценических психоэмоциональных состояний в трудах Л. С. Ауэра, Л.Л. Бочкарева, В.И. Петрушина, Г.М. Когана, А.Л. Готсдинера, В.Ю. Григорьева, С.И. Савшинского. Однако понятие «психологическая безопасность личности» включает в себя сформированность целого комплекса личностных особенностей, которые должны быть актуализированы для эффективного осуществления исполнительской деятельности музыканта. Психологическую безопасность личности музыканта необходимо рассматривать во взаимосвязи основных компонентов психических явлений: когнитивного, эмоционального и поведенческого. В рамках деятельностного подхода, основных концепциях когнитивно-поведенческой психотерапии данная проблематика используется наиболее полно и оптимально.

Кроме того, следует подчеркнуть, что качество исполнения и внутренняя удовлетворенность от процесса и результата творчества музыканта напрямую зависят от сформированности образа «Я – успешный исполнитель». Несмотря на устойчивость, «Я-образ» – динамическое образование, на изменение которого обычно влияют: контакты со «значимыми другими», общий эмоциональный фон, сопоставление желаемого и имеющегося. В то же время, на психологическую безопасность личности влияет степень агрессивности воздействия внешних и внутренних факторов. В нашем случае к внешним факторам можно отнести: источники психологического воздействия (зрители в зале во время выступления студента), само специфическое психологическое воздействие (обратная связь – тишина в зале, шорох, овации после выступления и т.п.), а также социальная среда (социальная группа зрителей перед какой выступает студент – сокурсники, референтная группа, подшефная группа детей из общеобразовательной школы и т.д.). К внутренним факторам – знания студента, его индивидуальные особенности.

Довольно сложно предвидеть возникновение психологической опасности личности студента-музыканта, то есть тех факторов, которые могут стать деструктивными, дестабилизирующими и угрожающими. Консультирующему психологу следует обратить внимание на следующие факторы:

1. Человеческий фактор (различные реакции студента на возникающую опасность – особую жизненную ситуацию – ситуацию сцены),
2. Фактор среды (непосредственное окружение студента – семья, референтные, профессиональные группы и т. д.),
3. Фактор защищенности (средства социальные, физические, психологические, которые могут быть использованы студентом для защиты от тревожных и стрессогенных ситуаций).

Психологическая безопасность личности рассматривается учеными как процесс, как свойство личности и как состояние. Психологическую безопасность, согласно концепциям Л.С. Выготского, Д.А. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, можно рассматривать как процесс, изменяющийся в зависимости от окружения и условий социальной среды, который возникает при взаимодействии человека с социальной средой (в нашем случае со зрителями). Как свойство личности психологическая безопасность характеризуется защищенностью личности от деструктивных воздействий и внутренним ресурсом, противостоящим этим воздействиям, так как

непосредственно связана с психическими свойствами и психологическим здоровьем личности. Психологическая безопасность как психическое состояние личности, характеризуется умением адаптивно переживать особые жизненные ситуации (в нашем исследовании – ситуация сцены). В музыкально-исполнительском искусстве и образовании это наиболее актуальный подход к проблеме психологической безопасности. Музыкант-исполнитель не способный адаптивно переживать ситуацию сцены (ситуация с психотравмирующим воздействием), не обладающий внутренним ресурсом теряет возможность для своего эффективного функционирования на сцене.

Было выдвинуто предположение, что психологическая безопасность личности музыканта-исполнителя обусловлена сформированностью образа «Я - успешный исполнитель» – умением музыканта-исполнителя адекватно переживать тревожные ситуации за счет целенаправленного социально-психологического научения. В исследовании по формированию состояния психологической безопасности личности студент-музыканта применялись технологии когнитивно-поведенческой терапии (по А.Беку и Д.Бек), систематической десенсибилизации (по Д.Вольпе). Была разработана и апробирована комплексная психолого-коррекционная программа, базирующаяся на теории деятельности и теории переживания Ф.Е. Василюка.

В профессиональной деятельности музыканта-исполнителя участвует целый ансамбль психических процессов (несомненным лидером является переживание), выступая «режиссером» восприятия, памяти, воображения, эмоций. Известно два понятия процесса переживания, анализ которых Ф.Е. Василюк дает в своей работе «Психология переживания». Первое (переживание-созерцание) относится к категории психического явления, мыслится как отражение (традиционный психологический смысл термина). Кроме того, рядом с переживанием-созерцанием Ф.Е. Василюк вводит понятие переживания в категориальный аппарат теории деятельности, как самостоятельное и независимое. Это второе понятие переживания в исследовании Ф. Е. Василюка рассматривается как целенаправленная смыслопорождающая деятельность, производящая жизненно важные изменения сознания человека, что ведет к «повышению осмысленности жизни» и является регулятором любого вида деятельности человека [Зс.32].

Исполнительская деятельность студента-музыканта – особая жизненная ситуация, ставящая его перед необходимостью

переживания. Зачастую оказывается для многих музыкантов-исполнителей «ситуацией невозможности»: неизбежность нахождения на сцене и при этом невозможность самореализации из-за высокой тревожности. Для создания «ситуации возможности», то есть реализации себя на сцене, встает задача обеспечения бытия (в нашем случае сценического исполнения) смыслом, то есть процесс деятельности. Профессиональная деятельность музыканта-исполнителя даёт возможность эмоционального переживания, таким образом, включая в себя переживание-созерцание и переживание-деятельность.

В исследовании с целью выявления наиболее актуального аспекта переживаний, связанных с исполнительской деятельностью студентов-музыкантов проводились индивидуальные консультативные сессии.

В работе по формированию образа «Я – успешный исполнитель», способствующего психологической безопасности в музыкальном образовании (в ситуации сцена), был использован принцип комплексной диагностики и психокоррекции, включающей в себя:

- 1) диагностику психоэмоциональных состояний испытуемых,
- 2) диагностику и коррекцию поведенческих и когнитивных процессов,
- 3) диагностику и коррекцию профессиональной мотивации к концертному исполнению музыкальных произведений и удовлетворенности своей исполнительской деятельностью.
- 4) сформированность концепции Я-реальное (достижение психологической гармонии).

Для диагностики динамики личностных изменений в ходе целенаправленной коррекционно-развивающей программы использовались методы:

- а) определение личностной и ситуативной тревожности (тест Ч.Д. Спилберга – Ю.Л.Ханина),
- б) качественный контент-анализ сочинения «Я на сцене»,
- в) модификация теста незаконченных предложений (Д.Сакс и С. Леви),
- г) модификация теста удовлетворенность работой (Р. Кунин)
- д) систематическая регистрация автоматических мыслей, возникающих перед концертным выступлением и во время, их осознание и анализ (по А.Бек и Д.Бек);

е) детализация и ранжирование страхов, сопутствующих исполнительской деятельности музыканта (собственная разработка, и шкала страха по Д.Вольпе).

ж) тренинг (индивидуальный и групповой) составляющих психологической готовности (альтернативного поведения), а также беседы консультативного характера (с заполнением бланка обратной связи) [Зс.33].

Компоненты психологической готовности к исполнительской деятельности, определяющие адаптивное поведение в концертном выступлении, и способствующие психологической безопасности личности музыканта-исполнителя, выявленные у студентов музыкального колледжа на основе проведенного исследования:

1.Наличие интегрированного образа профессионального «Я», согласованность работы и высокая степень дифференцированности всех структур Я-концепции, их гармоничное взаимодействие

2.Умеренный уровень выраженности ситуативной тревожности (высокий и низкий уровни тревожности способствует нарушению состояния психологической безопасности личности).

3.Сформированность позитивного образа «Сцены».

4.Адаптивный образ мышления.

5.Сформированная способность к саморегуляции эмоциональных состояний в особых жизненных ситуациях – ситуациях переживания страха и тревоги (субъективное переживание-действие ситуации сцены и сформированные соответственно этому переживанию поведенческие паттерны).

В данном компоненте психологической готовности к исполнительской деятельности следует выделить два аспекта:

а) переживание эмоционально-положительного отношения со стороны референтных групп и сокурсников;

б) переживание поддержки со стороны родителей.

В ходе исследования была проведена коррекция когнитивных и поведенческих искажений.

Пример когнитивных искажений у тревожного музыканта-исполнителя в ситуации концерта (по А. Беку) – Юля (студентка 3 курса):

Глубинные убеждения: «Я бездарная, мне нет места на сцене».

Промежуточные убеждения:

Отношение: «Как ужасно быть бездарной».

Правила: «Я должна заниматься по специальности целыми днями».

Предположение: "Если я буду упорно заниматься по специальности по 8 часов в день, возможно, смогу достичь того, чего другие студенты добиваются без особых усилий».

Автоматические мысли: «Я не занималась целыми днями, что я делаю на сцене».

Эмоциональная реакция: страх.

Этапы коррекции:

1. Детализация страха.

1) Выявление особых жизненных ситуаций, способствующих формированию и развитию тревоги и страхов, и их ранжирование.

2) Выявление, осознание и систематическая регистрация автоматических мыслей и возникающих в связи с ними отрицательных эмоций.

2. Формирование психологической готовности музыканта к концертному выступлению (альтернативное поведение).

1) Коррекция неадаптивного образа мышления.

2) Психологическая десенсибилизация.

3) Развитие личности и формирование адаптивного «образа Я».

3. Тренинг составляющих психологической готовности (альтернативного поведения).

1) Формирование адаптивных концертному выступлению мыслей.

2) Систематическая десенсибилизация.

3) Использование техники планирования успешного концертного выступления (методика «Как если бы...»).

4) Упражнения по закреплению сформированного адаптивного образа «Я на сцене».

Основная задача когнитивного терапевта – добиться устойчивых эмоциональных и поведенческих улучшений, побудить пациента осуществить перестройку его мышления и системы взглядов и убеждений, то есть мотивировать когнитивные изменения. Использование техник когнитивно-поведенческой терапии и систематической десенсибилизации способствовало формированию навыка контроля собственных тревожных состояний, позволило снизить уровень тревожности студентов на сцене и добиться большей продуктивности исполнительской деятельности и удовлетворенности своей профессиональной деятельностью, то есть способствовало формированию состояния психологической безопасности студентов.

Результат тестирования по шкале оценки уровня ситуативной и личностной тревожности (Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин):

личностная (до эксперимента): 63 балла, (после) – 46 баллов
ситуативная (до эксперимента): 65 баллов, (после) – 37 баллов.

Дифференцированное ре-тестирование тревожности в структуре личности по двум шкалам показало:

Личностная тревожность:

В связи с переносом акцента с преувеличения значимости ситуации на осмысление деятельности, во время концертного выступления и подготовки к нему, практически исчезли психосоматические проявления, эмоциональные и невротические срывы.

Ситуативная (реактивная) тревожность:

В особой жизненной ситуации (концертное выступление) понизился общий уровень напряжения (тревожности), неуверенность сменилась верой в свои ресурсы, появилась эмоциональная удовлетворенность от выступления перед зрителями.

Результат качественного контент-анализа сочинения «Я на сцене»:

1) Изменилась направленность: негативное отношение испытуемых к сцене (и к концертному выступлению) поменялось на позитивное.

2) Отмечается перенаправленность интенсивности «сообщения» с описания симптомов проявления страха и преувеличения значимости сцены на эмоциональное удовлетворение, получаемое от концертного выступления.

3) Увеличился размер сочинения, характер приобрел определенную заинтересованность испытуемых к концертному выступлению.

4) У всех испытуемых появилось описание себя на сцене и испытываемых при этом эмоций.

В заключение – сочинение «Я на сцене» студентки 4 курса Саратовского Областного Колледжа Искусств до проведения коррекционно-развивающей программы и после.

Тестирование:

«Я держала скрипку в руках, стоя в артистической перед выходом на сцену. Все мои мысли были заняты предстоящим выступлением. Вот объявили мое выступление, и я вышла на сцену. Внезапно я почувствовала сильнейшее беспокойство. Сердце стало безумно биться. На ладонях и лбу выступил пот. Ноги как бы обмякли. Я подумала: наверное, я умираю...».

Ре-тестирование:

«Теперь сцена для меня приобрела другой оттенок, она стала источником вдохновения. Я смогла почувствовать в себе уверенность и силы, о которых я раньше не догадывалась. Теперь на сцене я даже чувствую домашний уют. Я перестала бояться того, что на сцене я могу растеряться, я вдруг поняла, что на сцене можно творить с ощущением спокойствия и что здесь всегда рады меня видеть. И великой радостью для меня на сцене оказалось то, что я смогла погружаться в музыку и доносить до зрителя то, что завораживает и дает прочувствовать то грусть, то радость, погружает в атмосферу мечтаний, переносит в далекое прошлое и будущее. Теперь на сцене я художник, воплощающий свои идеи и чувства посредством инструмента. Теперь я точно знаю, что хочу и могу творить на сцене».

Таким образом, осуществленная психолого-коррекционная программа способствовала формированию состояния психологической безопасности студентов через образ «Я – успешный исполнитель». Этому способствовали:

1. выработка навыка анализа когнитивных искажений, возникающих в условиях особых стрессогенных ситуаций,
2. наличие интегрированного образа профессионального «Я»
3. сформированность позитивного переживания в ситуации «Я на сцене» и осуществление десенсибилизации страха «Сцены».
4. сформированность навыков саморегуляции.

В профессиональном музыкальном образовании одной из главных задач на сегодняшний день является формирование состояния психологической безопасности музыканта в концертной деятельности, обеспечивающее успешность студента-музыканта и удовлетворенность личности собственной исполнительской деятельностью. Механизмы решения психологических проблем и выработки способов переживания сценического волнения будут развиваться и совершенствоваться до тех пор, пока человек будет выступать на сцене перед публикой, кем бы он ни был: музыкантом - исполнителем, преподавателем любого звена обучения, актером, политиком, оратором.

Список литературы:

1. Савшинский С.И. Пианист и его работа. – М: Классика – 21, 2002. – 244 с.
2. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. – М.: Изд-во Московского университета, 1984.- 200 с.
3. Юмаева М.В, Белых Т.В. Психологическая готовность музыканта к исполнительской деятельности: структурные компоненты и условия формирования. – Международная конференция по консультативной психологии, посвященная памяти Ф.Е. Василюка: сборник материалов

[электронное издание] / под ред. В.В. Архангельской, А.А. Голзицкой, Н.В. Кисельниковой, Е.А. Семеновой. – М.: ФБГНУ «Психологический институт РАО», 2018. – 30-33 с.

4. Бек, Джудит С. Когнитивная терапия: полное руководство. – М.: ООО "И.Д. Вильямс", 2006. - 400 с.: ил.

Часть 2. ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ЗАВИСТЬ И ОБИДА КАК ПРЕДИКТОРЫ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Алиева Н.С.

бакалавр факультета психологии Саратовского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского

Рутчик Е.А.

бакалавр факультета психологии Саратовского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского

Фролова С.В.

кандидат философских наук, доцент по кафедре психологии, доцент
кафедры консультативной психологии Саратовского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского

Аннотация. Представлены результаты эмпирического
исследования личностных особенностей агрессивного поведения в
социальных сетях с применением опросника изучения уровня
агрессивности А. Басса – А. Дарки, шкалы зависти Т.В. Бесковой и
авторской анкеты, направленной на выявление склонности к
киберагрессии. Выявлена значимая корреляция между показателями
агрессивного поведения в социальных сетях, склонностью к
переживанию зависти, обиды и раздражения.

Ключевые слова: агрессия, зависть, киберагрессия
(виртуальная агрессия), социальные сети, обида, раздражение.

ENVY AND GRUDGE AS PREDICTORS OF AGGRESSIVE BEHAVIOR IN SOCIAL MEDIA

Alieva N. S.

undergraduate student of the Department of Psychology, Saratov State
University

Rutchik E. A.

undergraduate student of the Department of Psychology, Saratov State
University

Frolova S.V.

Candidate of philosophical sciences, Associate Professor of the
Department of Psychology, Associate Professor of the Department of
Counseling Psychology, Saratov State University

Abstract. The article describes the results of the empirical research
into individual characteristics of aggressive behavior in social media. The

author used the Buss-Durkey Inventory to measure aggression, the Envy Scale by T.V. Beskova and the author's questionnaire aimed at identifying inclination to cyber aggression. The research revealed significant correlation between characteristics of aggressive behavior in social media, inclination to envy, grudge and irritation.

Key words: aggression, envy, cyber-aggression (virtual aggression), social media, grudge, irritation.

Проблема проявления агрессии в социальных сетях в последнее время является особенно актуальной. Данный факт обусловлен тем, что люди проводят в интернете все больше времени, так как это дает дополнительные возможности удовлетворения социальных потребностей. Социальная сеть (от англ. social networking service) – платформа, онлайн-сервис или веб-сайт, который используется для построения и организации социальных взаимоотношений. Характерной особенностью социальных сетей является то, что их контент наполняется самими участниками сети, и наличием явно установленных связей между участниками [1].

Несмотря на очевидные преимущества сети интернет, можно выделить и негативные явления, например, киберагрессия. Поведение в киберпространстве может отличаться от поведения в реальной жизни, однако они взаимосвязаны и часто зависят от одинаковых факторов. Понятие «агрессия» используется для обозначения разных форм поведения, и соответственно, имеет разные определения. Например, Арнольд Герберт Басс в 1961 году предположил, что «агрессия – это любое поведение, содержащее угрозу или наносящее ущерб другим» [6]. Феномен проявления агрессии в онлайн-пространстве начал изучаться сравнительно недавно. Данное направление в исследовании агрессивного поведения в социальных сетях привело к формированию нового понятия. В 2007 г. доктор философии Д. Шабро ввёл термин «киберагрессия», который означает форму девиантного поведения в интернет-среде. К данной форме относятся оскорбления, унижения, издевательства, манипулирование, нападки [2].

Киберагрессия подразделяется на следующие виды: флейминг (намеренное разжигание споров в интернете, публичные оскорбления и т.д.), троллинг (провокационные публикации, целью которых являются конфликты или негативные отклики), хейтинг (необоснованная критика, оскорбительные заявления в адрес другого пользователя без наличия явных причин), киберсталкинг (преследование посредством повторяющихся сообщений, которые

вызывают у жертвы тревогу или раздражение) [8]. Существуют различные формы выражения киберагрессии. Это, например, фотографии и видео, личные переписки и чаты, комментарии и обсуждения в сообществах. По данным исследований в США, почти каждый подросток сталкивался с ситуациями кибербуллинга (т.е. агрессивного поведения в социальных сетях), а каждый четвертый был жертвой кибербуллинга [9].

Некоторые ученые видят взаимосвязь между завистью и агрессией [4]. На сегодняшний день психология определяет зависть как защитную реакцию на угрозу Я, связанную с необходимостью воплощения той или иной потребности. По определению Т. В. Бесковой, зависть является враждебным отношением к другому человеку, которое детерминировано его превосходством в значимых сферах и сопровождается комплексом негативных эмоций, снижением самооценки и желанием нивелировать прямо или косвенно это превосходство [7]. Отсюда и вытекает агрессия, направленная против объекта зависти.

Цель данного исследования – изучение соотношения виртуальной агрессии, агрессии в реальном социальном поведении и с проявлением зависти.

Нами была выдвинута гипотеза о том, что пользователи социальных сетей переносят агрессию из реального мира в виртуальный, и этому способствует высокий уровень зависти.

Выборка, методы и методики исследования

В исследовании приняли участие 37 студентов в возрасте от 19 до 22 лет. Для выявления уровня агрессии в реальном социальном поведении использовался опросник Басса-Дарки (Buss-Durkee Hostility Inventory, BDHI) [5]. Используемый опросник был стандартизирован А.А. Хваном, Ю.А. Зайцевым и Ю.А. Кузнецовой. При интерпретации данных утверждения делятся на 8 шкал: физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражение, негативизм, обида, подозрительность, вербальная агрессия и чувство вины. Уровень зависти у респондентов измерялся с помощью опросника Т. В. Бесковой «Методика исследования завистливости личности» [3]. При обработке результатов выявляется два уровня зависти: «зависть-неприязнь» и «зависть-уныние». Первая шкала характеризуется наличием у индивида таких чувств как раздражение и гнев по отношению к объекту зависти. Часто в таких случаях стремление обладать тем же, чем и тот, кому завидуют, является недостижимым, и от того у объекта появляется желание навредить более успешному человеку, отсюда зачастую вытекают различного рода сплетни и

необоснованная критика, что также нередко можно наблюдать в интернет-среде. Вторая шкала связана с иным проявлением зависти. В этом случае субъект скорее подавлен из-за успехов других и собственной неспособности достичь того же. Такой человек старается игнорировать достижения соперника или же даже намеренно дискредитирует его в собственных глазах.

Специфика данной работы заключается в изучении феномена агрессии непосредственно в социальных сетях, то есть киберагрессии или виртуальной агрессии. В связи с этим нами была разработана авторская анкета, которая помогает понять, является ли индивид активным пользователем социальных сетей, и проявляет ли он агрессию по отношению к объектам виртуального взаимодействия. Анкета состоит из 20 вопросов, на которые предлагается ответить: «да», «иногда», «нет». В ходе анкетирования были выделены три шкалы. Основная шкала направлена на выявление виртуальной агрессивности. Также в этой анкете представлены две дополнительные шкалы: подверженность вербальным интернет-воздействиям и оборонительное поведение.

Для статистического анализа был использован метод корреляционного анализа Пирсона с применением компьютерной программы SPSS-22.

Результаты эмпирического изучения и их обсуждение

Прокоррелировав данные по всем шкалам мы получили следующие результаты. Значительную взаимосвязь с проявлением виртуальной агрессии имеют «обида» и «раздражение», которые являются реакциями агрессивного поведения в реальном социальном взаимодействии ($p \leq 0,01$). Обида – это зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия, а раздражение – это готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость). Значимая взаимосвязь обнаружена между проявлениями виртуальной агрессии и «завистью-неприятно» и «завистью-унынием» ($p \leq 0,01$). На таком же уровне значимости находится и взаимосвязь «раздражения» и «подверженности вербальным интернет-воздействиям». Обнаружены менее значимые взаимосвязи «подверженности вербальным интернет-воздействиям» с «косвенной агрессией», «обидой», завистью-неприятно» и «завистью-унынием» ($p \leq 0,05$). Проявление виртуальной агрессии взаимосвязано также с «физической агрессией» и «негативизмом» ($p \leq 0,05$).

В настоящее время высокий уровень виртуальной агрессии обуславливается тем, что в интернет-среде люди делятся многими

моментами своей жизни. Часто успешные люди вызывают у других пользователей зависть, которая является предиктором агрессивного поведения. Оставляя негативные комментарии, люди не боятся перейти границу, которая становится все более нечеткой по сравнению с реальной жизнью. Это связано с возможностью анонимного взаимодействия, что даёт ощущение безнаказанности, так как люди меньше чувствуют ответственность за действия, совершенные в Сети.

Заключение

Корреляционный анализ показал, что склонность к проявлению агрессии в реальном и виртуальном общении имеют положительную взаимосвязь с уровнем зависти, обиды и раздражения. Полученные результаты исследования полностью подтверждают выдвинутые нами гипотезы. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что в большинстве своем именно завистливые и обидные люди проявляют агрессивное поведение в социальных сетях. Дальнейшее исследование данной проблемы может быть связано с анализом конкретных видов виртуальной агрессии.

Список литературы:

1. Хомяков А.Н., Пацук О.В., Жорова В.В. Сравнительный анализ социальных сетей // Исследования и разработки в перспективных научных областях. Красноярск. 2018. С. 156-161.
2. Chibbaro J.S. School counselors and the cyberbully: interventions and implications // Prof Sch Couns. 2007. № 11. P. 65-67.
3. Бескова Т.В. Методика исследования завистливости личности // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 127-141.
4. Уварова Г.Н., Шевкиева Н.Б. Структурная организация агрессивности у подростков с разным уровнем «зависти-неприязни» и «зависти-уныния» // Вестник университета (Государственный университет управления (Москва). 2018. № 12. С. 170-174.
5. Басс А., Дарки А. Методика диагностики показателей и форм агрессии. Личностный опросник. М., 1957.
6. Басс А.Г. Психология агрессии. М.: ТЦ Сфера, 1967. 204 с.
7. Бескова Т.В. Социально-психологическая структура и детерминанты зависти. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 324 с.
8. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
9. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Львова Е.Н. Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области // Эпоха науки. 2017. № 12. С. 103-109.

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК ВИД ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Батеева А.А.

Магистрант 1 курса обучения, психологический факультет, СГУ имени
Н.Г. Чернышевского

anastasia.besschetnova@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблемы кибербуллинга как формы деструктивного поведения в подростковой среде; на основе анализа отечественной и зарубежной литературы проанализированы особенности причины, виды и последствия кибербуллинга на развитие личности детей.

Ключевые слова: кибербуллинг, кибер-травля, Интернет.

**CYBERBULLYING AS A TYPE OF DESTRUCTIVE BEHAVIOR ON
THE INTERNET**

Bateneva A. A.

1st year undergraduate, faculty of psychology, SSU named after N. G.

Chernyshevsky

anastasia.besschetnova@yandex.ru

Abstract: the Article is devoted to the problems of cyberbullying as forms of destructive behavior among adolescents; on the basis of analysis domestic and foreign literature, analyzed the causes, types and consequences of cyberbullying on the personality development of children.

Keywords: cyberbullying, cyberbullying, Internet

Современные инновационные технологии глубоко изменили культуру и ценности человечества. Всего за несколько десятилетий различные технологии сумели проникнуть в наше общество и основательно изменить нашу жизнь. Смартфоны, интернет и социальные сети теперь являются неотъемлемой частью нашей повседневной жизни.

Революция в сфере информационных технологий является неоднозначным, противоречивым явлением, имеющим как конструктивные, так и деструктивные аспекты. К первым можно отнести: расширение коммуникативных возможностей виртуального общения; ускоренная передача и получение информации в режиме реального времени в любую точку мира; быстрый доступ к необходимой информации (учебной, повседневной); хранение информации на электронных носителях и дальнейшее его тиражирование; возможность получения дистанционного образования; создание социальных сообществ; одновременное поддержание беседы с людьми, территориально находящимися на удаленном расстоянии

друг от друга; возможность видеть собеседника в режиме реального времени при помощи определенного устройства (смартфон, ноутбук, планшет и др.); возможность заработка онлайн как для взрослых, так и для несовершеннолетних.

Не смотря на множество конструктивных аспектов, существуют и деструктивные проявления, связанные с демонстрацией агрессии в ходе виртуального общения пользователей. К ним относят: совершение преступлений, незаконные контакты, манипулирование сознанием, кибер-агрессию. Основными видам кибер-агрессии являются: троллинг, кибербуллинг (кибермоббинг) и астротурфинг [3, с. 319].

Кибербуллинг является наиболее опасным видом кибер-агрессии, т.к. наносит не только психический, эмоциональный, но и физический вред, вызывая психические расстройства, нарушение психо-эмоционального развития, депрессию, социальную изоляцию, суицид.

Впервые определение кибербуллингу как научной категории было дано Биллом Белси (B.Belsey), который считал, что кибер-травля представляет собой «использование информационных и коммуникационных технологий (электронной почты, мобильного телефона, личных интернет-сайтов) для намеренного враждебного поведения лица или группы, направленного на оскорбление других людей в течение длительного периода времени»[5].

Среди зарубежных ученых, занимающихся изучением кибербуллинга, следует также упомянуть: К. Блайа (влияние кибербуллинга на атмосферу учебного учреждения; последствия кибербуллинга и способы защиты от него); Р.М. Ковальски, С.П. Лимбера, П.В. Агатсона (причины и виды кибербуллинга); Х.А. Кови (влияние интернет-преследования на эмоциональное развитие и социальное благополучие подростков); М. Велрейва, В. Хермана (стратегии выявления и противодействия виктимизации); Э. Вилларда, А. Шенка и В. Фримоу (копинг-стратегии в ситуации травли) и других.

В России данной проблеме до недавнего времени не уделялось должного внимания, несмотря на ее остроту. Наибольший вклад в изучение кибербуллинга в нашей стране внесли А.А. Баранов (угрозы безопасности личности подростка), К. Блайа, А.А. Бочавер, К.Д. Хломов (влияние кибербуллинга на атмосферу общеобразовательной организации; его последствия и способы противодействия); Е.В. Волченкова, Н.Р. Шевко (вопросы профилактики кибер-травли), А.С. Зинцова, Е.И.Погорелова, (влияние кибербуллинга на

психическое здоровье детей и подростков), У. Парфентьев, С.В.Рожина, Г.Е. Солдатова (обеспечение безопасности в сети Интернет).

По данным Общественной палаты «Безопасность 2.0» за 2019 год в России в 3 раза увеличились случаи кибербуллинга среди молодежи; минимум 11% мальчиков и 8% девочек в нашей стране регулярно сталкиваются с угрозами и негативными комментариями в сети Интернет [1]. Чаще всего кибер-травле подвержены дети от 14 до 17 лет, т.к. подростковый возраст характеризуется высоким уровнем чувствительности к оценке собственной личности со стороны сверстников, оскорблениям, слухам и социальным неудачам. Согласно статистическим данным Фонда развития интернет и РАЭК 46% подростков 14-17 лет чаще всего становятся свидетелями агрессивного онлайн-поведения; 44 % получили агрессивные сообщения; 47% стали жертвами кибербуллинга; 23% получали угрозы физической расправы [4].

Основной пик кибербуллинга приходится на возрастную группу детей 14 лет. По основной версии Фонда развития Интернета и РАЭК это связано с возрастным разрешением использования определенного контента с данного возраста.

Кибербуллингу как деструктивному поведению присущ целый ряд характерных особенностей: открытый, публичный характер агрессивных действий, анонимность, непрерывность, контроль ситуации травли со стороны агрессора, незащитность жертвы, несовершенство нормативно-правовой базы и технологий профилактики данного социального явления.

Основной целью кибербуллинга является нанесение психологического вреда личности, разрушение социальных отношений жертвы через преследованиее при помощи сообщений, содержащих оскорбления, запугивания, критические высказывания, публикаций негативной информации в пространстве всемирной сети Интернет.

К основным причинам возникновения кибербуллинга относят: стремление к превосходству; комплекс неполноценности; зависть; соперничество, неразвитую эмпатию; месть; развлечение; конформизм; проблемы во взаимоотношениях с ближайшим окружением (сверстниками, родителями, педагогами); отсутствие навыков конструктивного разрешения конфликтов; индивидуально-личностные особенности (замкнутость, акцентуации характера, недоверие к окружающим, агрессивность, повышенная тревожность и др.).

В зависимости от способа взаимодействия между пользователями, степени вовлеченности участников коммуникации и тяжести вероятных последствий зарубежными авторами (П. Агатстон, Р. Ковальски, С. Лимбер) выделены следующие формы кибербуллинга: флейминг, киберхарассмент, секстинг, киберсталкинг, очернение, анонимные угрозы (имперсонация), кетфишинг, диссинг, аутинг, фрейпинг, хэппислепинг, эксклюзия, киберсуицид (коллективное самоубийство) [6, с. 37].

Как и все виды насилия, травля в виртуальной среде оказывает разрушительное влияние на личность. На основании анализа отечественных и зарубежных исследований можно утверждать, что подросток – жертва кибербуллинга, сталкивается с целым рядом различных последствий: психологических, физиологических или медицинских, педагогические, социальные [2, с. 13].

Таким образом, кибербуллинг как вид деструктивного поведения, является одной из наиболее распространенных проблем в детских и молодежных группах, который оказывает негативное влияние на детей и молодежь, приводит к разрушению личности, девиациям, нарушению процесса социализации и социальной адаптации; существенно увеличивает риск суицида, провоцирует эскалацию агрессии и насилия, эмоциональные и невротические расстройства, депрессию, снижение успеваемости. В связи с этим, необходима профилактика кибербуллинга через информирование детей, педагогов, родителей о его причинах и последствиях, разработка нормативно-законодательной базы по защите детей от информации, разрушающей их физическое и психическое здоровье, усиление информационной безопасности в сети Интернет.

Список литературы:

1. За 2019 год в России в три раза увеличились случаи кибербуллинга [Электронный ресурс]: [сайт]. - URL: <https://nevnov.ru/727965-za-2019-god-v-rossii-v-tri-raza-uvlechilis-sluchai-kiberbullinga> (дата обращения: 17.10.2019). - Загл. с экрана.
2. Зинцова А.С. Влияние кибербуллинга на личность подростка // Научные труды SWorld. 2013. Т. 21. № 2. С. 12-14.
3. Иеромонах Тихон (Васильев). Негативные аспекты виртуальной коммуникации и их пастырская оценка // Христианское чтение. – 2016. – № 6. – С. 318-319.
4. Киберугрозы, киберагрессия, кибербуллинг: различия в восприятии, оценке и поведении у разных групп населения Российской Федерации [Электронный ресурс]: [сайт]. - URL: <https://raec.ru/activity/analytics/9880/> (дата обращения: 17.10.2019). - Загл. с экрана.
5. Belsey B. Cyberbullying: An Emerging Threat to the «Always On» Generation [Электронный ресурс]: [сайт]. - URL:

http://www.cyberbullying.ca/pdf/Cyberbullying_Article_by_Bill_Belsey (дата обращения: 27.03.2019). - Загл. с экрана.

6. Kowalski, R.M., Limber, S.P., & Agatston, P.W. Cyberbullying: Bullying in the digital age (2nd ed.). Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. – 294 p.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ И МЕТОДЫ ЗАЩИТЫ ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО СТРЕССА РАБОТНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Волковская В. М.

студентка 4 курса Института образования и социальных наук,
направление подготовки «Конфликтология», Северо-Кавказский
федеральный университет, Ставрополь.

E-mail: v.volkovskaya@mail.ru

Енин В.В.

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной
психологии, Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь.

E-mail: yeninvik@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается такое понятие, как информационный стресс, которое на постиндустриальном этапе развития общества коснулось различных сфер жизни. Сотрудники современной организации также столкнулись с данной проблемой. В рамках статьи приведены психологические способы и методы защиты от информационного стресса, которые помогут сделать работу сотрудников более эффективной.

Ключевые слова: информация, перегрузка, информационный стресс, сотрудники, психологические способы, методы защиты.

PSYCHOLOGICAL WAYS AND METHODS OF PROTECTION FROM INFORMATION STRESS OF WORKERS IN THE MODERN ORGANIZATION

Volkovskaya V. M.

4th year student of the Institute of education and social Sciences, training
direction "Conflictology", group CFL-b-o-16-1, North Caucasus Federal
University, Stavropol.

E-mail: v.volkovskaya@mail.ru

Enin V. V.

candidate of psychological Sciences, associate Professor of the Department
of General and applied psychology, North Caucasus Federal University,
Stavropol.

E-mail: yeninvik@mail.ru

This article deals with such a concept as information stress, which at the post-industrial stage of development of society affected various spheres of life. Employees of a modern organization are also faced with this problem. The article presents psychological methods and methods of protection from information stress, which will help to make the work of employees more effective.

Keywords: information, overload, information stress, employees, psychological methods, methods of protection.

Наше общество находится на постиндустриальном этапе развития. На смену ручному труду пришел машинный труд. Происходит замена человека техническими устройствами. Научно-техническая революция охватила все сферы жизни человека. Создается множество изобретений, которые довольно-таки упрощают нашу жизнь. Однако вместе с этим появляются новые проблемы и опасности. В XXI веке компьютеры и интернет стали неотъемлемыми спутниками нашей жизни - в совокупности они неиссякаемый источник информации, развлечений и общения. Но с другой стороны, наше общество стало наполнено большим количеством информации, которая поступает в нашу жизнь по различным каналам: в байтах, джоймах, газетных колонках, и порой человеку очень сложно остановиться на чем-то одном, сконцентрироваться и сделать правильный выбор [2].

С данной проблемой сейчас столкнулись и современные организации, в которых сотрудникам приходится работать в режиме многозадачности. Ежедневно сотрудники организации получают большой поток информации, который необходимо проанализировать, отфильтровать, преобразовать и только потом иметь возможность применить его для решения поставленных задач. Не каждый сотрудник способен каждый день проживать в таком ритме, иногда нагрузка настолько увеличивается, что человек не в состоянии воспринимать какие-либо данные, и как следствие – реакция на перегрузку – информационный стресс [1].

В последнее время данное понятие всё чаще встречается в сфере стресс-менеджмента, поэтому является актуальным его рассмотрение на теоретическом уровне и выработка психологических способов и методов защиты от информационного стресса работников в современной организации [5].

Всякого рода стресс – это ответ человеческого организма на воздействие неблагоприятных факторов. Невозможность справиться с лавинообразным потоком информации способствует развитию

информационного стресса. При этом стресс может возникнуть не только в условиях действия одного сильного раздражителя, но и при постоянном проявлении мелких отрицательных воздействий, вызывающих у человека состояния тревоги, опасности, обиды и угрозы [3].

Современные исследователи, занимающиеся данной проблемой, предпочитают выделять несколько основных причин информационной перегрузки, к которым относят:

- стремительный увеличение объема информации, непрерывный поток новых данных в той или иной области;
- изначально большой объем информации, связанный с многочисленными историческими фактами;
- общедоступность сведений, простота и легкость их получения;
- огромное количество неточностей в сведениях, противоречивая и провокационная информация;
- поступление информации мощным неструктурированным потоком [3].

Благодаря легкой доступности к интернет-технологиям в наше время человек постоянно получает массу ненужных ему сведений: сообщения из социальных сетей, чтение постов, просмотры фотографий – все это ненужным грузом откладывается в сознании [6].

В связи с этим учеными была установлена тесная закономерность между здоровьем сотрудников организаций и работой гаджетов. Реакция сотрудников на проблемы с техникой, вирусные атаки, невозможность войти в интернет для выполнения рабочих задач, потеря информации вызывает симптомы отчаяние и расстройство от невозможности пользоваться привычным устройством [1].

Чтобы распознать информационный стресс, необходимо знать его признаки. Они проявляются на трех уровнях: 1) физиологический; 2) поведенческий; 3) психологический [3].

Сотрудник, находящийся в условиях информационной перегрузки ведет себя следующим образом:

- испытывает тошноту, изжогу, сухость во рту, повышение давления, скованность движений;
- реакция уставшего от информации человека - отключение от реальности, он не видит и не слышит сигналов окружающего мира;
- появление усталости, а если стресс регулярный, то она переходит в хроническую форму;
- рассеянность, безразличие к поведению окружающих людей;

- невозможность сконцентрировать внимание, сосредоточиться на важном;

- и наконец, потеря профессиональных качеств: трудности в сосредоточении и принятии решений [6].

Попадая в ситуацию информационного стресса, каждый сотрудник реагирует на неё по-разному: от состояния повышенной активности до ухода в депрессию. В проявлении стресса имеют значения индивидуальные характеристики каждого сотрудника. Нет двух людей, которые бы совершенно одинаково проявили себя. Большинство стрессов в жизни человека инициируется и воспроизводится им самим [2].

Несмотря на некоторые различия в индивидуальности сотрудников, существуют определенные способы и методы защиты от информационного стресса, которые могут помочь сотрудникам быть более эффективными, минимально травмируя свой организм, сохраняя высокую работоспособность.

Хотелось бы обратить внимание на такой способ защиты, как избирательность к потребляемой информации. Так как на сегодняшний день мировой объем сведений составляет примерно 1,8 зеттабайт, большая часть из которых является ненужной, поэтому необходимо получать информацию дозированно и выбирать что-то одно, но качественное [4].

Научитесь отмечать негатив. Обращайте внимание на свою реакцию и чувства при получении информации, стараясь не заикливаться на том, что несет негативный оттенок. Такие новости вызывают у сотрудника депрессивные мысли, вследствие чего он может плохо себя чувствовать [4].

Займитесь организацией своего режима в рабочее время. Если отрицательная реакция на информацию появляется в силу профессиональной загруженности, постарайтесь какое-то время не браться за изучение нового материала, иначе стресс гарантирован. Организуйте режим, отдыхайте в перерывах. Многие сотрудники организаций тратят драгоценные минуты отдыха на социальные сети, разбор спама, увеличивая информационную перегрузку [4]. Когда силы восстановятся, вы сможете более эффективно освоить нужную вам новую информацию.

В запоминании большого количества данных вам поможет составление планов и интеллектуальных карт, в которых стоит отмечать только ключевые моменты [1].

Еще один способ защиты от информационного стресса – это борьба с фрагментарным вниманием. Ежедневно сотрудники

потребляют огромное количество сведений лишь поверхностно, не оставляя времени на то, чтобы досконально разобраться в вопросе. Тем самым они только загружают свою голову, в итоге от этого нет никакой пользы, и к тому же, присутствует реакция стресса [6]. Следует справляться с фрагментарным поступлением сведений, желательно изначально выбрать одну задачу и решить её более качественно.

Важно, также выходить на свежий воздух, совершать пешие прогулки. Таким образом, используя ежедневно в своей работе различные психологические способы и методы защиты, сотрудники организаций смогут более качественно подходить к выполнению задач, стоящих перед ними, избирательно относиться к нескончаемому потоку поступающей информации, акцентировать внимание на самом важном, тем самым противостоять информационному стрессу, который в век информационных технологий является актуальной проблемой общества.

Список литературы:

1. Акимов, Ю.Н. Психология управления / Ю.Н. Акимов. – Москва: Гриф УМО ВО, 2018. – 320 с.
2. Белова, Н.А. Влияние стресса на профессиональную деятельность. [Электронный ресурс] – URL: [https://sibac.info/archive/economy/6\(43\).pdf](https://sibac.info/archive/economy/6(43).pdf)
3. Всё о стрессе [Электронный ресурс] <https://ostresse.ru/stress-v-jizni/informacionnyj-stress.html#i>
4. Дехтяр, Б.С. Как защитить себя от стресса / Б.С. Дехтяр. - М.: Фаир-Пресс, 2015. - 176 с.
5. Полукаров, В.Л., Петрушин, В.И. Психология менеджмента / В.Л. Полукаров, В.И. Петрушин. – Москва: Кнорус, 2016. – 274 с.
6. Самотруева, М.А., Сергалиева М.У. Информационный стресс: причины, экспериментальные модели, влияние на организм / М.А. Самотруева, М.У. Сергалиева, А.Л. Ясенявская, М.В. Мажитова, Д.Л. Теплый, Б.И. Кантемирова // Астраханский медицинский журнал. – 2015. - № 5. – С.25-31.

**ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМА И
ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА**

Грачев Г.В.

Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии
личности СГУ
gg057_1@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема формирования информационно-психологической компетентности личности как основного способа обеспечения информационно-психологической безопасности личности в условиях образовательного процесса вуза, угрозы информационно-психологической безопасности личности студента, трёхкомпонентная структура психологической безопасности личности (социально-психологическая, информационно-психологическая, индивидно-личностная)

Ключевые слова: структура психологической безопасности личности, информационно-психологическая компетентность личности, психологическая безопасность личности, информационно-психологическая безопасность личности, социально-психологическая безопасность личности, индивидно-личностная безопасность личности, информационно-коммуникационная компетентность, информационно-коммуникативная компетентность, медиакомпетенция, аутопсихологическая компетентность, образовательный процесс, информационная безопасность личности, культура личной информационной безопасности, социотехнические системы, угрозы информационной безопасности личности, угрозы психологической безопасности личности, угрозы информационно-психологической безопасности личности.

INFORMATION-PSYCHOLOGICAL SECURITY: THE PROBLEM
AND PROSPECTS OF FORMATION OF INFORMATION-
PSYCHOLOGICAL COMPETENCE OF PERSONALITY IN THE
EDUCATIONAL PROCESS OF THE UNIVERSITY

Grachev G. V.

Doctor of psychology, Professor of the Department of personality
psychology SSU
gg057_1@mail.ru

Annotation. The problem of formation of information-psychological competence of personality as the main method of ensuring information and psychological security of a person in the conditions of educational process of the University, threats to information-psychological security of the individual student, a three-component structure of psychological security of a person (socio-psychological, information-psychological, individe personal)

Key words: structure of psychological security of personality, information-psychological competence of personality, psychological security of the person, information-psychological security of the person, socio-psychological security of the person, individe personal security of the person, information and communication competence, information-

communicative competence, metacompetence, autopsychological competence, educational process, informational security of the person, the culture of personal information security, sociotechnical systems, threats to personal information security, the threat of psychological security of a person, threats of information-psychological security of personality.

Среди основных направлений обеспечения информационной безопасности в области науки и образования в Доктрине информационной безопасности России выделяется - обеспечение защищенности граждан от информационных угроз, в том числе за счет формирования культуры личной информационной безопасности.

Современной устойчивой тенденцией общественного развития является полноценный переход к новому качественному состоянию общества – информационному обществу. Развитие личности и реализация основных жизненных целей, ее жизнедеятельность осуществляется в условиях роста интенсивного использования информационно-телекоммуникационных средств, инновационных процессов, активизации творческой и деловой активности в Интернет-среде, компьютеризации рабочих мест и внедрения новых информационных технологий. Причем эта тенденция носит устойчивый характер. В настоящее время все большее число людей становятся активными участниками социотехнических систем, включенность в которые тем самым создает угрозы информационной безопасности личности. В наиболее общем виде угрозы информационной безопасности личности в социотехнических системах представляется возможным разделить на две основные группы.

Первая группа связана с воздействием на личные информационные ресурсы и информационно-технические устройства (компьютеры, смартфоны, системы накопления информации, программные средства, используемые человеком в личных и профессиональных целях в интернет-коммуникации).

Вторая группа связана с использованием контента, распространяемого в социотехнических системах, которая может быть отнесена к угрозам информационно-психологической безопасности личности.

Формирование культуры личной информационной безопасности осуществляется за счет овладения человеком совокупностью взаимосвязанных компетенций, интегрируемых в структуру его индивидуальности. Информационно-психологическая

компетентность личности играет в этом процессе системообразующую роль.

Психологическая безопасность личности рассматривается как состояние защищенности от угроз внешнего характера и внутреннего, обеспечивающее ее целостность как активного социального субъекта и возможностей развития в условиях взаимодействия человека с различными социальными субъектами и окружающей средой. Она может обеспечиваться за счет внешних социальных условий, формируемых обществом и внутренних психологических условий (механизмов и т.п.). В различные периоды общественного развития баланс этих условий различен в зависимости от специфики происходящих социальных процессов. Кроме того, весьма вариативны внутренние условия, так как связаны с многообразием индивидуальных различий людей, особенностями их образа жизни.

Угрозы внешнего характера можно разделить на две основные группы: 1) связанные с информационной средой; 2) определяемые включенностью в реальные социальные группы и отношения. Конечно, достаточно очевидно, что такое деление весьма условное, особенно в контексте тенденций развития информационной среды так как, во-первых, информационная среда позволяет из виртуальных групп и отношений переходить к формированию реальных социальных групп и социальных действий и, во-вторых, деятельность реальных социальных групп в определенной степени (большей или меньшей) опосредована информационными факторами. Таки образом, информационная среда является составляющей социальной среды. Но механизмы воздействия на психику человека обладают определенной спецификой выделенных двух групп угроз. Это отражается в формировании механизмов их обеспечения в форме определенных компетенций, что находит отражение в научных исследованиях и практике, в частности при использовании компетентного подхода [6-14]. Поэтому в данном контексте (в прикладных целях) можно остановиться на понимании социальной среды в узком смысле, исключая включение в ее структуру информационной среды.

Для первой из выделенных выше групп при обеспечении психологической безопасности личности и соответственно, как ее компонента – информационно-психологической безопасности выступают определяющими такие компетенции как информационно-коммуникативная (коммуникационная), медиакомпетентия, информационно-психологическая компетентность, выступающая как системообразующая в этой группе компетенций. Для второй – социально-психологическая компетентия.

В соответствии с этим подходом можно выделить следующие компоненты при психологической безопасности личности – информационно-психологическая и социально-психологическая безопасность. При этом иметь ввиду, что при понимании социальной среды в широком плане, как включающей и информационную среду соответственно социально-психологическая безопасность личности включает и ее информационно-психологическую безопасность.

В качестве компонента психологической безопасности личности в контексте ее обеспечения от угроз внутреннего характера можно выделить индивидуально-личностную безопасность, а соответствующим основным механизмом – аутопсихологическую компетентность.

Обеспечение информационно-психологической безопасности с учетом тенденций общественного развития имеет приоритетное значение в системе психологической безопасности личности и выступает необходимым условием ее полноценного развития и жизнедеятельности в целом. Причем в данном случае личность рассматривает в широком смысле этого понятия как субъект жизнедеятельности.

Одним из существенных факторов, определяющим сложность решения задач, по обеспечению информационно-психологической безопасности личности в условиях образовательного процесса вуза заключается в том, что информация, влияющая на формирование и развитие студентов, поступает не только из образовательной среды учебного заведения, но и из более широкого информационно поля – из социокультурной среды, в которую включен любой человек, в том числе и студент.

Для студентов образовательная и коммуникационная среда ВУЗа являются одним из наиболее значимых компонентов социокультурной среды. Вместе с тем под влиянием развития информационной среды общества в ней также происходят существенные изменения. Это связано с тем, что настоящее время в социокультурной среде на качественно более высокий уровень значимости выходит информационный фактор. Информация в сочетании с современными технологиями и средствами их доставки людям создали не просто новый уровень доступа к ней, а изменили коммуникационную среду в обществе в целом и в том числе в вузах.

Использование ГИС Интернет, открывая новый уровень возможностей информационного взаимодействия людей, одновременно создает качественно новый уровень воздействия на них, в том числе деструктивного характера. Спектр такого воздействия

достаточно обширен и многообразен. От дезинформации, мошенничества, недобросовестной рекламы до вовлечения в деятельность экстремистских и террористических структур – вот неполный перечень средств этого воздействия. Психологические манипуляции стали массовым и обыденным явлением. Но это не снижает, а повышает их опасность, особенно для молодого человека, находящегося в стадии активного формирования и социализации в обществе.

Налицо повышение угроз, которые в общем виде обозначаются как угрозы гуманитарной составляющей информационной безопасности или информационно-психологической безопасности. То есть резко возросли угрозы информационно-психологической безопасности, деструктивно влияющие на формирование личности и социализацию студентов.

В условиях активизации угроз, связанных с деструктивным информационным воздействием (в частности с использованием ГИС Интернет), возрастает необходимость принятия адекватных мер противодействия им.

Как основная угроза информационно-психологической безопасности в отношении студенческой молодежи выступает формирование под воздействием информационных источников и коммуникаций неадекватных социальных представлений, которые могут стать психологической основой готовности к соответствующим этим представлениям формам асоциального поведения.

Из этой категории социальных представлений в качестве основных можно выделить следующие: о риске и рискованном поведении; о радикальных формах социального взаимодействия; о допустимых формах насилия в разрешении конфликтов (межличностных, этнических, социальных); о допустимых формах протестного поведения, в том числе политического; о допустимых формах достижения значимых жизненных целей и защиты собственных интересов.

В рамках образовательного и воспитательного процессов проводится работа, которая в определенной мере направлена на обеспечение информационно-психологической безопасности студенческой молодежи. Но предпринимаемых мер недостаточно. Это определяется спецификой угроз информационно-психологической безопасности и соответственно необходимостью использования для противодействия им специфических методов и средств. В качестве одного из основных направлений можно выделить – формирование информационно-психологической компетентности студентов.

Основной психологический механизм обеспечения информационно-психологической безопасности личности - формирование ее информационно-психологической компетентности, которая имеет надпредметный и надпрофессиональный характер.

В качестве основных составляющих информационно-психологической компетентности личности можно выделить следующие:

- Знание угроз информационно-психологической безопасности личности, основных методов и средств информационно-психологического воздействия.

- Готовность к активному выявлению признаков угроз информационно-психологической безопасности личности и навыки их выявления.

- Умение выявлять угрозы информационно-психологической безопасности личности и соответствующим образом противодействовать им.

Это основные составляющие информационно-психологической компетентности личности, которая может быть сформирована в процессе обучения на основе изучения ряда гуманитарных дисциплин и специализированного курса подготовки.

Но для того чтобы это стало возможным данный процесс должен быть системно организован и соответственно организационно и ресурсно обеспечен. Это определяется необходимостью реализации в масштабах вуза ряда мер (комплексов мероприятий – организационно-управленческих, научно-исследовательских, учебно-методических, информационно-аналитических и материально-технических) по следующим основным направлениям.

1. Разработка информационно-методической основы для формирования информационно-психологической компетентности студентов университета, как основного механизма информационно-психологической безопасности личности (подготовка соответствующих информационно-методических материалов и специализированной информационно-образовательной среды (ИОС) на основе дистанционного обучения).

2. Внедрение в образовательный процесс университета программ (учебно-методических модулей, сопряженных с информационно-образовательной средой) формирования информационно-психологической компетентности студентов.

В процессе научно-исследовательской (совместно с Грачевой И.Г., Литвиненко М.В., Расторгуевым С.П.) и преподавательской деятельности автором разработаны и апробированы основные

элементы базового курса и методики, направленные на формирование информационно-психологической компетентности личности [1-5]. Эти наработки были использованы при разработке магистерской программы СГУ по направлению «Киберпсихология» (Информационно-психологическая безопасность личности в цифровом мире).

В рамках данной программы разработаны учебно-методические материалы, обеспечивающие в том числе, формирование культуры личной информационной безопасности, осуществляемой за счет овладения студентом совокупности взаимосвязанных компетенций, системообразующей из которых выступает информационно-психологическая компетентность личности.

Список литературы:

1. Грачев Г.В. Проблемы и возможности обеспечения информационно-психологической безопасности личности, общества и государства в современных условиях // Социально-психологические аспекты обеспечения национальной безопасности : материалы Междунар. Науч.-практ. Конф., Минск, 3–4 декабря 2015 года : в 2 т. / Ин-т нац. Безопасности Респ. Беларусь ; редкол. : С.Н.Князев (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – Т. 2. – 324 с. + 6 с. Ил. (с. 150-154).
2. Грачев Г.В., Грачева И.Г. Экспертиза информационно-психологического воздействия средств массовой информации как научная и социальная проблема // Экстремизм и средства массовой информации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. В.Е.Семенова. – СПб.: Астерион, 2006, (с.19-23).
3. Грачев Г.В., Грачева И.Г., Литвиненко М.В. Психологическая концепция и методика подготовки специалистов по информационно-психологической экспертизе материалов СМИ // журн. Человеческий капитал, М.: Буки Веди. - № 9 (57), 2013, с. 33-37.
4. Грачев Г.В., Грачева И.Г. Возможности подготовки специалистов по информационно-психологической экспертизе материалов СМИ для решения задач обеспечения информационно-психологической безопасности // Подготовка кадров для субъектов системы обеспечения национальной безопасности. История и современность : материалы Междунар. Науч.-практ. Конф., Минск, 22 декабря 2016 года : в 2 т. / Ин-т нац. Безопасности Респ. Беларусь ; редкол. : А.Л.Лычагин (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – Т. 1. – 336 с. (с. 238-241).
5. Грачев Г.В., Грачева И.Г. Анализ смысловой структуры текста как способ выявления манипулятивных приемов психологического воздействия // Когнитивное моделирование: Труды Пятого Международного форума по когнитивному моделированию (10-17 сентября 2017 г., Португалия, Кашкайш). В 2-х частях. / Отв. науч. ред. С.И. Масалова, В.Н. Поляков, В.Д. Соловьев. - Часть 2. Когнитивное моделирование в науке, культуре, образовании: Труды V Международной конференции «Когнитивное моделирование в науке,

культуре, образовании. CMSCE-2017» – Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2017.

6. Зайцева О. Н. Формирование информационно-коммуникационной компетентности в системе уровня образования [Текст] // Проблемы и перспективы развития образования: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Пермь, январь 2013 г.). — Пермь: Меркурий, 2013. — С. 124-126. — URL <https://moluch.ru/conf/ped/archive/66/3196/> (дата обращения: 01.12.2019).

7. Клименко Е. И. Информационно-коммуникативная компетенция — ключевое понятие современного образования // Молодой ученый. — 2015. — №22. — С. 816-818. — URL <https://moluch.ru/archive/102/22425/> (дата обращения: 01.12.2019)

8. Компетентный подход в педагогическом образовании: Коллективная монография / Под ред. проф. В.А.Козырева и проф. Н.Ф.Радионовой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2004. – 392 с.

9. Равен Д. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. – М.: 2002.

10. Пьяных Е. Г. Развитие информационно-коммуникационной компетентности управленческих кадров системы образования в процессе повышения квалификации: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.08, Томск, 2007. Савельева О.А. Развитие информационной и коммуникативной компетентностей в системе информационной подготовки студентов-психологов на основе информационно-образовательной среды : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.02, Красноярск, 2004.

11. Савельева О.А. Развитие информационной и коммуникативной компетентностей в системе информационной подготовки студентов-психологов на основе информационно-образовательной среды : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.02, Красноярск, 2004.

12. Степнова Д.А. Развитие аутопсихологической компетентности государственных служащих: дисс..... д-ра психол наук. – М., 2003

13. Словарь / Под. ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. — М.: ПЕР СЭ, 2006.; Словарь конфликтолога / Анцупов А.Я., Шипилов А.И. – 2009.

14. Фёдоров А.В. Медиакомпетентность личности: от терминологии к показателям//Телекоммуникации и информатизация образования. 2007 № 3. С.26-54.

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОМ МИРЕ: НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МАГИСТЕРСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА

Грачев Г.В., Белых Т.В.

Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии
личности СГУ
gg057_1@mail.ru

Доктор психологических наук, заведующая кафедрой
консультативной психологии СГУ
tvbelih@mail.ru

Аннотация. В статье представлены методические основания создания новой магистерской программы, описаны основные группы задач, связанные с формированием необходимых компетенций магистрантов, обучающихся по направлению «Психология» (уровень магистратуры) профилю ««Киберпсихология» (Информационно-психологическая безопасность личности в цифровом мире).

Ключевые слова: киберпсихология, информационно-психологическая безопасность личности в цифровом мире, культура личной информационной безопасности.

INFORMATION-PSYCHOLOGICAL SECURITY OF THE PERSON IN
A DIGITAL WORLD: NEW DIRECTION FOR MASTER IN
EDUCATIONAL PROCESS OF THE UNIVERSITY

Grachev G. V., Belykh T. V.

Doctor of psychology, Professor of the Department of personality
psychology SSU
gg057_1@mail.ru

Doctor of psychology, head of the Department of Advisory psychology of
SSU
tvbelih@mail.ru

Annotation. The article presents the methodological basis for the creation of a new master's program, describes the main groups of tasks associated with the formation of the necessary competencies of undergraduates studying in the direction of "Psychology" (master's level) profile "Cyberpsychology "(Information and psychological security of the individual in the digital world).

Key words: cyberpsychology, information and psychological security of the person in the digital world, culture of personal information security.

С учетом современных тенденций общественного развития и изменений в международной обстановке 5 декабря 2016 года утверждена новая Доктрина информационной безопасности России. В ней проанализированы основные информационные угрозы, дана оценка состоянию информационной безопасности. Приводятся основные направления обеспечения информационной безопасности в различных областях функционирования государства и общества.

Среди основных направлений обеспечения информационной безопасности в области науки и образования выделяется - обеспечение защищенности граждан от информационных угроз, в том числе за счет формирования культуры личной информационной безопасности.

Актуальность проблемы развития цифровой среды и ее гуманитарное значение отмечается в Указе Президента Российской Федерации от 09.05.2017г. №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы».

Эти тенденции находят отражение в новых программах подготовки магистров для обеспечения их эффективной работы в инновационных и цифровых средах. В 2019 году открыта магистерская программа в МГУ по направлению «Психология в цифровом мире (Киберпсихология)», магистерская программа в СГУ по направлению «Киберпсихология» (Информационно-психологическая безопасность личности в цифровом мире).

Несмотря на определенные различия в учебных планах эти программы направлены на подготовку высококвалифицированных психологов, способных обеспечивать информационно-психологическую безопасность детей, подростков и взрослых в сети Интернет и формировать соответствующие компетенции у магистров.

Инновационный характер этих программ требует научного осмысления исходных теоретических предпосылок и учебно-методического обеспечения их реализации.

Подготовка высоко квалифицированных специалистов, эффективно осуществляющих профессиональную деятельность в сети, Интернет реализуется за счет формирования компетенций, направленных на овладение навыками:

- проведения информационно-психологической экспертизы, заключающейся в изучении и оценке воздействия информационных материалов на людей (психику человека),
- организации и осуществления психологического сопровождения образовательной деятельности с целью обеспечения информационно-психологической безопасности личности в условиях образовательного процесса,
- осуществления профессиональной психологической помощи различным категориям пользователей сети Интернет, нуждающихся в своевременной психологической профилактике и коррекции интернет и игровой аддикции, сохранении психического и психологического здоровья.

Формирование системы компетенций определяется решением следующих групп задач, логически взаимосвязанных с дисциплинами учебного плана.

1. Магистранты в ходе освоения программы должны знать:

- структуру интернет-среды и специфику информационных процессов в социотехнических системах (социальных сетях),
- социальную психологию информационного общества,
- возрастную психологию пользователей интернета,
- психологию коммуникации в социальных сетях,
- специфику и способы обеспечения психологической безопасности личности,
- психологию познавательных процессов,
- актуальные проблемы и возможности обеспечения информационно-психологической безопасности личности,
- законы логики и теорию аргументации,
- психологию понимания и методологию анализа текстов.

2.Магистранты должны владеть навыками:

- осуществления информационно-психологической экспертизы (экспертиза контента, распространяемого в социальных сетях, экспертиза масс-медийного воздействия),
- психодиагностики и коррекции личностных особенностей пользователей интернета (аддикций и деформаций личности пользователей интернета),
- выявления и противодействия манипулятивному влиянию,
- формирования и развития культуры личной информационной безопасности.

3. Магистранты должны уметь:

- анализировать угрозы негативного информационно-психологического воздействия,
  - осуществлять экспертизу информационно-образовательной среды для обеспечения психологической безопасности личности с целью сохранения психологического здоровья детей, подростков и взрослых людей,
  - осуществлять подбор адекватных, научно-обоснованных методов диагностики, психологической профилактики и коррекции, направленных на обеспечение психологической и информационно-психологической безопасности личности в киберпространстве.
- Реализация указанных групп задач при подготовке магистров-психологов будет способствовать созданию кадров, способных:

-осуществлять анализ влияния киберпространства, способного вызвать снижение сопротивляемости личности деструктивному психологическому и информационно-психологическому воздействию;
-выявлять угрозы психологической и информационно-психологической безопасности личности;
-оказывать психологическую помощь детям, подросткам и взрослым с различными видами девиаций, как следствия деструктивного психологического и информационно-психологического воздействия;
-осуществлять психологическое сопровождение информационно-образовательной деятельности с целью формирования культуры личной информационной безопасности.

Инновационность этой магистерской программы определяет необходимость постоянного ее научно-исследовательского сопровождения с целью совершенствования содержания и форм образовательного процесса. В связи с этим особую актуальность приобретают регулярный обмен опытом преподавательского состава, скоординированность научно-исследовательской деятельности магистрантов, выполняемых под руководством ведущих преподавателей, апробация и внедрение в образовательный процесс полученных результатов и успешных форм учебно-методической деятельности.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ «РАСПАДУ ИСТИНЫ» В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕХАНИЗМЫ

Ивановский А.В.

доктор технических наук, профессор, профессор кафедры правовой информатики Академии МВД Республики Беларусь

E-mail: a_ivanovsky@mail.ru

Аннотация. В работе предложена система принципов обеспечивающих ведение информационного противоборства в Белнет. Внесены предложения по построению контура государственного управления, обладающего устойчивостью к деструктивным воздействиям. Приводится перечень гарантий прав и ответственности участников информационного обмена в русскоязычном сегменте виртуального пространства. Рассмотрен перечень критериев, используемых при оценке достоверности информационных материалов.

Ключевые слова: информационное противоборство, методология, принципы, права, ответственность, достоверность, информационные материалы.

COUNTERING “DECOMPOSITION OF TRUTH” IN VIRTUAL SPACE: METHODOLOGY AND MECHANISMS

Ivanouski A.V.

Doctor of sciences Tech., professor, professor of the department of Legal Informatics of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, e-mail: a_ivanovsky@mail.ru

Abstract. The paper proposes a system of principles providing informational confrontation in Belnet. Proposals have been made to build a public administration circuit that is stable in destructive influences. A list of legal guarantees of the rights and responsibilities of participants in information exchange in the Russian-language segment of the virtual space is provided. The list of criteria used in assessing the reliability of information materials is given.

Key words: informational confrontation, methodology, principles, rights, responsibility, reliability, informational materials.

Современная социально-политическая война глобальных конкурентов ведется в виртуальном пространстве с нарастающей интенсивностью, полем сражения стала социально-психологическая битва за умы людей, сохранение национального ядра установок и смыслов, приоритеты идеологических ценностей общества. В словосочетании «социально-политическая война» явно просматривается связь с реальными боевыми действиями [1,2]. Для ведения этой войны в виртуальном пространстве уже создан *комплекс ИТ-технологий*, обладающий свойством эмерджентности и комплексно формирующий деструктивное информационное воздействие (далее – ДВ). Этот комплекс обеспечивает направления ведения информационного противоборства (далее – ИП). Среди них: точное целеуказание; искусственный интеллект; алгоритмизация подготовки рекомендаций и решений; создание образов виртуальной реальности; обмен данными и обеспечение взаимной осведомленности; голосовые интерфейсы; блокчейн и распределенный обмен информацией и деньгами на нижнем уровне управления; подделка видео- и аудио записей; системы наблюдения [1, с.67].

Объектом ДВ в первую очередь выступают базовые элементы национального духа (менталитета). Его ядерный слой образуют ключевые элементы: коллективная память; социальные представления, установки и отношения; закрепляющие их коллективные эмоции, чувства и настроения; нормы, ценности и идеалы; национальный характер и темперамент; язык; ментальные репрезентации культуры; стиль мышления и социального восприятия; поведенческие образцы; национальную идентичность [3].

В пространстве Белнет обострилась ситуация ИП, произошел «распад истины». Одновременно существуют несовпадающее отражение фактов и событий реального мира.

Реагирование на информационные угрозы национальным интересам и безопасности Республики Беларусь носит системный характер. Необходимость рефлексии определила выбор ряда принципов, стратегии информационного отпора, облика устойчивой к ДВ структуры контура государственного управления, подходы к правовому закреплению порядка взаимодействия институтов общества и органов власти; координацию ответных мер и согласованных действий с другими суверенными правительствами, союзниками и партнерами.

Нормативное закрепление эти действия получили в Концепции информационной безопасности Республике Беларусь (далее – Концепция) [4], а содержательное наполнение термина «*деструктивное информационное воздействие*» зеркально отражает перечень угроз, возникающих при ведении социально-политической войны [5]. ДВ системно и понимается широко как «осуществление информационного влияния на политические и социально-экономические процессы, деятельность государственных органов, а также физических и юридических лиц в целях ослабления обороноспособности государства, нарушения общественной безопасности, принятия и заключения заведомо невыгодных решений и международных договоров, ухудшения отношений между государствами, создания социально-политической напряженности, формирования угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей, создания препятствий для нормальной деятельности государственных органов, причинения иного ущерба национальной безопасности» [6].

Современная *методология ИП* отражает достигнутый уровень развития научно-практических разработок, социальных и ИТ-технологий. При определении национальных подходов принимались решения по систематизации, оценке реализуемости и затратам к

ведению ИП, привлекались знания политологии, социальной коммуникации, юридической психологии, криминалистики, ИТ-технологий сбора, структурирования, обработки и предоставления информации для принятия решений.

Информационные потенциалы ресурсов Беларуси и виртуальных интервентов в Белнет не сопоставимы, асимметричны [7]. На пользователей и белорусское общество в целом оказывается массированное возрастающее по интенсивности и токсичности ДВ [8,9]. В Концепции с учетом существующего баланса сил и средств определены *принципы* ведения ИП: *информационный суверенитет и нейтралитет*, ориентация располагаемых сил и средств на асимметричные ответы [10]. Отметим, что политика нейтралитета для средних и малых стран, как правило, ориентирована на уклонение от прямого столкновения с интервентом. Выбор указанных выше принципов определен желанием уменьшить число участников противостояния и снизить информационную напряженность [11].

Классическая структура контура государственного управления включает ряд элементов: органы власти, исполнительные механизмы (экономику, финансовую систему, образование и т.д.), объекты управления (отдельных граждан и их группы в обществе), органы государственного и общественного контроля, обеспечивающие организацию обратных связей. В ситуации ведения социально-политической войны в виртуальном пространстве ситуация усложняется. ИП представляет случай, когда на один и тоже объект (человека, группу) одновременно действует два разнонаправленных по достигаемой цели воздействия (задающее и возмущающее).

Как уже отмечалось выше, внешние силы формируют возмущающие ДВ комплексно, оказывают согласованное по целям, задачам, времени, пространству, ресурсам, состояниям влияние на все элементы контура государственного управления. В экономической сфере основным средством давления является введение санкций. В общественно-политической сфере используется социальный инжиниринг. Его цель – перевод морально-психологического состояния общества в иное, желаемое внешним субъектом. Для этого под задачи ИП модифицирована *технологии «окон Дж.Овертона»*. Само «окно» отражает смыслы, в которые верит общество. На эту веру влияют ДВ, содержащие как правдивые факты, так и недостоверную информацию. Такие действия направлены на сдвиг «окна» [12]. Технология предусматривает формирование в сознании общества последовательности мемов, поэтапной подмены смыслов и установок, закрепления ценностей, отражающих интересы интервента.

Очевидно, что у сторон ИП возникает проблема выбора *устойчивой к ДВ организационной структуры*. В теории управления известен *принцип инвариантности* (независимости). В соответствии с этим принципом инвариантность возможна только в системах, имеющих для распространения ДВ не менее двух каналов [13]. В случае, когда эти условия выполняются не полностью, говорят об инвариантности с точностью до некоторой наперёд заданной величины. Второй канал распространения ДВ в контуре организуют путем создания информационно-аналитических систем мониторинга виртуального пространства, по результатам которого в дальнейшем и формируют контрмеры.

В онлайн-пространстве информационные потоки сообщений, их тематика и смыслы интенсивно меняются. Работа информационно-аналитических систем основана на обработке *моделей процессов*, которые при мониторинге ИП классифицируются как *динамические со структурой, изменяющейся в случайные моменты времени* [14].

Что касается перечня контрмер, то в белорусском варианте ИП вынужденно используют целенаправленные и ассиметричные ответы на ДВ. При этом компенсирующие воздействия формируются с меньшими, чем у оппонентов, затратами на проведение операций ИП. Одним из примеров ассиметричных действий белорусской стороны может быть согласование позиций и мер с союзниками и партнерами по вопросу цифрового доверия на международной конференции высокого уровня «Борьба с терроризмом при помощи инновационных подходов, использования новых и возникающих технологий». На конференции обсуждалась и проблема установления границы между свободой слова (общения, самовыражения) и бесконтрольным (безнаказанным) поведением ряда пользователей в сети интернете [15]. Последний вопрос не так прост.

Правовые ограничения свободы слова не должны противоречить нормам международного права [16], Конституции страны [17, 18]; соответствовать степени угрозы правам и интересам общества; позволять предвидеть последствия ДВ. Поэтому важно как можно четче обозначить разграничительную линию между и правами и ответственностью конкретных граждан в обеспечении информационной безопасности личности, общества, государства. Важным направлением деятельности правового государства является поддержание баланса уровня цифрового доверия и признание конституционного права на информацию, закрепление свободы сбора, обработки и распространения информации. В белорусском законодательстве этот баланс закреплён:

в статье ст.33 Конституции каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение, гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды (ст.34); каждый имеет право направлять личные или коллективные обращения в государственные органы (ст.40); каждый имеет право пользоваться родным языком, выбирать язык общения (ст.50);

обеспечивает безопасность белорусского информационного общества и концептуальный принцип отмены цензуры, включающий в себя запрет на ограничение свободы информации (особо касающейся безопасности граждан), запрет на монополизацию СМИ и воспрепятствование их деятельности. Запрет облечен в конституционную форму (ст.33 Конституции – каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение). В Уголовном кодексе Республике Беларусь (далее – УК) установлена ответственность в случае нарушений этого принципа (ст. 197 («преследование граждан за критику»), ст. 198 («воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста»), ст. 268 («сокрытие либо умышленное искажение сведений о загрязнении окружающей среды»), ст. 308 («несообщение информации об опасности для жизни людей»)).

В белорусском законодательстве введена *ответственность* за ряд видов противоправной деятельности:

деструктивная пропаганда – ст.123 («пропаганда войны»), ст.130 («разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни») УК;

призывы и иное побуждение к совершению преступлений и антисоциальных деяний – ст.146 («склонение к самоубийству»), ст.361 («призывы к действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь») УК;

распространение ложной информации – ст.188 («клевета»), ст.367 («клевета в отношении Президента Республики Беларусь»), ст.249 («дискредитация деловой репутации конкурента»), ст.250 («распространение ложной информации о товарах и услугах»), ст.257 («обман потребителей»), ст.340 («заведомо ложное сообщение об опасности»), ст.350 («модификация компьютерной информации»), ст.369-1 («дискредитация Республики Беларусь»), ст.400 («заведомо ложный донос»), ст.401 («заведомо ложное показание») УК;

сокрытие общественно важной информации – ст.268 («сокрытие либо умышленное искажение сведений о загрязнении окружающей среды») УК;

публичные оскорбления, унижение чести и достоинства – ст.189 («оскорбление»), ст.368 («оскорбление Президента Республики Беларусь»), ст.369 («оскорбление представителя власти») УК.

Нормативное регулирование обеспечения информационной безопасности в Республике Беларусь развивается по нескольким направлениям: обеспечение информационной безопасности в СМИ, обеспечение информационной безопасности в сети интернет, обеспечение информационно-психологической безопасности, регулирование института тайн, регулирование безопасности систем связи, техническая защита информации, безопасность архивного дела и делопроизводства. Данные направления располагают собственными системами законодательства (от законов до подзаконных актов). Каждая из систем имеет оригинальный понятийный аппарат и собственную теоретическую основу. Нормотворчество по ним обеспечивается уполномоченными и профильными государственными органами.

В российском законодательстве также предусмотрена ответственность за распространение деструктивной информации: ст. 2052, ч. 3 ст. 212, ст. 280, ст. 2801, ст. 354 УК Российской Федерации (далее – УК РФ); об ответственности за оправдание или реабилитацию преступных деяний (ст. 2052, ст. 3541 УК РФ); об ответственности за распространение информации, возбуждающей ненависть или вражду (ст. 282 УК РФ) [19].

Информационные материалы, попадающие под действие законодательства, все же появляются в сети интернет. Поэтому правозащитные организации периодически снабжают своих подопечных соответствующими рекомендациями [20,21, 23].

В 2016 году исследователи корпорации RAND приступили анализу контента электронных СМИ и социальных сетей, оценке содержания в них истины. В итоге в созданном контенте был выявлен «распад истины», проявляющийся в следующих тенденциях: растущее несогласие по поводу фактов и интерпретации аналитических данных; размывание границы между фактом и мнением; увеличение относительного объема и, как следствие, большее влияние мнения по сравнению с фактом; снижение доверия к ключевым источникам информации, которые раньше рассматривались как источники достоверной информации о фактах (правительство и СМИ [24].

Стало очевидно, что доверие представляет важный для общества феномен [25]. Его нужно рассматривать как индикатор ощущения гражданами информационно-психологической безопасности, а для поддержания правопорядка в виртуальном пространстве проводить оценку агрессивности и токсичности виртуального контента. Важен и единая методическая основа оценки достоверности, своего рода трафарет, экспертные лекала. Анализ оценки достоверности сообщений может включать ряд шагов: содержание опубликованной информации, контекст, в котором она преподносится, мотив и целевая направленность создания информационного материала, круг адресатов, которым он предназначен, порядок и полнота изложения ситуации, присутствие манипулирования с фактами [26, 27].

Список литературы:

1. The Emerging Risk of Virtual Societal Warfare Social Manipulation in a Changing Information Environment. Michael J. Mazarr, Ryan Michael Bauer, Abigail Casey, Sarah Anita Heintz, Luke J. Matthews. – [электронный документ] 225 p. – URL : – https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2714.html (Дата обращения : –10.10.2019).
2. Modern Political Warfare Current Practices and Possible Responses Linda Robinson, Todd C. Helmus, Raphael S. Cohen, Alireza Nader, Andrew Radin, Madeline Magnuson, Katya Migacheva. – [электронный документ] –
3. URL: – https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1772.html (Дата обращения: – 10.10.2019). (Дата обращения: – 10.09.2019) .
4. Юревич А.В. Структурные элементы национального менталитета // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 29. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (Дата обращения: –10.10.2019). .
5. Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 года «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» URL: – <http://president.gov.by/uploads/documents/2019/1post.pdf> (Дата обращения: –10.10.2019).
См. [1], Introduction, p.7.
См.[3], п.8.
6. Аялон, Амичай и Брайан Майкл Дженкинс. Война какими средствами, по чьим правилам? Вызов для демократий, сталкивающихся с асимметричными конфликтами: материалы семинара RAND – Израильский институт демократии, 3–4 декабря 2014 года. Санта-Моника, Калифорния: RAND Corporation, 2015. https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF334.html.
7. Елисеев А. Кардинальные перемены в антибелорусской дезинформации и пропаганде: анализ количественных и качественных изменений. Исследовательский центр EAST (Eurasian States in Transition). Апрель 2019.

[электронный документ]. URL : – east-center.org > 2019/04 > [Belarus-Disinformation-Propaganda-2019-RU](http://east-center.org/2019/04/Belarus-Disinformation-Propaganda-2019-RU) (Дата обращения : –10.10.2019).

8. Анализ работы Запада в Беларуси /Аналитический центр «Агентство социального инжиниринга SEA» [электронный документ] URL :

https://sea.com.ru/wp-content/uploads/2019/03/Analiz_raboty_zapada_v_Belorussii.pdf (Дата обращения : –10.10.2019).

9. Смена культурного кода Белоруссии через агрессивную национализацию / Аналитический центр «Агентство социального инжиниринга» [электронный документ]. URL: [http:// sea.com.ru](http://sea.com.ru) (Дата обращения: – 10.10.2019).

10. Кавешников, Н. «Малые и вредные?» Международные процессы, т.13, № 3, 2014. С. 84-92. URL: – <http://www.intertrends.ru/eighteenth/011.htm> (Дата обращения: –10.10.2019).

11. Черникина, В.Н. Модели нейтралитета европейских стран / Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 1 (19).– с. 115-126.

12. Overton Windows URL: – <https://www.mackinac.org/OvertonWindow> (Дата обращения: –10.10.2019).

13. Б. Н. Петров, В. Ю. Рутковский, “Двукратная инвариантность систем автоматического управления”, Док. АН СССР, 161:4 (1965), с. 789–790.

14. Артемьев, В.М. Основы теории динамических систем со случайными изменениями структуры. Мн.: Выш. школа, 1978. 186 с.

15. Международная конференция по борьбе с терроризмом. 3 сентября 2019 года.– [Электронный документ] – URL: – http://president.gov.by/ru/news_ru/view/uchastie-v-mezhdunarodnoj-konferentsii-po-borbe-s-terrorizmom-21910/ <https://www.mackinac.org/OvertonWindow> (Дата обращения: –10.10.2019).

16. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163; Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (Минск, 26 мая 1995 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 13. – Ст. 1489; 9. Международный Пакт о гражданских и политических правах человека 1966 г. // Сборник стандартов Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: Официальное издание ООН. – Нью-Йорк, 1992.

17. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «Консультант-Плюс».

18. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) URL: – <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>

19. Коунов, И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации : дисс. канд. юридич. наук 12.00.08 / И.М. Коунов –[Кубанский госуд. ун-т] –Краснодар – 2017– 208 с.
20. Гуштын, Д. Как в Беларуси наказывают за комменты и репосты в интернете // tut.by, 13 мая 2019. URL : — <https://news.tut.by/society/637182.html?tg>
21. Границу дозволенного я обозначить не могу. Интервью И. Кравцовой с И. Огорелковым [электронный документ] Meduza, 27 апреля 2018. <https://meduza.io/feature/2018/04/27/granitsu-dozvolennogo-ya-oboznachit-ne-mogu> (Дата размещения 27 апреля 2018).
22. Е.А. Михеев, Е.А.,Нестик, Т.А. Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований //Социальная психология и общество. 2018. Т.9.№2 с. 5-20.
23. Jennifer Kavanagh and Michael D. Rich, Truth Decay: An Initial Exploration of the Diminishing Role of Facts and Analysis in American Public Life, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, RR-2314-RC, 2018.
24. Донцов А.И., Перельгина Е.Б., Зотова О.Ю., Мостиков С.В. Доверие как фактор психологической безопасности в межнациональном взаимодействии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 21—34. doi:10.17759/sps.2018090202 (Дата обращения : –10.10.2019).
25. Колычева, А.Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети интернет : дисс. канд. юридич. наук 12.00.12 / А.Н. Колычева – [Российский госуд. ун-т правосудия] – Москва – 2018 –199 с.
26. Белоедова, А.В. Категория достоверности в современных журналистских текстах (теоретический и практический аспекты) : дисс. канд. филол. наук 10.01.10 / А.В. Белоедова. [Белгородский госуд. ун-т], – Белгород, – 2017. – 246 с.

АНТРОПОМОРФИЗАЦИЯ ГАДЖЕТОВ

Емельянова А.О.

студентка II курса факультета психологии СГУ имени

Н. Г. Чернышевского

annet.universe@yandex.ru

В статье рассматривается феномен антропоморфизации электронных устройств как следствие переживания человеком чувства одиночества. В контексте данной статьи антропоморфизация представляет собой перенесение человеческого образа, его свойств или характеристик на неодушевлённые предметы. Цель исследования заключается в выявлении взаимосвязи между переживанием чувства одиночества и антропоморфизацией гаджетов, выступающей в качестве компенсаторного фактора социальной изоляции.

Ключевые слова: антропоморфизм, одиночество, гаджеты, социальная изоляция, фактор престижа.

ANTHROPOMORPHISM OF GADGETS

Emelianova A.O.

II year student of the faculty of psychology of SSU

annet.universe@yandex.ru

The article investigates the phenomenon of anthropomorphism of electronic devices as a consequence of human experience of loneliness. In the context of the article, anthropomorphism is the transfer of a human image, its properties or characteristics to inanimate objects. The aim of the study is to establish the relationship between the experience of loneliness and anthropomorphism of gadgets, acting as a compensatory factor of social isolation.

Key words: anthropomorphism, loneliness, gadgets, social isolation, prestige factor.

Антропоморфизация, то есть, приписывание человеческих характеристик и свойств нечеловеческим агентам, пронизывает человеческое суждение [1]. Люди способны распознавать человеческие черты в природных образованиях, например, различая черты лица в облаках, на Луне или на склонах гор. Люди склонны приписывать человеческие цели, убеждения и эмоции животным, например, интерпретируя поведение двух птиц, как заигрывание друг с другом. Также люди могут видеть в своих автомобилях верных спутников, если те на протяжении нескольких лет или десятилетий работают исправно [2].

Антропоморфизм описывается как тенденция наполнения реальной или воображаемой активности нечеловеческих агентов человеческими характеристиками, мотивациями, намерениями или эмоциями [3].

Одной из известных теорий антропоморфизма является трехфакторная теория антропоморфизма Николаса Эпли, Адама Уайта и Джона Качиоппо [3]. Авторы делают попытку описать с помощью предлагаемой теории склонность человека к антропоморфизации, которая детерминируется тремя основными факторами. К первому из них относится доступность и возможность применения знаний о человеке к объекту (терминологически - знание о вызываемом агенте), ко второму фактору относится наличие у субъекта мотивации объяснить и понять активность объекта (терминологически - мотивация воздействия), к третьему фактору относится наличие у субъекта желания социального контакта и принадлежности (терминологически - мотивация социальности). Таким образом, авторы теории считают, что люди более склонны к антропоморфизации, когда

они мотивированы быть эффективными социальными агентами, когда доступны антропоцентрические знания и когда отсутствует чувство социальной связи с другими людьми.

Когнитивные процессы получения и интеграции знания о конкретном объекте взаимодействия детерминированы двумя дополнительными мотивационными механизмами - эффектностью и социальностью. Эффектность по мнению Уайта [4], связана с необходимостью эффективности взаимодействия с окружающей средой. Применительно к антропоморфизму эффектность включает в себя мотивацию успешности взаимодействия с неантропоморфными объектами и действует в интересах повышения способности объяснять сложные стимулы в настоящем и предсказывать поведение этих стимулов в будущем. Приписывание человеческих характеристик и мотиваций неантропоморфным объектам взаимодействия повышает способность осмыслить характер их активности, уменьшает неопределенность, связанную с их активностью, и повышает уверенность в предсказаниях результатов активности в будущем.

Преимущество антропоморфизма в данном случае состоит в том, что он создает условия для проверки пробных действий, что позволяет в реальности или же в перспективе корректировать поведение человека по отношению к неантропоморфному объекту, возникает возможность получения информации о том, что допустимо при взаимодействии с неантропоморфным объектом, а что недопустимо. Сам факт наличия неопределенности в поведении в отношении неантропоморфных объектов способен породить тревожность, необходимость снижения уровня которой оказывает влияние на процессы прогнозирования поведения субъекта, что, в свою очередь, влияет на склонность к антропоморфизации неантропоморфного объекта.

Социальность, как мотивационный механизм, отражает потребность установить социальные связи с другими людьми. Антропоморфизация неантропоморфного объекта позволяет в какой-то мере удовлетворить эту потребность. В отсутствии возможности установления непосредственной (контактной) социальной связи с другими людьми, конструируются заменители человеческих агентов из неантропоморфных объектов через их антропоморфизацию, что и позволяет в той или иной мере удовлетворить социальные потребности. На основе этого можно прогнозировать, что антропоморфизм будет увеличиваться, когда люди чувствуют отсутствие социальной связи с другими людьми и уменьшаться, когда люди чувствуют сильное чувство социальной связи.

Таким образом, антропоморфизм служит одним из способов удовлетворения цели чувствовать себя эффективным в своей среде или усиливать чувство социальной связи и, следовательно, должен увеличиваться в зависимости от этих двух мотивационных состояний.

Основной целью данного исследования является выявление корреляции между процессом антропоморфизации гаджетов и переживанием чувства одиночества.

Предмет исследования - антропоморфизация как компенсаторный фактор социальной изоляции.

Гипотеза исследования: антропоморфизация гаджетов является коррелятом возникновения чувства одиночества.

Выборку составили студенты Саратовского государственного университета в возрасте от 17 до 22 лет в количестве 200 человек.

Логика исследования состояла в следующем. Первоначально было необходимо разработать методику оценки как самого факта антропоморфизации субъектом гаджета, так и степень выраженности антропоморфизации. В последующем необходимо было диагностировать наличие степени выраженности переживания одиночества данным субъектом и сопоставить эти параметры между собой.

Первая часть исследования, анализу которой посвящена данная работа, включала в свой состав ряд приемов сбора информации. Одним из них был письменный опрос, целью которого являлся сбор информации об отношении человека к своему телефону, а также о переживании или не переживании чувства одиночества этим человеком. Опрос включал в себя два вопроса: «Назовите 20 прилагательных, описывающих Ваш телефон» и «Продолжите следующие предложения: «Я испытываю чувство одиночества, когда...» и «Чаще всего я испытываю чувство одиночества...». Сбор и анализ статистических данных производился в MS Excel.

В результате опроса было получено 640 различных прилагательных. Чувство одиночества было выявлено у 183 респондентов, остальные 17 респондентов отрицали переживание чувства одиночества, либо отмечали его редкое переживание. Можно предположить, что человек, переживающий чувство одиночества в процессе антропоморфизации будет использовать прилагательные, которые применимы по отношению к человеку, нежели к неодушевленному объектам. Другими словами, мы ожидали увидеть, что одинокий человек будет антропоморфизировать свой гаджет. Однако после проведения опроса перед нами возникла следующая проблема: какие прилагательные считать антропоморфизирующими, а

какие неантропоморфизирующими. Многие прилагательные, которые использовали респонденты в качестве своего ответа, являются полисемичными. К примеру, слово «дорогой» имеет минимум два значения: «дорогой по цене» и «дорогой для души». В первом случае прилагательное не является антропоморфизирующим, а во втором случае, это слово приобретает свойство антропоморфизма.

Для решения данной проблемы мы выбрали из полученных 640 различных прилагательных 50 наиболее частотных и провели повторное исследование методом субъективного шкалирования. Испытуемым был предоставлен список из наиболее частотных прилагательных, без информирования о частотности. В ходе шкалирования была использована следующая инструкция. «Насколько предмет, обладающий этим свойством живой или неживой?». Испытуемые должны были сделать отметку на гладкой линейной графической шкале без градуирования, на которой в крайней позиции слева было слово «живой», в крайней позиции справа - «неживой». В дальнейшем, при обработке, для получения числовых данных шкала была трансформирована в столбальную.

Далее по результатам, полученным в ходе шкалирования, был проведён факторный анализ с целью выявления основных факторов, по которым происходит антропоморфизация гаджетов. Методом выделения факторов являлся метод главных компонент. Факторный анализ позволил выявить три фактора антропоморфизации: престижа, эмоциональный и функциональный. Выявление фактора престижа показывает, что антропоморфизация гаджета имеет социальную направленность, как это известно из приведенных выше литературных данных, однако эта направленность специфична, поскольку сам факт престижа специфичен.

Фактор престижа наполнен следующими данными: Сенсорный (,839), Матовый (,838), Навороченный (,817), Выключенный (,813), Электронный (,777), Металлический (,757), Прямоугольный (,748), Мобильный (,717), Многофункциональный (,690), Производительный (,641), Новый (,608), Удобный (,606), Созданный (,539), Умный (-,537), Мощный (,523), Милый (-,507), Жесткий (,490), Позитивный (-,484), Белый (,447), Черный (,424), Современный (,419), Легкий (,417), Широкий (,401), Полезный (,401).

Эмоциональный фактор имеет следующие показатели: Симпатичный (,736), Интересный (,720), Красивый (,691), Любимый (,667), Хороший (,652), Позитивный (,579), Старый (,535), Надежный (,529), Умный (,512),

Незаменимый (,497), Чистый (,493), Нужный (,453), Большой (,417), Мой (,409).

Функциональный фактор включает в себя такие параметры, как: Крутой (,655), Стильный (,616), Яркий (,586), Быстрый (,566), Классный (,560), Мощный (,525), Легкий (,523), Длинный (,508), Громкий (,493), Широкий (,491), Большой (,470), Собственный (,431), Обычный(,427), Нужный (,414).

Авторы «Русского семантического словаря» включают понятие престижа в группу «Социальная ценностность, общественная оценка»[5]. По словам Е.Э. Бабаевой: «Всё престижное обладает в глазах общества особой значимостью и вызывает желание попасть в его орбиту, потому что причастность к престижному сама по себе повышает социальный статус человека[6]. Понятие престижа в современном речевом употреблении и сознании носителей русского языка в большей степени сближается с понятием моды, популярности, известности [7]. Таким образом, мы приходим к выводу, что антропоморфизация гаджетов происходит из желания человека повысить свой социальный статус, приобщившись к модным тенденциям, что отчасти подтверждает теорию Уайта о социальности, как о мотивационном механизме антропоморфизации. Человек ввиду отсутствия возможностей установления непосредственных социальных контактов, вынужден прибегать к заменителям человеческих агентов, что и позволяет в некоторой мере удовлетворить социальные потребности.

Согласно сложившемуся в психологии представлению, субъектность — это способность человека выступать агентом (субъектом) действия, быть независимым от других людей. Если учесть, что, по мнению М.А.Щукиной, субъектность связана с активностью, инициативностью, преобразующими возможностями человека, то можно допустить, что антропоморфизация гаджета является формой проявления такой активности. Субъект, по - видимому, не удовлетворен собственным социальным статусом и компенсирует это антропоморфизацией гаджета, то есть независимость от других людей проявляется как своеобразная форма зависимости.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что полученных в ходе исследования данных о корреляции процесса антропоморфизации гаджетов и переживания чувства одиночества недостаточно для суждения о прочности этой взаимосвязи. В дальнейшем исследование будет проводиться с целью выявления уровней одиночества и их корреляций с процессом антропоморфизации.

Проведенное исследование позволило сформулировать проблему антропоморфизации как проблему престижа личности, который объясняется желанием человека к установлению социальных контактов с такими людьми, которые могут способствовать повышению социального статуса субъекта. Антропоморфизация гаджетов, на наш взгляд, имеет компенсаторный характер и в какой-то мере покрывает дефицит социализации.

Список литературы:

1. Guthrie, S. (1993), *Faces in the Clouds: A New Theory of Religion*, New York: Oxford.
2. Aggarwal, P., & McGill, A. L. (2007), Is That Car Smiling at Me? Schema Congruity as a Basis for Evaluating Anthropomorphized Products. *Journal of Consumer Research*, 34(4), 468–479.
3. Epley N., Waytz A., & Cacioppo J. T. (2007), On Seeing Human: A Three-Factor Theory of Anthropomorphism. *Psychological Review*, 114 (4), 864–886.
4. Epley N. & Waytz A. (2008), When we need a human: motivational determinants of anthropomorphism. *Social Cognition*, 26 (2), 143-155.
5. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слова и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под. общ. ред. Н.Ю.Шведовой. М., 1998.
6. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Под общ. руководством акад. Ю.Д.Апресьяна. М., 2000.
7. Крючкова Н.В. Что такое престиж? // *Русская речь*. 2009. Т. 1. С. 53-57.
8. Щукина М. А. Психология саморазвития личности: монография. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. 348 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АКТИВНЫХ ИНТЕРНЕТ-ЗРИТЕЛЕЙ ОНЛАЙН-ТРАНСЛЯЦИЙ С ДЕМОНСТРАЦИЕЙ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Корчагина А.Д.

студентка факультета психологии Саратовского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского,

Фролова С.В.

кандидат философских наук, доцент по кафедре психологии, доцент
кафедры консультативной психологии Саратовского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского

Аннотация. В данной статье рассматриваются социально-психологические особенности интернет-пользователей, которые являются постоянными, активными зрителями онлайн-трансляций («треш-стримов») с демонстрацией асоциального, девиантного поведения. Проведенное исследование позволило выявить характерное для таких интернет-пользователей снижение ряда показателей адаптивности: эмоционального комфорта, принятия других людей,

использования копинг-стратегий «поиск социальной поддержки», «положительная переоценка», «планирование решения проблемы». Установлено, что увлечение «треш-стримами» связано с эскапизмом как способом ухода от проблем.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, кибер-агрессия, стримы, девиантное поведение.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ACTIVE INTERNET-USERS WATCHING ONLINE BROADCASTING OF DEVIANT BEHAVIOR

Korchagina A.D.

Undergraduate student of the Department of Psychology, Saratov State
University

Frolova S.V.

Candidate of philosophical sciences, Associate Professor of the Department
of Psychology, Associate Professor of the Department of Counseling
Psychology, Saratov State University

Abstract. The article deals with social and psychological characteristics of active internet-users who regularly watch online broadcasting (“trash streams”) that features antisocial deviant behavior. The research revealed a number of lower adaptability characteristics among these internet-users: emotional control, acceptance of other people, the use of coping strategies such as “seeking social support”, “positive reappraisal”, “problem solving”. The authors conclude that preoccupation with “trash streams” is connected with escapism as a way of avoiding problems.

Key words: social and psychological adaptability, cyber-aggression, streams, deviant behavior.

В последние годы неуклонно растёт популярность стримов – трансляций контента в режиме реального времени через интернет [2]. Стриминг как онлайн-трансляция своей деятельности через специализированные сайты превращается из хобби в способ заработка, для некоторых людей – основной. За свою работу стримеры – люди, осуществляющие такие трансляции, получают от своих зрителей денежное вознаграждение в виде пожертвований, так как сами трансляции показываются бесплатно. Пожертвования называются донатами и могут направляться как добровольный взнос, так и в виде платежа за то или иное произведённое на стриме действие. Коммерциализация начинает влиять на тот контент, который создают стримеры. Пользователи могут транслировать свои прогулки, процесс

приготовления еды, прохождения видеоигры, танцы и музыкальные эксперименты, просто общаться с аудиторией [1].

Внимание нашего исследования сосредоточено на онлайн-трансляциях, в которых стримеры ведут себя отклоняющимся от общепринятых норм поведения образом. Актуальность данного исследования обусловлена чрезмерной распространенностью девиантного контента в Интернете. Эта среда, где активно проявляют себя представители нового поколения, имеет существенное влияние на их жизненные ориентиры и поведение. Влияние может быть как позитивным и полезным, так и отрицательным, деформирующим сознание и личность. [4] Люди могут перенимать образцы поведения ярких, необычных и просто успешных людей (стримеров с высоким заработком можно считать таковыми), даже если оно аморально, этически неприемлемо, рискованно. Особенно это свойственно молодой аудитории ещё не окончательно обозначившей для себя границы недопустимого поведения.

Целью данного исследования является изучение социально-психологических особенностей активных интернет-зрителей онлайн-трансляций с демонстрацией девиантного поведения. В исследовании принимало участие 59 человек. Все они являются активными интернет – пользователями. Экспериментальная группа составила 29 человек, в неё вошли зрители онлайн трансляций с демонстрацией отклоняющегося поведения, а также люди, просматривающие видеоролики с вырезками самых ярких моментов данных стримов не реже двух-трёх раз в неделю. В контрольную группу вошли 30 человек – люди, никогда не смотревшие данный контент, либо столкнувшиеся с ним, но не проявившие интереса к дальнейшему просмотру.

Методики исследования: первичное анкетирование с целью разделить экспериментальную и контрольную группы; вторичное анкетирование экспериментальной выборки с целью получения информации о влиянии стримов и эмоциональном отклике, который они могут вызвать; методика «Копинг-тест» (Р. Лазарус, С. Фолкман) [7]; методика диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерс и Р. Даймонд, модификация А.К. Осницкого) [6]; включенное наблюдение за аудиторией данных стримов в интернет-сообществе с фиксацией особенностей их интернет – коммуникации. Для формирования экспериментальной группы пришлось прибегнуть к «онлайновому исследованию» [5]. Использовались посты в тематических сообществах и отправка сообщений в тематические беседы. Заинтересовавшиеся участники могли перейти по ссылке,

ответить на вопросы из анкеты и выбранных для исследования методик.

Испытуемым предлагалось заполнить психологическую анкету, состоящую из двух частей. Первая часть служила отбору людей, которые не смотрят «треш-стримы», вторая – предназначалась только для поклонников этого интернет-контента, её вопросы выявляли эмоциональное отношение к участникам и самим стримам, время, проводимое за данным занятием. Исследовалась зависимость от трансляций, могут ли респонденты пренебречь реальным общением ради стрима. Оценивалась готовность испытуемых потратить на своё увлечение ту или иную сумму денег. Отмечалось наличие или отсутствие влияния стримов на мировоззрение испытуемых и его характер.

Анализ данных по методике диагностики социально-психологической адаптации показал, что интернет-пользователи, смотрящие «треш-стримы», обладают нормальными показателями по шкалам адаптации (среднее значение $\bar{x} = 58,3$), самовосприятия (среднее значение $\bar{x} = 68,4$), принятия других ($\bar{x} = 53,8$), и интернальность ($\bar{x} = 62,5$), а вот уровень эмоционального комфорта у них снижен ($\bar{x} = 40,3$). Низкий балл по данной шкале говорит о наличии у респондентов тревожности, напряжённости, эмоциональной неуравновешенности, неудовлетворённости окружающей действительностью. При возникновении проблем эти участники чаще прибегают к стратегии эскапизма ($\bar{x} = 15,1$), то есть предпочитают справляться с трудностями виртуальными средствами, существующими лишь субъективно.

В контрольной группе результаты по методике диагностики социально-психологической адаптивности получились немного лучше, средние баллы по шкалам там оказались нормальными или завышенными. Следовательно, представители данной группы легче приспосабливаются к условиям взаимодействия с окружающими людьми, более уверены в себе и обладают более высокой самооценкой.

Сравнение двух выборок с помощью t-критерия Стьюдента показало следующие статистически значимые различия по шкалам: принятие других ($t = 3,392$ при $p \leq 0,008$), эмоциональный комфорт ($t=8,372$ при $p \leq 0,001$) и эскапизм ($t = - 3,998$ при $p \leq 0,008$). Эти данные говорят нам о том, что у испытуемых из экспериментальной группы снижена терпимость к другим людям, их слабостям и недостаткам, повышена критичность к окружающим. Присутствует стремление сохранять определённую дистанцию при общении с

окружающими. Участники более склонны давать отрицательные характеристики другим личностям, чем положительные, возможна конфликтность. Склонность к эскапизму у зрителей «треш-стримов» значительно выше, чем у контрольной группы.

Анализ результатов по методике «Копинг-тест» выявил следующие особенности копинг-поведения изучаемой группы: наименее предпочитаемым копингом оказалось «принятие ответственности». «Дистанцирование» и «положительная переоценка» – наиболее предпочитаемые в данной группе копинги. Участники преодолевают негативные переживания в связи с проблемой за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее, и не склонны ставить себе в вину все происходящие с ними неприятности. Такое сочетание копинг-стратегий может приводить к дезадаптации в тяжёлые жизненные периоды.

Результаты контрольной группы достаточно отличаются. Пользователи, не интересующиеся «треш-стримами», гораздо чаще прибегают к стратегиям «планирование решения проблемы» ($t = 4,484$ при $p \leq 0,001$) и «положительная переоценка» ($t = 2,502$ при $p \leq 0,008$). Так же они охотнее обращаются за помощью к другим людям (копинг «поиск социальной поддержки», $t = 3,392$ при $p \leq 0,008$), предпочитают получать поддержку со стороны окружающих, полагаются на их мнение и не отказываются от помощи в трудных ситуациях. Респонденты склонны анализировать проблему и фокусировать усилия по планированию алгоритма решения ситуации. Они склонны видеть как положительные, так и отрицательные стороны проблемы и изменять своё эмоциональное отношение к ней.

Анализ данных по методике «Копинг-тест» показал, что контрольной группе свойственно большее разнообразие предпочитаемых копингов, респонденты проявляют большую гибкость в решении возникающих перед ними проблем.

Анализ анкетных данных показал, что в среднем на один сеанс просмотра «треш-стримов» у интернет-пользователей уходит два часа. Половина испытуемых смотрит данный контент ежедневно, как в виде стримов и их записей, так и в форме видео-нарезок с самыми интересными и смешными, по мнению создателей, моментами. Почти у каждого респондента есть один или несколько любимых участников. Впрочем, описывают они их неохотно и безэмоционально, парой слов. При описании эмоций от просмотра видео, чаще всего использовались слова: интерес, отвращение, смех – 62 % респондентов. Чуть реже: радость, удивление, злость, разочарование, сопереживание, тревога,

восторг. Единично: смущение, стыд, презрение, сочувствие. Абсолютно каждый опрошенный сопереживал когда-либо участникам треш-стримов.

Три респондента из 29 пренебрегали общением с близкими людьми ради просмотра стрима. 50% опрошенных отмечают, что просмотр данного контента повлиял на их мировоззрение. Самый частый ответ – «я стал/а более циничным/ой». Многие отмечают, что стали лучше понимать других людей и разбираться в них. В остальных ответах упоминается повышение терпимости к представителям ЛГБТ, людям, систематически употребляющим спиртные напитки, людям ведущим себя излишне эмоционально.

Сами зрители «треш-стримов» нередко демонстрируют девиантное поведение в сети. Наиболее распространён в среде данных пользователей такой вид агрессивного сетевого поведения как хейтинг – ненавистнические комментарии и сообщения, иррациональная критика в адрес конкретного человека или явления, часто без обоснования своей позиции [8]. Пользователи направляют свою агрессию на участников стримов. Они могут сделать донат, чтобы их ненавистнический комментарий был озвучен роботом в прямом эфире. Делается это для того, чтобы вызвать характерную реакцию участника, на которого комментарий направлен: гнев, слёзы, агрессию.

В своих сообществах любители «треш-стримов» прибегают к другому виду сетевого девиантного поведения – флеймингу. Это разжигание спора, публичные оскорбления и эмоциональный обмен репликами в интернете между участниками в равных позициях [8]. В телеграмме, где анонимность очень велика это особенно заметно. В конференциях, созданных для обмена мнениями, пользователи регулярно устраивают между собой подобные споры. Некоторые участники «треш-стримов» становятся жертвами кибербуллинга. Под кибербуллингом понимаются агрессивные, умышленные, продолжительные во времени действия, совершаемые группой лиц или одним лицом с использованием электронных форм контакта и повторяющиеся неоднократно в отношении жертвы, которой трудно защитить себя [8].

В заключении можно сделать вывод, что социально-психологические особенности активных интернет-зрителей онлайн-трансляций с демонстрацией асоциального, девиантного поведения характеризуются признаками снижения адаптивных возможностей: слабым эмоциональным комфортом, тревожностью, напряжённостью, эмоциональной неуравновешенностью, неудовлетворённостью окружающей действительностью. У них снижена терпимость к другим

людям, их слабостям и недостаткам, повышена критичность к окружающим, они более склонны давать отрицательные характеристики другим личностям, чем положительные, что повышает их конфликтность. При возникновении проблем они чаще прибегают к стратегии эскапизма, то есть предпочитают справляться с трудностями виртуальными средствами, существующими лишь субъективно. Они чаще преодолевают негативные переживания в связи с проблемой за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее, не склонны ставить себе в вину все происходящие с ними неприятности. Такое сочетание копинг-стратегий может приводить к дезадаптации в тяжёлые жизненные периоды.

Список литературы:

1. Большечева М.Д. Стриминговое вещание как феномен современной медиасреды // Коммуникология. 2018. Т. № 6. С. 159-169.
2. Алимов А.А. Как хобби становится в креативной экономике работой // Экономическая социология. 2018. № 19 (3). С. 79-108.
3. Тихомирова Е.В., Беляева С.В. Социально-психологические характеристики преодоления жизненных трудностей интернет-пользователями // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2014. № 20 (3). С. 156-160.
4. Воробьева И.В., Кружкова О.В. Социально-психологические аспекты восприимчивости молодежи к воздействиям среды Интернет // Образование и наука. 2017. № 19 (9). С. 86-102.
5. Войскунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с.
6. Социальная психология: практикум / Н.Г. Баженова, Т.Т. Зимарева, О.П. Степанова, Е.Ю. Шпаковская, Е.И. Шулева; под общ. ред. Степановой О.П., Шпаковской Е.Ю. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2015. 215 с.
7. Вассерман Л.И. Совладание со стрессом: теория и психодиагностика: учебно-методическое пособие. СПб.: Речь, 2010. 192 с.
8. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Львова Е.Н. Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области // Эпоха науки. 2017. № 12. С. 103-109.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ЭРОЗИЮ СОЗНАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Петренко А. И.

к. псих. н., доцент,

ГБОУ ВПО МО «Академия социального управления»,

Кафедра воспитательных систем, доцент

Россия, г. Москва

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы оказания деструктивного воздействия на сознание подрастающего поколения в ходе проведения психологических операций. Рассмотрены основные элементы психологических операций.

Ключевые слова: психологические операции, информационно-психологическая безопасность, информационно-психологическое пространство, подрастающее поколение.

PSYCHOLOGICAL OPERATIONS AIMED AT EROSION OF CONSCIOUSNESS OF THE GROWING GENERATION

Petrenko A. I.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Academy of Social Management

Department of Educational Systems, Associate Professor
Russia, Moscow

Annotation. The article is devoted to the problem of destructive impact on the consciousness of the younger generation during psychological operations. The basic elements of psychological operations.

Keywords: psychological operations, information and psychological security, information and psychological space, younger generation.

Современное развитие общественных отношений определило интерес к необходимости исследования характера взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности политических и информационно-психологических процессов, явлений и конфликтов. Эти явления определяются:

- глубоким взаимопроникновением и частичным перекрытием сферы политических и сферы информационно-психологических отношений;
- широким диапазоном общих для обеих сфер процессов и субъектов деятельности;
- взаимосвязью и взаимовлиянием политических и информационно-психологических явлений, выражающихся, в частности, в том, что нередко политические процессы являются причиной инициирования информационно-психологических процессов или корректируют уже протекающие в информационно-психологической сфере;
- взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности информационно-психологической и политической безопасности;

- широкого использования арсенала сил, средств и методов информационно-психологической войны в политических целях, характер использования которых, а также формы и методы использования во многом определяются областью, в которой находятся объекты воздействия – политической сферой информационного общества.

На сегодня актуальной проблемой стала информационно-психологическая безопасность, которая является важнейшим критерием оценки стабильности системы социальных, духовных, политических отношений современного российского общества. Деятельность системы государственной власти по обеспечению информационно-психологической безопасности имеет самостоятельное значение в ряду факторов, влияющих на состояние и развитие системы политических отношений информационного общества. Информационно-психологическая безопасность является главным стратегическим объектом комплексного воздействия, осуществляемого в форме тайных операций информационно-психологической войны [1; 2].

В отношении теоретических проблем исследования информационно -психологической войны, которую можно рассматривать как крайний способ разрешения политических противоречий в информационном обществе, можно выделить следующие нерешенные проблемы:

1. Отсутствие общепринятого определения информационно - психологической войны, выделяющего из всего многообразия разновидностей и организационных форм информационно-психологического воздействия сравнительно небольшую группу акций, мероприятий и операций, представляющих особую опасность для личности, общества и государства, сравнимую с опасностью развязывания обычной войны.

2. Отсутствие ясной и четкой концепции информационной и информационно - психологической войны, осуществляемой в форме тайных операций с применением информационного оружия [3].

3. Отсутствие научных подходов и предложений по способам представления внутренней структуры тайной информационно-психологической операции, позволяющим построить структуру информационно-психологической операции любого уровня сложности исходя из комбинаций конечного числа составляющих ее «элементарных» информационно-психологических воздействий, играющих роль атомов в молекулярной органической структуре тайной операции.

4. Отсутствие методик аналитической реконструкции замысла, целей, задач, этапов, внутренней структуры тайных операций информационно-психологической войны по их признакам, внешним (доступным наблюдателю) следам и проявлениям.

Информационно-психологическое пространство является средой реализации информационных и психологических воздействий. Информационно-психологическое пространство – это многомерная сеть, построенная из прямых и обратных связей субъектов информационных взаимодействий (единиц и областей). Информационное пространство является открытой системой, включающей в себя информационные потоки и информационные поля, находящиеся в непрерывном взаимодействии друг с другом. Информационно-психологическое пространство в принципе разрешает существование любого типа информации, в чем реализуются его отличия от любого пространства физического плана.

1. Информационно-психологическое пространство является базовым для понятий информационно - психологической войны и информационного оружия.

2. Информационно-психологическое пространство динамично, в нем не бывает раз и навсегда завершенных состояний. Отсюда возможно следующее следствие: достаточно трудно достичь постоянного информационного доминирования, хотя возможно достижение временного информационного превосходства.

3. Информационно-психологическое пространство структурировано. Оно неоднородно, в нем есть аттракторы, привлекающие внимание, и барьеры, отталкивающие внимание потребителя от данной точки информационно-психологического пространства.

4. Информационно-психологическое пространство всегда защищено, в нем есть места, сознательно защищаемые от чужого вхождения. Защита одновременно предполагает наличие слабых мест, служит их детектором.

5. Информационно-психологическое пространство универсально: любая область человеческой деятельности опирается на него. Отсюда возникают уникальные возможности для оказания воздействия на социальные явления и процессы в любой сфере деятельности человека и общества, используя в качестве источника управляющего воздействия процессы, развивающиеся в информационно-психологическом пространстве.

Один из основных элементов информационно-психологических операций – информационно-пропагандистские акции

и мероприятия. Главная цель информационно-пропагандистских акций в процессе проведения психологических операций – это дестабилизация общественной жизни, разложение изнутри, подготавливающее почву для успешного осуществления политических, экономических и военных действий.

Ввиду того, что объектом информационно-психологического воздействия являются люди, а в последние годы актуализировалось воздействие на такие возрастные группы как детская, подростковая и юношеская - главная задача информационно-пропагандистских акций в процессе проведения психологических операций заключается в том, чтобы повлиять на духовную сферу – общественное мнение и настроение, ценностные ориентации, взгляды, социально-психологический климат, посеять страх и неуверенность перед будущим, вызвать недоверие к деятельности органов власти и государственного управления, создать атмосферу недовольства, тревоги, содействовать возникновению оппозиционных групп и стимуляции антиправительственной деятельности и т.п. [5; 6; 7].

Информационно-психологические операции можно условно классифицировать по следующим признакам:

- масштаб операции;
- сферы (общественной и государственной жизни) проведения операции;
- уровень участников операции;
- интенсивность и продолжительность;
- преимущественный характер воздействия.

Общие принципы информационно-пропагандистских акций в психологических операциях включают в себя:

- осуществление информирования по всем возможным каналам, которые достигают объектов психологических операций;
- использование в пропагандистских акциях любых аргументов и доводов, которые могут служить достижению целей проводимых психологических операций;
- постоянное формирование и распространение сообщений с искаженной, ложной или специальным образом подобранной информацией, в том числе в виде слухов;
- дифференцированный подход к объектам пропагандистских акций по возрастному, национальному, профессиональному и другим признакам;
- изменение содержания пропагандистских материалов, способов и средств их подачи в зависимости от обстановки: от незаметного и

скрытого манипулятивного воздействия, до прямых побудительных призывов к активным действиям;

- постоянный учет психологических особенностей и состояний людей для того, чтобы расширить аудиторию объектов пропагандистских акций путем использования специальных приемов манипулятивного воздействия;
- использование в пропагандистских акциях, проводимых психологических операций лиц, постоянно проживающих в странах-мишенях воздействия или выходцев из них.

Остановимся более подробно на некоторых особенностях информационно-психологического воздействия, оказываемого в ходе психологических операций на сознание обучающихся [4].

С определенной долей условности можно выделить основные социальные страты информационно-психологического воздействия:

- Личность конкретного обучающегося;
- Микрогруппы (семья, коллективы школьников и т.п.);
- Макрогруппы (нация, народ);
- Гипергруппы (международные сообщества, организованные по различному принципу);
- Супер гипергруппа (мировое сообщество).

В зависимости от ситуации и целей психологической операции избирается тот или иной вариант воздействия на конкретные социальные страты.

В последнее время психологические операции стали приобретать новые черты. Вряд ли сегодня можно выделить какую-нибудь из обозначенных нами страт, которая бы не подверглась мощному информационно-психологическому воздействию со стороны такого явления как кибер-терроризм.

Год от года нарастает процесс активизации психологических операций, направленных на деформацию сознания подрастающего поколения, размывание морально-этических норм. Главная цель - эрозия понятия Родина, девальвация своей национальной и государственной идентичности, формирование идеологии космополитизма. К сожалению, со стороны государства наблюдается формальный подход к созданию контр- деформационных программ, направленных на нейтрализацию деформации сознания подрастающего поколения.

Разработчики психологических операций, в которых основными объектами информационно - психологической обработки направленной на эрозию сознания становятся дети и подростки,

активно используют практически все неконтролируемые каналы информационно-психологического воздействия. Отмечается засилье в электронных СМИ передач, в которых содержится пропаганда насилия, употребления наркотиков и алкоголя. Во многих фильмах идет героизация асоциального поведения, что нередко приводит к формированию потребности подражать подобным формам асоциального поведения у определенной части подростков.

Именно поэтому необходима незамедлительная разработка четкой государственной идеологии воспитания подрастающего поколения, из программ патриотического воспитания подрастающего поколения исключить декларативность и усилить инициирование информационных волн, направленных на все выделенные нами социальные страты, мобилизовать на системное участие в воспитательном процессе подрастающего поколения ведущих отечественных СМИ, союза кинематографистов, союза писателей и других общественных организаций.

Список литературы:

1. Вепринцев, В.Б., Манойло, А.В., Петренко, А.И., Фролов, Д.Б., Операции информационно-психологической войны: Краткий энциклопедический словарь / В.Б. Вепринцев, А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов. – М.: Горячая линия – Телеком, 2005. - 495 с.
2. Манойло, А.В., Петренко, А.И., Фролов, Д.Б., Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны/ Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов. – М.: Горячая линия – Телеком, 3-е издание. 2012. - 541 с.
3. Мухин, А.А. Информационная война в России: участники, цели, технологии/ А.А. Мухин. – М.: Издательство «Гном и Д». 2000. – 256 с.
4. Нечаев, М.П., Петренко, А.И. Угрозы и риски системе воспитания подрастающего поколения/ М.П. Нечаев, А.И. Петренко. - «Воспитание школьников» декабрь 2018, с. 8-13.
5. Петренко, А.И. Психологические операции – угроза деформации сознания обучающихся / А.И. Петренко. - Общество и образование в современной России: социокультурные ориентиры. – М.: 2015. – с. 179-186.
6. Петренко А.И. Стратометрическая мишень психологических операций/ А.И. Петренко// Материалы I Усъзда Российского психологического общества, т. 3. - Москва-Ростов-на-Дону.: «Кредо», 2007. - с. 113-123.
7. Петренко А.И. Проблема воспитания подрастающего поколения и информационно-психологическое воздействие/ А. И. Петренко. - Конференциум АСОУ Сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. М.: АСОУ, 2016. -Вып. 2. - с. 330-336.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА СУБЪЕКТА ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Ракитянский Н. М.

д. псих. наук, профессор МГУ

Аннотация. В статье представлен анализ взаимосвязи, таких психологических качеств субъекта принятия политических решений как субъектность, рефлексивность и реалистичность. Развитие этих качеств определяет адекватность выбора, осуществляемого политиком при принятии решений, уровень его осознанности и релевантности восприятия себя и действительности.

Ключевые слова: субъектность, рефлексивность, реалистичность, принятие политических решений, личность политика.

PSYCHOLOGICAL QUALITIES OF A SUBJECT OF POLICY DECISION-MAKING

Rakityanskiy N.M.

Doctor of Psychology, Professor, Moscow State University

Annotation. The article presents an analysis of the relationship, such psychological qualities of the subject of political decision-making as: subjectivity, realism, reflexivity. The severity of these qualities determines the adequacy of the choice made by the politician in making decisions, the level of his awareness and relevance of his perception of himself and the situation of reality.

Key words: subjectivity, reflexivity, realism, political decision-making, personality of a politician

Политическая деятельность относится к видам профессиональной трудовой деятельности высшего уровня сложности, направленной на жизнеобеспечение, безопасность и развитие общества и государства. При этом подготовка и принятие решений являются центральной функцией во всей структуре деятельности политика любого уровня — она в наибольшей степени отражает ее своеобразие, определяет ее качество и эффективность. Процесс принятия решений постоянно присутствует в когнитивном пространстве личности политика, он органично пронизывает все компоненты и этапы его деятельности.

«Мерилом власти» и основным признаком ее централизации выступает та или иная степень концентрации полномочий по принятию решений, которую осознает и реализует политик. При этом его личностные качества, в том числе и негативные, не всегда проявляясь в обычных условиях, со всей очевидностью и остротой

начинают обнаруживаться именно в ситуациях выбора. Психологических качеств политика, влияющих на принятие важных решений, немало, однако есть из них такие, которые не только значимы сами по себе, но и являются квинтэссенцией всех прочих характеристик вместе взятых.

Речь идет о *субъектности*, *рефлексивности* и *реалистичности*. Эти качества представляют собой системные образования, каждое из которых имеет свою структуру и выполняют ряд ключевых функций в практической деятельности политика [1, 2, 3].

Так, субъектность личности связана с высоким уровнем самоосознавания себя как субъекта сложных видов деятельности, в том числе и в первую очередь политической. Субъектность проявляется в системном единстве ее оснований — *самосознания*, *самодетерминации* и *самопроектирования* и образует то, что определяется как фундаментальная субъектная триада [4]. Психологическим содержанием самосознания и самодетерминации является способность делать предмет *прогнозирования* и *проектирования* свое будущее и практически его осуществлять.

Субъектность несет в себе потенциал интеграции, своего рода «собирательную силу», она содержит психические и психологические свойства, регулирующие степень направленности, напряженности и содержания политической деятельности. Естественно, субъектность имеет динамический характер и проявляется в политике на *операциональном*, *целевом* и *смысловом*, т.е. метафизическом уровне.

Процесс принятия политических решений — это всегда осуществление лично значимого выбора, который совершает конкретный политик, живой человек со всеми его достоинствами и несовершенствами, иногда пороками. Именно поэтому целостная личность политического деятеля является главным «инструментом» принятия решений [5].

Важным качеством политика при принятии решения, определяющим его взвешенность, осмысленность, оптимальность и ответственность, является рефлексия как сложный процесс обнаружение сознанием самого себя, как обретенная сознанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как предметом, обладающим своим осознанным значением и смыслом. Это способность не просто познавать, а познавать самого себя. Не просто знать, а знать, что знаешь.

Психологическим содержанием рефлексии является способность видеть дальше узкого круга вещей, выходить за пределы

обыденного, привычного понимания самого себя и других людей, а также шаблонного восприятия политического контекста. Рефлексия в политической деятельности проявляется как в осознании своего ресурсного потенциала, так и проблемных личностных качеств [2]. Посредством рефлексии формируется субъектная идентичность как осознание своего деятельного потенциала и как способность к отождествлению себя с процессом и целью политической деятельности.

Рефлексивная культура политика включает в себя систему способов организации рефлексии, построенных на основе интеллектуальных и ценностных критериев. Она содержит в себе готовность и способность действовать в ситуациях с высокой степенью неопределенности, гибкость в принятии решений, стремление к поиску путей решения нестандартных задач в кризисных ситуациях, решимость переосмысливать сложившиеся стереотипы политического опыта, возможность реализовать систему своих коммуникативных, интеллектуальных, этических и духовных качеств адекватно ситуации.

Рефлексивное обращение политического деятеля к своей субъектной идентичности является условием для поиска, выбора и принятия реалистических решений в сложных и кризисных ситуациях.

Проблема реалистичности в психологической науке является наименее разработанной. Автором она понимается как ясное, критическое, релевантное восприятие самого себя и окружающего мира, необходимое для эффективного осуществления сложной деятельности. Это способность рационально оценить многозначную политическую обстановку и адекватно соотносить себя с актуальными и потенциальными проблемами [6].

Политику такое качество, как реалистичность, необходимо, прежде всего, в принятии важных решений, управлении деятельностью своей администрации, в подготовке и в переговорном процессе с партнерами и оппонентами, в ситуации конфликтного взаимодействия на международном уровне, в условиях кризисов и т.д. Реалистичность проявляется в нацеленности не только на актуальные результаты, но и на долгосрочные перспективы.

Реалистичный политический деятель — человек, который может быть субъектом своей карьеры, он контролирует свои эмоции и поведение. У реалистичного политика мотив достижения преобладает над всеми остальными, потому что он соотносится с целями его деятельности.

Таким образом, реалистичность — это осознание того, что перед человеком всегда есть выбор, более того, это способность принимать решения квалифицированно, дальновидно и ответственно, основываясь на полноте информации, предвидя возможные результаты и готовность нести ответственность за этот выбор.

Список литературы:

1. Ракитянский Н.М. Концепт и принцип субъектности в политико-психологических исследованиях//Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва, 21–22 ноября 2014 г. [Электронное издание]. – М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. – 593 с.
2. Ракитянский Н.М. Рефлексия в политике // Власть, №9, 2003. С.21-24.
3. Ракитянский Н.М. Теоретические аспекты политико-психологического анализа современного политического лидерства// Современная социальная психология: теоретические и прикладные исследования. №1(14). 2012. С.54-64.
4. Ракитянский Н.М., Зинченко М.С. Политико-психологическая динамика реисламизации Северного Кавказа // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. 2014. № 2. С. 52–70.
5. Ракитянский Н.М. Личность политика: теория и методология психологического портретирования. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Московского университета, 2011.
6. Ракитянский Н.М. Психологические аспекты принятия политических решений в контексте критериев реалистичности // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2013. № 3 (23).

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МАНИПУЛЯЦИЙ ДЕТЬМИ В ИНТЕРНЕТЕ

Свидченко А.И.

Магистрант 1 года обучения, психологический факультет, СГУ имени
Н.Г. Чернышевского
Asvidchenko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности психологических манипуляций детьми в сети Интернет. Выявлены проблемы защиты детей в Интернет-пространстве, приведена схема манипулирования детьми в Интернете. Также проанализированы проблемы подростковых суицидов, совершаемых посредством «групп смерти».

Ключевые слова: Интернет, психологические манипуляции, манипулирование, дети, несовершеннолетние.

**FEATURES OF PSYCHOLOGICAL MANIPULATION OF CHILDREN
ON THE INTERNET**

Svidchenko A. I.

1st year undergraduate student, faculty of Psychology, SSU named after N. G. Chernyshevsky

Asvidchenko@yandex.ru

Annotation. The article deals with the features of psychological manipulation of children on the Internet. Problems of protection of children in the Internet space are revealed, the scheme of manipulation of children on the Internet is given. The problems of teenage suicides committed through «death groups» are also analyzed.

Key words: Internet, psychological manipulation, manipulation, children, minors.

С развитием демократических процессов и современных информационных технологий в современном мире каждый человек имеет доступ практически к любой информации, которой удовлетворяются различного рода потребности. Интернет-пространство как совокупность компьютерных сетей и информации, в первую очередь представляет собой множество людей, активно взаимодействующих между собой в виртуальном пространстве, где имеет место собственная культура, иерархия ценностей и особого языка.

Российскими детьми пользование интернет-пространством в среднем начинается в возрасте 6–7 лет. При этом детская интернет-аудитория за последние годы достигла своего пика. Если в 2010 году каждый день в Интернет выходили 82% детей, то в 2016 уже 92%, при этом увеличилась продолжительность времяпровождения в виртуальном мире [3, с. 111].

Вместе с тем, интернет-пространство представляет собой угрозу для современного общества, поскольку содержит вредоносную информацию, наносящую вред психическому здоровью и развитию несовершеннолетних, поскольку именно эта возрастная категория является особенно уязвимой.

Дети и подростки находятся в большей опасности, так как их психика нестабильна, а собственное мировоззрение не сформировано. Дети больше склонны верить данным из средств массовой информации, нежели полученной от сверстников, взрослых или путем личного опыта. Притом им не свойственен критический анализ получаемой информации. В силу недостаточного личного опыта дети не видят всех угроз виртуального пространства.

44% детей и подростков проводят в онлайн-режиме почти сутки, у 30% отмечаются симптомы медиазависимости: обидчивость, импульсивность, раздражительность, замкнутость, низкая физическая

активность, нарушения сна, ухудшение общего самочувствия. Это мешает развитию, ограничивает общение, творческое самовыражение [5, с. 96].

Медиазависимость представляет собой неадекватно высокую восприимчивость к воздействию различных средств коммуникации. При этом понятие медиазависимость несколько шире термина Интернет-зависимости, так как подразумевает чрезмерное использование не только сети Интернет, но и иных медиасредств (телевидения, радио, компьютера, телефона и так далее). Причем если, например, это связано с учебой, работой и какой-либо другой целенаправленной деятельностью, то медиазависимостью это назвать нельзя. Медиазависимость состоит именно в бесцельном и неограниченном времени, проводимом у экрана.

Тем не менее, постоянно растущее медиапотребление спровоцировало рост мошенничества в сети Интернет (взлом страниц и просьбы о переводе денег, создание лживых групп помощи); сексуальное домогательство; распространение «групп смерти» и компьютерные игры подобной тематики (в том числе онлайн); пропаганду экстремистского, антисоциального поведения, вовлечение в опасные игры и так далее.

Все это сопряжено с психологическими манипуляциями детьми в Интернете.

Схема манипулирования детьми в Интернете проста:

- 1) завоевать расположение подростка, стать ему близким человеком;
- 2) получить от ребенка нужную информацию (компрометирующий материал);
- 3) сделать его психологическим заложником с помощью шантажа.

Так сначала у ребенка создается ощущение, что о нем заботятся, им искренне интересуются.

Затем происходит ненавязчивый переход на сексуальные темы и манипуляция ребенком. До 90% школьников легкомысленно относятся к новым знакомствам в Интернете. Дети часто не воспринимают виртуальное общение как часть настоящего. Поэтому ребенок может свободно сделать те шаги, на которые не решился бы в реальной жизни. Например, начать разговор на интимные темы или выслать фотографии такого содержания. Кроме того, злоумышленники собирают любую информацию о своей жертве. Это может быть домашний адрес, номер школы, размер одежды, имена друзей.

После того, как от ребенка получен весь необходимый компромат, незнакомец начинает требовать все более и более откровенные фото. В подобной ситуации ребенок, как правило, боится рассказать родителям о таком повороте в общении. Он может думать, что опозорился, ему стыдно и страшно, ведь он отправил чужому человеку то, что нельзя было отправлять. В итоге сложившиеся «отношения» подросток не может разорвать самостоятельно и оказывается заложником манипулятора.

Конечной целью такого общения обычно становится личная встреча со злоумышленником и дальнейшее манипулирование ребенком, сексуальное домогательство или даже насилие. Но злоумышленники понимают, что личная встреча с несовершеннолетним может быть для них опасна. Поэтому они применяют также и другую форму общения – без личной встречи. Такое общение называется «секстингом». Его цель – получение материалов эротического и порнографического характера для дальнейшей продажи и даже возможного криминального шантажа ребенка.

Также сегодня основной Интернет-угрозой является манипулятивно-идеологическая вербовка детей в различные движения. Это своеобразные секты различного направления, смысл которых состоит также в том, чтобы оторвать ребенка от своего окружения (родители, друзья) и привлечь к себе.

Беспокойство вызывает контент, который деформирует традиционные российские духовно-нравственные ценности, в частности, антисемейная пропаганда. Это промежуточные звенья цепи, которые доводят детей до «групп смерти» и направления в формате «колумбайн» [1].

С влиянием закрытых групп в социальных сетях связан 1% суицидов несовершеннолетних в России. На первых местах другие причины – неразделенная любовь и конфликты в семье – по 30%. Для сравнения в 2016 году несовершеннолетним в России было совершено 720 суицидов, в 2015-м – 685 [4]. Вместе с тем в настоящее время особо актуальной становится проблема защиты детей от информации, распространяемой в так называемых закрытых Интернет-группах, провоцирующих детей на суицид. Каждый день сотрудниками Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации выявляются все новые и новые сообщества, которые ставят своей целью уничтожение молодежи.

Все большую опасность стали представлять собой «игры на выживание» или «игры на вымирание», организованные в Интернете создателями так называемых «групп смерти».

Например, в 2007 году известность получил Интернет-сайт «Большая игра». Из онлайн игра переходила в реальность. Выполнение каждого требования нужно было документально подтвердить. За переход на новый уровень игрок получал баллы и бонусы. Авторы игры писали, что их задача – «создать сеть автономных группировок», ненавидящих систему и совершенствующих навыки в борьбе с ней. С помощью «Большой игры», по сути, шло формирование террористических и экстремистских группировок [2].

Точно такая же методика используется сегодня в игре про «Синих китов». Метод склонения подростков к самоубийству игры «Синий кит» включает в себя идею отбора данных лиц, которые либо имели в прошлом отношение к суицидам, либо предрасположены к их совершению. На первом этапе организаторы предлагают несовершеннолетним прислать рисунки, стихи, песни суицидальной тематики. Далее организаторы дают задание прислать фотографии шрамов или порезов на руке. Третий этап основан на лицах, которые готовы причинить себе физический вред. Средство информационного воздействия на психику несовершеннолетних на данном этапе – это демонстрация видеозаписи самоубийств других людей, а также направленный список зашифрованных заданий. Этим усиливалось ощущение безвыходности ситуации для подростков, что позволяло подчинить их волю указаниям кураторов. Таким образом, обрабатывается методика влияния на новое поколение, манипуляции ими [2].

В настоящее время «психологические средства» устранения зависимости не разработаны в достаточной мере, что является существенной проблемой.

Безусловно, существуют меры борьбы с психологическими манипуляциями детьми в Интернете и с Интернет-зависимостью в целом. Однако, полагаем, что их либо недостаточно, либо они малоэффективны, так как не позволяют достичь желаемых результатов. Выделяют такие меры как:

- посещение лекций психологов;
- использование программных средств защиты, программ родительского контроля, защиты паролей и данных на компьютере, которым пользуется ребенок;

- ограничение времени, проводимого за компьютером, телефоном или планшетом;

- периодическая проверка поисковых запросов и адресов Интернет-страниц, на которые «заходит» ребенок, содержимого телефона;

- контроль окружения и общения ребенка (куда ходит, с кем общается);

- общение с ребенком (важно рассказывать, что доверять незнакомцам нельзя не только на улице, но и в Интернете, нельзя раскрывать о себе информацию, ни при каких обстоятельствах не отправлять данные личных документов никого из членов семьи, слишком личные фотографии или видео).

Помимо этого, представляется целесообразным также:

- проводить больше времени на природе или за каким-нибудь занятием, которое невозможно совмещать с пребыванием в сети Интернет;

- продумать личное расписание совместно с ребенком, особо уделив внимание свободному времени (возможно, ребенку просто не хватает идей, как по-другому интересно занять себя);

- постараться сделать бесцельное времяпрепровождение в Интернете более полезным (например, найти образовательные платформы, документальные фильмы и так далее).

Подводя итог, отметим, что сегодня проблема психологического манипулирования детьми в Интернете не решена. Значение здесь имеет и степень правового регулирования данного вопроса. Нормативно-правовые акты в сфере информации, несмотря на их значительное количество, не уделяют достаточно внимания отношениям, касающимся сети Интернет, в том числе и защите прав детей от негативного влияния. Следовательно, необходимо усовершенствовать существующие и предусмотреть новые более эффективные меры по борьбе с негативным влиянием Интернета на несовершеннолетних. В частности, целесообразно принять законодательные меры, которые обяжут Интернет-провайдеров обеспечить безопасную Интернет-среду. Не менее важно развивать образовательную и просветительскую деятельность, как самих детей, так и их родителей.

Список литературы:

1. Безопасность детей в сети Интернет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bizhit.ru/index/informacionnye_ugrozy_v_internete_i_deti/0-457-0-457 (дата обращения 06.10.2019).

2. «Группы смерти» в интернете - это спецоперация против российских подростков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tambov.kp.ru/daily/26645/3665013/> (дата обращения 06.10.2019).
3. Иксанов, Р.А. Информационная безопасность ребенка в сети Интернет / Р.А. Иксанов, З.И. Бикамова, Ю.Р. Гимазетдинова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 4. – С. 111-114.
4. МВД: только 1% детских суицидов связан с работой «групп смерти» в интернете [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestiya/4138676> (дата обращения 06.10.2019).
5. Шанин, С.В. Профилактика и диагностика медиазависимости обучающихся / С.В. Шанин // Вестник Белгородского института развития образования. – 2015. – № 2. – С. 96-99.

ДИСКУРС УКРАИНСКИХ СМИ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ НА УКРАИНЕ И ПОСЛЕ НЕЁ

Суздальцев Н.В.

Студент второго курса магистратуры юридического факультета СГУ им. Н.Г. Чернышевского
nvgulkosaratov@gmail.com

В статье автор проводит анализ политического дискурса украинских СМИ в отношении России. Все публикации категоризируются. Это даёт возможность проследить динамику риторики информационных агентств в зависимости от периода, а также принадлежности СМИ к группе влияния. Соответственно, благодаря этим данным можно выявить основную повестку, которые те или иные группы влияния стремятся внедрить в социальное представление жителей Украины о Российской Федерации.

Ключевые слова: дискурс, СМИ, категории, риторика, повестка.

COMPARISON OF THE DISCOURSE OF UKRAINIAN MEDIA REGARDING RUSSIA IN THE PERIOD OF THE PRESIDENTIAL ELECTION CAMPAIGN IN UKRAINE AND AFTER IT

Suzdaltsev N.V.

Second-year student of the Faculty of Law, SSU named after N.G. Chernyshevsky
nvgulkosaratov@gmail.com

In the article, the author analyzes the political discourse of the Ukrainian media regarding Russia. All publications are categorized. This makes it possible to trace the dynamics of the rhetoric of news agencies depending on the period, as well as media affiliation to the influence group.

Accordingly, thanks to these data, it is possible to identify the main ideas that these or other groups of influence seek to introduce into the social representation of the inhabitants of Ukraine about the Russian Federation.

Keywords: discourse, media, categories, rhetoric, agenda.

С 2014 года отношения России и Украины резко обострились. Причиной этому сначала стало свержение законной власти на Украине и фактическое непризнание Россией новых представителей власти. А потом и Украина вместе с частью стран Европейского союза и НАТО ухудшили отношение к Российской Федерации в связи с присоединением к последней Крымского полуострова, названный аннексией, и началом вооруженного конфликта на Востоке Украины, который также связали с вооружёнными силами России. В связи с этим, нынешнее состояние взаимоотношений между двумя странами остаются напряжёнными. При этом большое значение имеет так называемая гибридная война. В рамках её реализации Украина использует приёмы информационной войны в отношении своего же населения с целью формирования социального представления о России как о враге, агрессоре и оккупанте.

Для более детального анализа необходимо обратиться к термину политический дискурс в СМИ. Политологи выделяют риторический анализ публичного политического дискурса как часть изучения политической коммуникации в целом. З.И Комарова, в свою очередь, при сравнении политического дискурса и политической коммуникации говорит о близости этих двух понятий. По её мнению, политический дискурс направлен на выполнение трёх основных функций: осуществление власти, убеждение и манипуляция населением. В.А. Маслова считает, что в политический дискурс также входят процесс и результат порождения и восприятия политических текстов, экстралингвистические факторы, которые влияют на их порождение и восприятие.^[1]

Главной же задачей политического дискурса можно назвать эффективное воздействие на адресата, в нашем случае на население Украины. Такая эффективность возможна при учёте нескольких факторов: референт должен быть интересен для адресата, информация должна быть интерпретирована определённым образом, благодаря полученной информации в сознании слушателя должна сформироваться предлагаемая манипулятором идея. Все эти аспекты направлены на построения у мишени иррационального восприятия информации и тем самым изменить поведенческий стереотип адресата. Зачастую это достигается с помощью употребления языковых средств,

воздействующих на эмоциональное восприятие сообщения. Исходя из этого, можно определить политический дискурс как институциональное общение политических деятелей между собой либо с третьими лицами, организуемое по актуальным вопросам государственного управления с учётом экстралингвистических факторов и имеющее целью воздействие на мнение адресата.^[2]

В рассмотрении данной темы важно упомянуть о средствах массовой информации. В политике роль СМИ сильно зависит от типов направленности политических сообщений. В этом ключе необходимо понимать, что на сообщения в СМИ сильно влияет политическая зависимость комментариев. Именно на политическую и экономическую принадлежность средств массовой информации к той или иной группе влияние мы и обращали основное внимание при исследовании политического дискурса в отношении России.

С целью понимания общей риторики в отношении РФ нами было отобрано два украинских средства массовой информации: «112.UA» и «УНИАН». Такому выбору поспособствовали посещаемость интернет-сайтов данных редакций и их принадлежность к олигархическим кругам. В среднем дневное количество посетителей сайта «112.UA» составляет порядка 350 тыс. пользователей, «УНИАН» - порядка 500 тыс. При этом важным аспектом является подконтрольность СМИ группам влияния. Так, ряд факторов указывает, что владельцем информационного агентства 112.UA может быть Виктор Медведчук. К таким факторам можно отнести: относительно пророссийская повестка, частое упоминания Медведчука в контенте и совпадение с общей риторикой Медведчука. Второе СМИ принадлежит известному украинскому олигарху Игорю Коломойскому, на что указывают данные о вхождении информационного агентства в состав медиахолдинга олигарха. Примечательным фактом является то, что, по мнению многих журналистов и политиков, Коломойский имеет влияние на новоизбранного президента Украины Владимира Зеленского. Если эта теория верна, то все сообщения из СМИ, принадлежащих олигарху потенциально можно считать заявлениями органов власти Украины.

В связи с этим, нашей основной гипотезой является мнение, что риторика в УНИАНе будет иметь более агрессивный характер в отношении России. Повестка же в 112.UA будет направлена на какое-либо взаимодействие Украины с Россией. Более того, дискурс в ИА «УНИАН» предположительно будет дублировать общеукраинскую повестку и действия власти в целом.

Для исследования риторики нами был взят период с 1 января по 31 августа. Такой временной отрезок позволяет проследить изменение в риторике во время президентской предвыборной кампании и после неё. Нами был использован контент-анализ. С целью выявления интересующих нас публикаций в поисковую строку сайта интернет-редакции вводилось универсальное для нашей темы слово «Россия». Это позволило получить все публикации с упоминанием России в том или ином контексте. Все упоминания были сгруппированы по 10 категориям.

1. «Нейтральные упоминания» - публикации, в которых Россия упоминается вскользь, без политической привязки и без освещения внутренних новостей. Зачастую сюда относятся публикации с упоминанием международных спортивных соревнований

2. «Негативные упоминания» - публикации с различного рода обвинениями России в каких-либо неправомерных действиях. К этой категории больше всего относятся статьи с наличием слов «аннексия», «оккупация», «агрессор» и т.п.

3. «Донбасс» - статьи, темой которых были события, связанные с Востоком Украины и ролью России в этих событиях без негативной привязки.

4. «Крым» - аналогичные предыдущей категории публикации, только касательно Крыма.

5. «Экономический аспект» - категория статей, главной темой которых являются экономические взаимоотношения России и Украины.

6. «Позитивные упоминания» - редкая категория, куда были отнесены публикации, в которых каким-либо образом позитивно оценивали политику или экономику Российской Федерации.

7. «Международные отношения» - все упоминания о взаимодействии России с зарубежными государствами. Сюда также были внесены статьи, в которых упоминается о каких-либо негативных действиях России по отношению к зарубежным странам.

8. «Влияние РФ» - новости о вмешательстве России во внутренние дела Украины. Часто подобные публикации связывали попытки повлиять на результаты выборов на Украине. Такие статьи в большей мере использовались как часть предвыборной кампании различных кандидатов.

9. «Российские новости» - все нейтральные, аполитичные внутренние новости России.

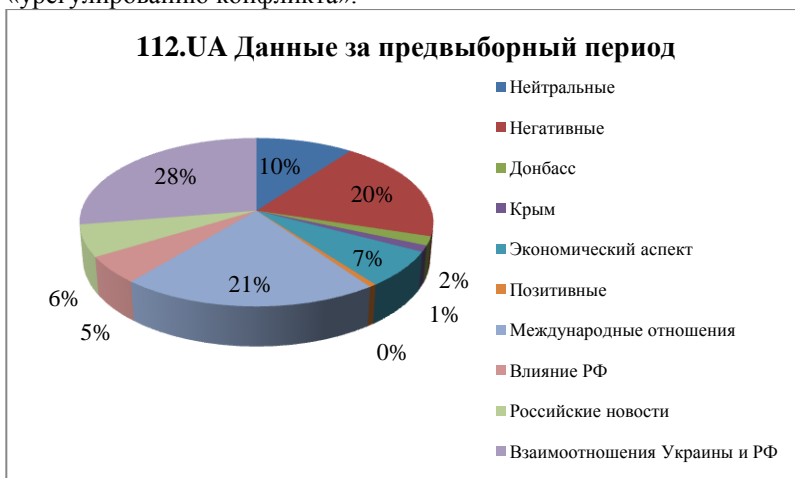
10. «Взаимоотношения России и Украины» - категория, предусматривающая упоминания о каких-либо взаимодействиях

России и Украины. Сюда можно отнести и попытки регулирования конфликта на Донбассе (если нет упоминания об аннексии или оккупации Россией этой территории), договорённости по обмену пленными или же судебные прения между государствами.

В Категории «Нейтральные», «Негативные» и «Позитивные» относятся упоминания только с эмоциональными подкреплениями. Все остальные категории носят тематический характер. При этом важно отметить, что практически все упоминания в тематических категориях также носят косвенно негативный характер, особенно в ИА «УНИАН». Однако в случае тематических категорий отсутствуют явные признаки осуждения или иных открыто указывающих на негатив приёмов. Примеры таких приёмов будут приведены ниже.

При анализе интернет-издания «112.UA» было выявлено порядка 3416 упоминаний России в своей повестке за период с 1 января по 31 августа. Из них 1617 в предвыборный период, 1799 в поствыборный.

В целом, можно сказать, что риторика в данном СМИ носит относительно нейтрально-позитивный характер в сравнении с общим дискурсом по всей Украине. Среди других особенностей интернет-издания можно выделить то, что в российском контексте большую роль уделяют Виктору Медведчуку. Также, разбивка данных по отдельным месяцам показывает увеличение количества статей после выборов, в которых различного рода пророссийские политики призывают к «мирным переговорам Украины с Россией» и «урегулированию конфликта».

112.UA Данные за поствыборный период

Результаты подсчёта помогают вывести нам несколько тенденций.

1. Наибольшее процентное соотношение в риторике данного СМИ имеет категория «Взаимоотношения Украины и России». При этом, в первом временном промежутке, статьи данной категории имеют главной идеей отношении России к выборам на Украине. Большое внимание в дискурсе уделяется невозможности российских наблюдателей принять участие в процедурах украинских выборов.^[3] Отчасти такая ситуация осуждалась. В период после выборов публикации данной категории больше носили характер как раз упоминаний и настаиваний о необходимости договорённостей между Россией и Украиной.^[4]

2. Было выявлено увеличение статей в контексте международных отношений России на 4% в поствыборный период. Здесь также стоит отметить, что в этот период стало больше упоминаний о роли международного сообщества в урегулировании конфликта на Востоке Украины.

3. На 4% возросло количество публикаций в контексте экономических взаимоотношений Украины и РФ в поствыборный период в сравнении с предвыборным. Большое внимание в данной категории уделялось также договорённостям и урегулированию конфликтов между Украиной и Российской Федерацией, только на этот

раз в контексте энергетических вопросах, в частности транзит газа и закупка газа.^[5]

4. Ещё одной тенденцией стало резкое сокращение на 10% (в два раза) в поствыборный период статей с негативными упоминаниями России. Объяснить это можно тем, что в целом СМИ в этот период стало акцентировать внимание на возможности договорённостей между странами. Поэтому очернение имиджа России представляется невыгодным и парадоксальным.

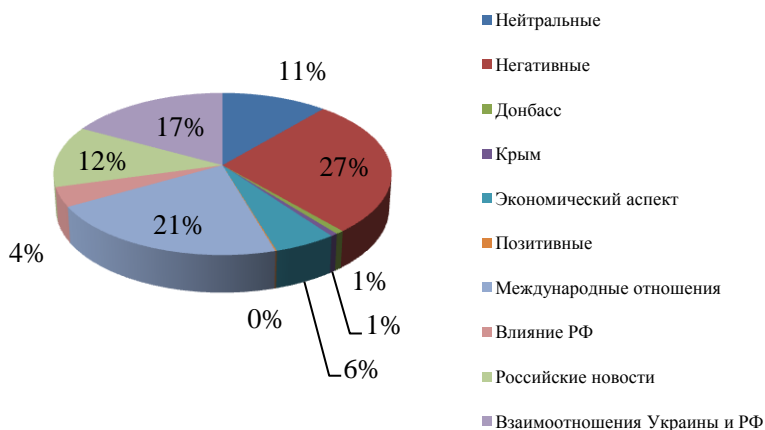
Анализ СМИ «УНИАН» показал порядка 6331 статьи с упоминанием России. Этот показатель почти в два раза превышает количество таких публикаций в предыдущем издании. Из них 3146 в предвыборный период и 3185 в поствыборный период.

Основной тенденцией данного издания можно считать крайне негативный дискурс в отношении России. При более детальном лингвистическом анализе можно выявить приписывание определённых ярлыков России. Так, часто РФ именуется как «оккупант» или «российский режим». Фразы также строятся для максимального негативного окраса: «Россия нагло схватила», «страна-агрессор», «российский терроризм». В целом все темы, даже относительно нейтральные преподносятся через призму негативизма с использованием вышеупомянутых слов и фраз.^[6]

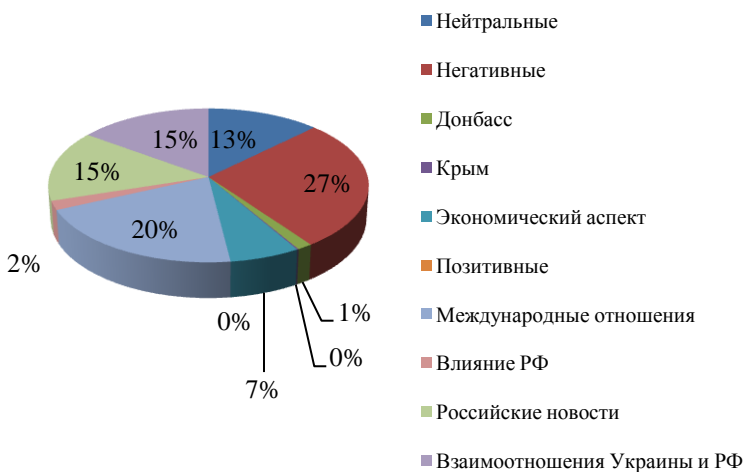
Ещё одной закономерностью данного информационного агентства можно выделить радикальный негативизм всех внутрироссийских новостей, и даже большинство нейтральных новостей носит негативный характер посредством использования журналистами определённых лингвистических форм. Все публикации, которые были отнесены к категории «Российские новости» имели негативный характер без политического окраса. То есть, весь подобный дискурс был направлен на донесение до населения Украины мысли о том, что в России происходят только катастрофы, взрывы, убийства и прочие неудачи.^[7] Более того, в нейтральных новостях довольно часто, помимо упоминания каких-либо международных спортивных соревнований, на которых присутствуют российские спортсмены и подобных публикаций очень часто упоминаются украинские артисты, которые уехали жить и работать в Россию. В таких случаях нередко используются лингвистические конструкции по типу «сбежавшая в Россию ...», при этом дискурс относительно этих артистов также носит негативный, отчасти носит оскорбляющий характер.

Ниже приведены процентные соотношения категорий дискурса в ИА «УНИАН».

УНИАН Данные за предвыборный период

УНИАН Данные за поствыборный период

Посмотрев на графики можно сделать вывод, что по большей части риторика СМИ не отличается в заданные периоды. Более четверти всех публикаций носят сугубо негативный характер.

Латентно в иных статьях также закладывается отягощающий Россию посыл. Из этих данных можно вывести только две закономерности.

1. В два раза (с 4% до 2%) сократился показатель в поствыборный период по категории «Влияние РФ» в сравнении с предвыборным периодом.^[8] Это объясняется большим количеством статей о попытках Российской Федерации повлиять на результаты выборов.

2. В два раза (с 23 упоминаний до 46) увеличилось количество публикаций о Донбассе во втором временном отрезке. Главной темой публикаций является урегулирование конфликта на Донбассе. Такая динамика дискурса уже актуальна для последнего месяца поствыборного периода.

Таким образом, можно сделать вывод, что с помощью анализа дискурса нам удалось выявить основную направленность двух различных групп влияния на Украине.

112.УА используется своими владельцами и руководителями для пророссийской риторики. Более того, самым важным аспектом дискурса является формирования социального представления у населения Украины о необходимости достижения политических и экономических договорённостей между странами, а также урегулирование конфликта. Такой дискурс полностью соответствует известной позиции руководства издания, а выявленная динамика риторики даёт понять примерные изменения в политической воли Медведчука и его окружения.

Анализ повестки УНИАНа показывает, что для группы влияния Игоря Коломойского, в том числе президента Украины Владимира Зеленского, не имеет значение период. Риторика дублирует себя в обоих временных отрезках. Отношение к России не изменилось, носит крайне негативный характер. Это может указывать на нежелание данной группы влияния, и, соответственно, высшего руководства страны, идти на сближение Украины и России. Портрет Российской Федерации у населения Украины формируется довольно отрицательный, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Список литературы:

1. Комарова, З.И. Лингвополитология как частная парадигмасовременной лингвистики: методологический аспект / З.И. Комарова // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов, ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. Ун-т». – Екатеринбург, 2012. – Вып. 4 (42). – С. 23-33
2. Левенкова, Е.Р. Британский и американский политический дискурс: контрастивный анализ: монография / Е.Р. Левенкова. – Самара : ПГСГА, 2011. – 308

3. В Украину будут пускать только тех наблюдателей за выборами, которых аккредитовали // 112.UA. 11.02.2019. Режим доступа: <https://112.ua/politika/v-ukrainu-budut-puskat-tolko-teh-nablyudateley-za-vyborami-kotoryh-akkreditovali-480213.html>. (Просмотр от 22.10.2019)
4. Медведчук о телемосте с РФ: если не вступать в диалог, то мира не будет // 112.UA. 09.07.2019. Режим доступа: <https://112.ua/politika/medvedchuk-o-telemoste-s-rf-esli-ne-vstupat-v-dialog-to-mira-ne-budet-499158.html>. (Просмотр от 22.10.2019)
5. В "Нафтогазе" отреагировали на заявления "Газпрома" о транзите и скидках на газ для Украины // 112.UA. 07.06.2019. Режим доступа: <https://112.ua/ekonomika/v-naftogaze-otreagirovali-na-zayavleniya-gazproma-o-tranzite-i-skidkakh-na-gaz-dlya-ukrainy-495117.html>. (Просмотр от 22.10.2019)
6. Ани Лорак ужаснула сеть своим лицом (фото) // УНИАН. 03.06.2019. Режим доступа: <https://www.unian.net/lite/stars/10572081-ani-lorak-uzhasnula-set-svoim-licom-foto.html>. (Просмотр от 22.10.2019)
7. «Целуй, тварь»: в России заведующая детсада заставила мальчика целовать землю (видео) // УНИАН. 02.05.2019. Режим доступа: <https://www.unian.net/russianworld/10535655-celuy-tvar-v-rossii-zaveduyushchaya-detsada-zastavila-malchika-celovat-zemlyu-video.html>. (Просмотр от 22.10.2019)
8. На президентские выборы могут прибыть фейковые миссии наблюдателей – КИУ // УНИАН. 01.02.2019. Режим доступа: <https://www.unian.net/elections/10430805-na-prezidentskie-vybory-mogut-pribyt-feykovye-missii-nablyudateley-kiu.html>. (Просмотр от 22.10.2019)

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ²

Чарикова В. О.

Аспирантка философского факультета, кафедра теоретической и социальной философии, СГУ им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: charikova.1995@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается личность в эпоху цифрового пространства. Приводятся несколько типов интернет-зависимостей. Рассматриваются ценности и их роль в момент формирования личности в цифровом пространстве.

Ключевые слова: личность, цифровое пространство, цифровое поколение, ценности, Интернет, интернет-зависимость

PERSONALITY FORMATION IN DIGITAL SPACE

Charikova V. O.

---

² Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук № МК-6874.2018.6

A Postgraduate Student, the Faculty of Philosophy,
The Department of Theoretical and Social Philosophy
Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky
E-mail: charikova.1995@mail.ru

Annotation: The article considers personality in the epoch of digital space. A few types of Internet addiction are provided. Values and their role in the process of personality formation in digital space are considered.

Key words: personality, digital space, digital generation, values, Internet, Internet addiction

В социально-философском дискурсе большое значение придается исследованию личности и тому, как цифровое пространство влияет на её жизненный мир. «Развитие в цифровом обществе проходит крайне своеобразно» [1; 10]. Виртуальная информация представляет собой поток знаний и является «экраным» продуктом, который привлекает людей для создания сетевых отношений и активности. «Экранный» продукт совместно с цифровыми технологиями представляет не столько культурную среду, а внешнюю память. Она перестраивает человеческую память, позволяя действовать и планировать по-новому. Предоставляет возможность реализовывать поставленные цели, находя альтернативные способы решения проблем благодаря огромному массиву информации в Интернете.

Во время реализации своих целей, личность опирается не только на средства и возможности окружающего мира, но и привлекает различных интернет-специалистов со всего мира. Таким образом, личность становится частью *цифрового поколения* или *поколения Y*. Данное поколение родилось в период развития цифровых технологий, и сейчас его представители являются уверенными пользователями интернета. Они отказываются от традиционных форм реализации себя в бизнесе и приносят инновационные методы развития в деловые отношения. Цифровое поколение является информированным, так как постоянно занимается поисковой деятельностью информации. Поколение также имеет и другое качество – многозадачность, когда личность способна решать одновременно несколько разных задач.

Таким образом, при активном пользовании благами информационного пространства, личность может подвергаться негативному влиянию. Во многом это связано с информационной перегруженностью личности, как следствие она недостаточно хорошо

систематизирует и структурирует информацию, что вызывает неспособность формировать и использовать знания.

Другой негативный фактор – это интернет-зависимость. Специалисты выделяют несколько типов интернет-зависимостей:

1. Игровая зависимость – индивид погружен в игровой компьютерный мир, он с легкостью отказывается от общения с родными и друзьями, от пищи и сна.

2. Бесперывный переход от ссылки к ссылке, поиск интересующей информации.

3. Зависимость от виртуального общения: личность постоянно прибывает в чатах, на различных форумах, заводит новые виртуальные знакомства в социальных сетях.

4. Зависимость от виртуальных покупок: пристрастие личности к ненужным покупкам в интернет-магазинах, сюда можно отнести виртуальные азартные игры, участие в интернет-аукционах.

Действия человека, происходящие в Интернете: общение, игры, поиск интересующей информации, может захватывать большую часть его свободного времени, таким образом, не оставляя ни времени, ни сил на реальную жизнь.

Поколение Y и поколение Z - молодое поколение, возникшее при взаимодействии человека и технологий, им свойственна еще одна черта – это *тревога не подключения*, которая может достигать уровня истерии.

В информационном пространстве происходит перенос коммуникации, где роль человека, как и его прошлое и будущее утрачивается. Появление новой коммуникативной среды способствует возникновению других форм коммуникации - форумы, чаты, социальные сети, которые в свою очередь оказывают влияние на формирование индивидуальной идентичности в новой информационной среде.

Цифровое пространство представляет собой повсеместное распространение цифровых технологий, где люди «проводят большую часть своей жизни в сети Интернет и не делают различия между жизнью в Сети и вне ее. Представители цифрового поколения не воспринимают свою идентичность в цифровом и реальном пространстве как нечто обособленное; они считают, что их идентичность представлена сразу в нескольких пространствах» [2; 11].

Цифровое пространство создало новую среду социальной идентификации, самовыражения, что определяло её двойственный характер. С одной стороны, повсеместное распространение сети Интернет и других глобальных информационных сетей коренным

образом изменило соотношение приватной и публичной сфер жизни человека, что, в свою очередь, привело к формированию совершенно новых путей идентификации личности: наблюдается возрастающая степень индивидуализации. Грань между публичной и частной жизнью стерта – находясь у себя дома, человек общается через компьютер со всем миром.

С другой стороны, общаясь в виртуальной реальности, молодое поколение получает возможность формировать в частной сфере свой индивидуальный стиль, который во многом предопределен вкусами и стилями извне. Таким образом, пользователи Интернета из разных географических пространств, удаленные физически друг от друга, существуют при этом в едином временном континууме.

Политолог Р. Инглхарт несколько десятилетий исследует сдвиги в мировоззрении населения многих стран мира от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Он аргументирует, что поколения, приобретающие определенные ценности в молодом возрасте, как правило, не утрачивают их и в последствии всей жизни. По мнению Р. Инглхарта, по мере взросления, поколение не будет отказываться от ежедневного использования Интернета, поскольку виртуальная реальность уже является неотъемлемой частью их стиля жизни.

Формирование личности в цифровом пространстве осуществляется посредством размещения информации о себе в открытом доступе в социальных сетях. В отличие от начальных этапов развития Интернета, в последнее десятилетие пользователи размещают реальную информацию о себе. В связи с применением цифровых технологий представители цифрового поколения имеют практически неограниченные возможности для создания многочисленных вариантов своего «я» на самых разных виртуальных платформах. Таким образом, личный профиль в социальных сетях у представителей цифрового поколения практически идентичен описанию личности.

Общение и поиск новых друзей в сети является неотъемлемой частью жизни и формирования личности у представителей цифрового поколения, что несет за собой как позитивные, так и негативные последствия.

Общение в социальных сетях с сетевыми друзьями способствуют развитию взаимодействия и признательности. Это помогает осознать такие понятия, как статус, уважение и доверие.

Таким образом, личность учится поддерживать дружеские отношения, принимая на себя различные статусы и роли, что в

последствии служит для адаптации в реальной социальной среде. С другой стороны, доступность информации о личности в социальных сетях может быть использована недоброжелателями в целях обмана и шантажа.

Таким образом, цифровое пространство оказывает специфическое влияние на формирование личности, которое может стать предметом дальнейших эмпирических исследований специалистов различных сфер гуманитарной практики.

Список литературы:

1. Войскунский, А.Е. Психология и Интернет / А.Е. Войскунский. М., Акрополь. 2010. 439 с.
2. Пэлфри, Дж. Дети цифровой эры / Дж. Пэлфри, У. Гассер. М., 2011. 368 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ АДДИКТИВНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ В СРЕДЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (НА ПРИМЕРЕ ИГРОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ)

Ярошенко Е.И., Рафикова В.С.

Старший преподаватель кафедры юридической психологии семьи и детства на базе аппарата Уполномоченного по правам ребенка по Саратовской области, магистрант 1 года обучения 165 группы факультета психологии

СГУ им. Н.Г. Чернышевского

yarosh667@gmail.com; rafikova-vika@bk.ru

Аннотация. В статье представлены результаты опроса военнослужащих для установления актуальной степени игровой зависимости с целью профилактики развития аддикции. На сегодняшний день проблема игровой зависимости в воинских частях остается не достаточно изученной. Исследование проводилось по разработанной нами анкете на военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Саратовской области.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, игровая зависимость, личность военнослужащего, азартные игры.

FEATURES OF ADDICTIVE FORMS OF BEHAVIOR IN THE MILITARY ENVIRONMENT (ON THE SAMPLE OF GAMING ADDICTION)

Yaroshenko E. I., Rafikova V. S.

Senior lecturer of the Department of legal psychology of family and childhood on the basis of the office of the Commissioner for the rights of the child in the Saratov region, master's student 1 year 165 group of the faculty of psychology SSU them. N. G. Chernyshevsky

Abstract. The article presents the results of a survey of military personnel to establish the actual degree of gaming addiction in order to prevent the development of addiction. Now the problem of gaming addiction in military units remains insufficiently studied. The study was conducted according to the questionnaire developed by us for military personnel undergoing military service under contract in the Saratov region.

Key words: addictive behavior, gaming addiction, personality military, gambling games.

В современном мире широко распространена проблема аддиктивного (зависимого) поведения. Змановская Е.В. определяет аддиктивное поведение как одну из форм отклоняющегося поведения личности, которая связана со злоупотреблением чем-то или кем-то в целях саморегуляции или адаптации.

В научной литературе авторы выделяют следующие формы зависимого поведения [1]:

1. химическая зависимость (курение, токсикомания, наркозависимость, лекарственная зависимость, алкогольная зависимость);
2. нарушения пищевого поведения (переедание, голодание, отказ от еды);
3. сексуальные аддикции (фетишизм, пигмалионизм, вуайеризм, садомазохизм и др.);
4. религиозное деструктивное поведение (религиозный фанатизм, вовлеченность в секту);
5. гэмблинг – игровая зависимость (компьютерная зависимость, азартные игры).

Последняя форма аддиктивного поведения представляет для нас особый интерес в условиях военной службы. Работники здравоохранения установили повышенную опасность развития игровой зависимости в современном обществе. Профессиональная деятельность военнослужащих предполагает выполнение должностных обязанностей, принадлежащих к числу наиболее трудоемких и динамичных. Данное обстоятельство связано с тем, что сотрудникам приходится работать в условиях повышенной напряженности и дефицита времени, отводимого на выполнение поставленных задач и приказов. В связи с этим возникает необходимость полноценного отдыха для военнослужащих. Одним из востребованных способов снятия напряжения являются азартные игры, злоупотребление которыми может привести к серьезным

индивидуальным, семейным и даже социальным последствиям (разорение, потеря семьи, ущерб общественной или государственной собственности, преступная деятельность, личностные и даже психические расстройства).

«Патологическая склонность к азартным играм» занесена в международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ-10) и выделены следующие критерии диагностики расстройства состояние индивида [2]:

- повторные (два и более) эпизоды азартных игр на протяжении не менее года;
- эти эпизоды возобновляются, несмотря на отсутствие материальной выгоды, субъективное страдание и нарушения социальной и профессиональной адаптации;
- невозможность контролировать интенсивное влечение к игре, прервать её волевым усилием;
- постоянная фиксация мыслей и представлений на азартной игре и всем, что с ней связано.

Всемирная организация здравоохранения в ходе 72-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения признала «игровое расстройство» болезнью, которое определяется как «модель игрового поведения (при игре в цифровые игры или видеоигры)». Данная болезнь отличается «нарушением контроля за игрой, отведением игре все большего приоритета по сравнению с другими видами деятельности до такой степени, что ей отдается предпочтение перед другими интересами и повседневными занятиями, а также продолжением или интенсификацией игровой деятельности несмотря на появление нежелательных последствий» [3]. Игровое расстройство может быть диагностировано, если влечёт за собой значительные нарушения в личной, семейной, социальной, образовательной и профессиональной сферах жизни.

С позиции медицинского подхода, формирование различных видов зависимости, в том числе и игровой, обусловлено участием гормона дофамина («гормона удовольствия»), вырабатываемым организмом человека. Данный гормон влияет на эмоции, чувства, желания, уровень мотивации личности, акцентирует ее внимание на достижении цели, ожидании счастья, и в тоже время может представлять большую опасность для здоровья, поскольку очень легко вызывает зависимость и провоцирует вредные привычки.

Причины развития аддиктивного поведения среди военнослужащих как срочной, так и контрактной службы можно найти в работах А.И. Васильева, С.В. Литвинцева, А.И. Медус, В.В. Юсупов.

Вопросы распространенности и личностных особенностей военных, склонных к аддиктивному поведению исследовались И.С. Бахтиным [4]. Шумихин А.К. описал особенности проявления у военнослужащих интернет-аддикции, возможности ее коррекции и профилактики [5]. В то же время, на сегодняшний день проблема игровой зависимости в воинских частях остается не достаточно изученной.

На наш взгляд, является важным определить степень вовлеченности военнослужащего в игру для своевременного реагирования с целью профилактики развития аддикции.

Под игровой зависимостью мы понимаем форму психологической зависимости, проявляющуюся в участии в азартных играх, а именно навязчивое увлечение компьютерными играми, ставками на тотализаторе, казино, с возникновением желания «отыграться» после проигрыша.

С целью установления актуальной степени игровой зависимости у военнослужащих, нами был проведен опрос, в котором приняло участие 127 испытуемых мужского пола в возрасте от 27 до 39 лет, проходящих военную службу по контракту в Саратовской области. Применение авторской анкеты позволило получить следующие результаты.

Большинство военнослужащих (82 %, 104 человека) никогда не играли в компьютерные игры более 4 часов, в азартные игры на деньги, не делали ставки в букмекерских конторах и не посещали казино.

Остальные испытуемые (18 %, 23 человека), разделились на следующие подгруппы:

- играют в компьютерные игры более 4 часов подряд, для поднятия настроения, с денежными затратами – 15 человек;
- делают ставки на спорт в букмекерских конторах, в том числе в сети Интернет – 8 человек.

С каждым с испытуемым была проведена доверительная беседа, в ходе которой было установлено, что игры и ставки не являются закрепленной формой поведения, и не создают проблем в семье и на службе.

Анализ полученных данных позволил нам прийти к следующим выводам: принимавшие участие в нашем исследовании военнослужащие не подвержены влиянию игровой зависимости и выбирают иной способ психологической разгрузки. Данное обстоятельство может быть связано с личностными особенностями военнослужащих и отсутствием у них сформированных стадий эмоционального выгорания [6]. С целью установления данных

закономерностей мы считаем важным проведение дальнейших исследований индивидуальных особенностей личности военного, определяющих его предрасположенность к аддиктивному поведению.

Список литературы:

1. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003 – 288 с.
2. F63.0 Патологическое влечение к азартным играм [Электронный ресурс] // МКБ 10 - Международная классификация болезней 10-го пересмотра URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4345> (дата обращения: 03.10.2019).
3. Игровое расстройство [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения URL: <https://www.who.int/features/qa/gaming-disorder/ru/> (дата обращения: 03.10.2019).
4. Бахтин И.С. Личностные особенности курсантов военно-морских высших военных учебных заведений, склонных к аддиктивному поведению : дисс. ... канд. психол. наук : 19.00.04 / Бахтин Илья Сергеевич. – СПб., 2016. – 175 с.
5. Шумихин А.К. 2012. Современные проблемы аддиктивного поведения военнослужащих // Студенческий научный форум: IV международной студенческой электронной научной конференции URL: <http://www.rae.ru/forum2012/290/2084> (дата обращения: 13.10.2019).
6. Ярошенко Е.И. Аддиктивные формы поведения как следствие эмоционального выгорания сотрудников пенитенциарной системы // «Изменяющийся мир: общество, государство, личность»: сб. материалов IV международной научной конференции (09 апреля 2015 г.). Часть 1 (разделы 1-10). Саратов: ИЦ «Наука», 2015. 615 с.: С. 262-266.

**ПСИХОЛОГИЯ ИНТЕГРАЛЬНОЙ
ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ
ОБЩЕСТВЕ**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

22 ОКТЯБРЯ 2019 ГОДА

Формат 60x84 1/16.

Подписано в печать 01.12.2019. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 4,5. Тираж 100 экз.

Издательский центр «Наука»

410600, Саратовская обл, г. Саратов, ул. Пугачевская, д. 117, кв. 50

Отпечатано в типографии «Техно-Декор»

410012, Саратовская обл, г. Саратов, ул. Московская, 160

Тел.: (8452) 74-29-47

